

Creativity and Modernity

Творчество и современность

ISSN 2542-1352

2025 N°2 (32)

Творчество и современность

Выпуск 2 (32) | 2026

Электронное сетевое издание

www.nsktvs.ru

ISSN 2542-1352

Контакты:

Новосибирский государственный
университет архитектуры, дизайна
и искусств имени А.Д. Крычкова,
630099, г. Новосибирск,
Красный проспект, 38
E-mail: tvns@nsuada.ru

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре
Свидетельство о регистрации СМИ
Эл № ФС77-65362

© НГУАДИ, 2026

© Коллектив авторов, 2026

Научный журнал «Творчество и современность» был основан в 2016 году. Учредителем и издателем сетевого издания «Творчество и современность» является ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крычкова» (НГУАДИ).

Статьи сетевого издания размещаются в национальной информационно-аналитической системе [РИНЦ](#).

Сетевое издание «Творчество и современность» публикует результаты научных исследований по следующим направлениям:

Архитектура

Градостроительство

Дизайн архитектурной среды

Дизайн

Монументально-прикладное искусство

Гуманитарные дисциплины

Прикладная информатика в указанных областях

Периодичность: 4 раза в год

Creativity and Modernity

Issue 2 (32) | 2026

e-journal

www.nsktvs.ru

ISSN 2542-1352

Contacts:

Kryachkov Novosibirsk State University
of Architecture, Design and Arts,
38 Krasny prospect, Novosibirsk
E-mail: tvns@nsuada.ru

© NSUADA, 2026

© Authors, 2026

The scientific journal "Creativity and Modernity" was founded in 2016. The founder and publisher of the online publication "Creativity and Modernity" is Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts A.D. Kryachkov" (NSUADA).

Frequency: 4 times per year

Редакционный совет

Главный редактор: **Наталья Багрова**

Ответственный редактор: **Антон Гашенко**

Абишева Сауле Ивановна,

кандидат педагогических наук, профессор кафедры архитектуры и дизайна, Некоммерческое акционерное общество «Торайгыров университет», Павлодар, Казахстан

Багрова Наталья Викторовна,

доктор культурологии, ректор Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Новосибирск

Борисова Татьяна Михайловна,

кандидат технических наук, доцент кафедры конструирования и технологии одежды и обуви, Витебский государственный технологический университет, Беларусь

Вольская Лариса Николаевна,

доктор архитектуры, профессор кафедры реконструкции и реставрации архитектурного наследия, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Новосибирск

Журин Николай Петрович,

кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой теории и истории архитектуры и градостроительства, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Новосибирск

Майничева Анна Юрьевна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Медеуова Кульшат Агибаевна,

доктор философских наук, заведующая кафедрой философии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Пайчадзе Светлана Сергеевна,

PhD, доцент исследовательского факультета СМИ и коммуникаций, университет Хоккайдо, Япония

Панина Нина Леонидовна,

доктор искусствоведения, старший преподаватель кафедры истории культуры, Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Поляков Евгений Николаевич,

доктор искусствоведения, кандидат архитектуры, профессор кафедры теории и истории архитектуры, Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск

Прохоров Сергей Анатольевич,

доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой изобразительного искусства Института архитектуры и дизайна, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, Барнаул

Семенцов Сергей Владимирович,

доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой архитектуры и градостроительного наследия, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург

Туманик Артемий Геннадьевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории архитектуры и градостроительства, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Новосибирск

Фоменко Алесь Александрович,

старший преподаватель кафедры промышленного дизайна, Белорусская государственная академия искусств, Минск, Беларусь

Содержание

Творчество и современность

Выпуск 2 (32) | 2026

Архитектура | Architecture

- Е.А. Грузина.** Формирование цифровой культуры творчества в архитектурных школах России и зарубежья в контексте креативных индустрий 4
- М.И. Зильберберг.** Покровские храмы Новосибирской области второй половины XIX — начала XX вв. Подготовка к графической реконструкции 11
- С.И. Капительный.** Региональная специфика транспортно-пересадочных узлов в Сибири по материалам опроса экспертов-практиков 19
- С.В. Лаер, Е.Г. Иванова.** Фотография макета как средство развития композиционного мышления 29

Урбанистика | Urban Studies

- Д.В. Бабарыкина.** Всесезонность общественного пространства 41
- З.М. Эргашев.** Роль многофункциональных комплексов в формировании центра Октябрьского района города Новосибирска 50
- З.А. Смирнова.** Планировочно-пространственные модели формирования парковых территорий в условиях северных городов 61

Педагогика | Pedagogics

- Е.А. Крыласова, Д.С. Духанин, А.В. Глузхов.** Аэробика как средство повышения мотивации студентов вуза к занятиям по физической культуре 71
- К.И. Локтев.** Пути оптимизации учебного процесса по физическому воспитанию детей специальной медицинской группы 77

Архитектура | Architecture

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2001>

Формирование цифровой культуры творчества в архитектурных школах России и зарубежья в контексте креативных индустрий

Елена Грузина

Доцент

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
e.a.gruzina@gmail.com, [ORCID](#)

Аннотация

Актуальность. Глобальная цифровая трансформация существенно меняет требования к профессиональным компетенциям архитекторов. Традиционные навыки проектирования дополняются умением работать с цифровыми инструментами в контексте широкой экосистемы креативных индустрий. Архитектурные школы оказались перед необходимостью переосмыслить содержание образовательных программ и методологию обучения. **Цель.** Исследование направлено на выявление актуальных моделей формирования цифровой культуры творчества в архитектурных школах России и ведущих зарубежных университетов, а также на разработку практических рекомендаций по совершенствованию образовательных программ. **Материалы и методы.** Исследование основано на сравнительном анализе образовательных программ российских (МАРХИ, СПбГАСУ, НГУАДИ) и зарубежных (AA School, MIT, ETH Zurich, TU Delft) архитектурных школ, изучении педагогической документации и публикаций по цифровому образованию в архитектуре, а также обобщении опыта практикующих архитекторов и преподавателей. **Результаты.** Установлено, что российские архитектурные школы активно интегрируют цифровые дисциплины при сохранении фундаментальной художественно-гуманитарной школы, а ведущие зарубежные университеты делают акцент на исследовательском и экспериментальном характере цифрового творчества. Выявлены ключевые вызовы: быстрое устаревание программного обеспечения, дефицит квалифицированных преподавателей, необходимость поддержания баланса между ручными и цифровыми методами проектирования. Сформулированы инновационные педагогические подходы, включающие проектное обучение, хакатоны и интеграцию массовых открытых онлайн-курсов. **Выводы.** Цифровая культура творчества представляет собой не совокупность технических навыков, а комплексное профессиональное мышление. Архитектурное образование должно готовить «Т-образных» специалистов, сочетающих глубокие архитектурные знания с широким цифровым инструментарием, обеспечивая тем самым конкурентоспособность выпускников в сфере креативных индустрий.

Ключевые слова: архитектурное образование, креативные индустрии, цифровая трансформация, педагогические инновации, Т-образный специалист

Для цитирования: Грузина Е.А. Формирование цифровой культуры творчества в архитектурных школах России и зарубежья в контексте креативных индустрий // Творчество и современность. 2026. № 2. С. 4–10.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2001>

Developing a Digital Creativity Culture in Architectural Schools in Russia and Abroad Within the framework of Creative Industries

Elena Gruzina

Associate Professor

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

e.a.gruzina@gmail.com, [ORCID](#)

Abstract

Relevance. The global digital transformation is substantially reshaping the professional competencies required of architects. Traditional design skills are complemented by proficiency in digital tools within the broader ecosystem of creative industries. Architectural schools are now faced with the need to rethink the content and methodology of their educational programmes. **Objective.** The study aims to identify current models for cultivating a digital creativity culture in Russian and leading foreign architectural schools, and to develop practical recommendations for the improvement of educational programmes. **Materials and methods.** The study draws on a comparative analysis of educational programmes at Russian (MArchI, SPbGASU, NSUADA) and foreign (AA School, MIT, ETH Zurich, TU Delft) architectural schools, examination of pedagogical documentation and publications on digital education in architecture, and a synthesis of experience from practising architects and educators. **Results.** Russian architectural schools were found to be actively integrating digital disciplines while preserving their foundational artistic and humanities traditions, whereas leading foreign universities place greater emphasis on the research-driven and experimental character of digital creativity. Key challenges identified include the rapid obsolescence of software, a shortage of qualified faculty, and the need to maintain a balance between manual and digital design methods. Innovative pedagogical approaches were formulated, including project-based learning, hackathons, and the integration of massive open online courses. **Conclusions.** Digital creativity culture represents not a collection of technical skills but a complex professional mindset. Architectural education must prepare T-shaped specialists who combine deep architectural knowledge with a broad digital toolkit, thereby ensuring the competitiveness of graduates within the creative industries.

Keywords: architectural education, creative industries, digital transformation, pedagogical innovations, T-shaped specialist.

For citation: Gruzina E. (2025) Developing a Digital Creativity Culture in Architectural Schools in Russia and Abroad Within the framework of Creative Industries. *Creativity and modernity*. 32 (2). 4–10.

Введение

Архитектура исторически занимала особое место на пересечении инженерной мысли и художественного творчества [Сердюкова, 2021, с. 97]. В XXI веке она прочно интегрирована в сферу креативных индустрий — сектор экономики, основанный на индивидуальном таланте, навыках и творчестве, который генерирует интеллектуальную собственность и создает добавленную стоимость. Согласно классификациям ЮНКТАД архитектура входит в перечень креативных индустрий наряду с дизайном, кино, рекламой и информационными технологиями. Данная принадлежность требует, чтобы архитекторы воспринимали себя не только как проектировщиков зданий, но и как креативных предпринимателей, готовых к работе в условиях цифровой экономики.

Цифровизация меняет требования к выпускникам архитектурных школ. Для сохранения конкурентоспособности учебных заведений необходимо сформировать новую цифровую культуру творчества — комплексное профессиональное мышление, включающее знания, навыки, ценности и креативные практики использования передовых цифровых инструментов [Соколова, 2012, с. 8] (рисунок 1). Эта задача требует пересмотра подходов к архитектурному образованию как в России, так и за рубежом.

Цель настоящего исследования - выявить актуальные модели формирования цифровой культуры творчества в архитектурных школах России и ведущих зарубежных университетов, провести их сравнительный анализ и предложить практические рекомендации. Объектом исследования выступают образовательные программы и педагогические практики архитектурных школ; предметом — механизмы и инструменты формирования цифровой культуры в контексте развития креативных индустрий.

Материалы и методы. Исследование базируется на принципах системного и компаративного подходов. Основными методами являются: сравнительный анализ учебных планов и образовательных программ российских и зарубежных архитектурных школ; изучение научных публикаций по проблематике цифровой трансформации архитектурного образования; обобщение практического опыта архитектурных бюро и педагогических коллективов; контент-анализ отчетов и аналитических материалов профессиональных архитектурных организаций.

В качестве российских объектов анализа рассматривались МАРХИ (Москва), СПбГАСУ (Санкт-Петербург) и НГУАДИ им. А.Д. Крячкова (Новосибирск).

Среди зарубежных школ анализировались программы AA School (Лондон), MIT (Кембридж, США), ETH Zurich (Цюрих, Швейцария) и TU Delft (Делфт, Нидерланды). Выбор школ обусловлен их признанным статусом и наличием доступной документации по образовательным программам.

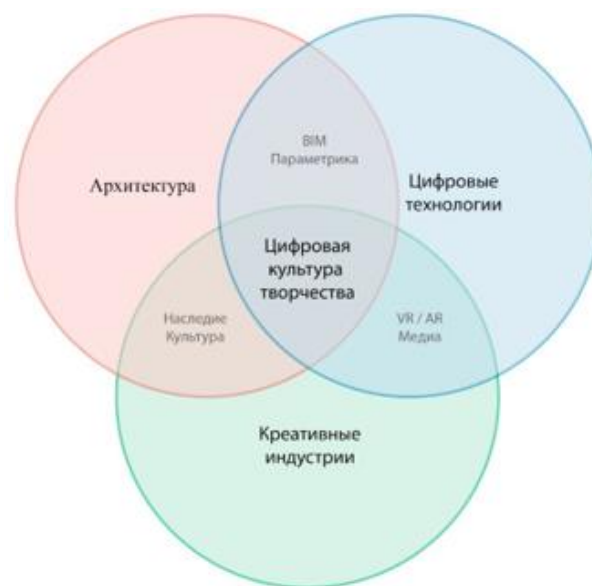

Рисунок 1. Цифровая культура творчества на пересечении архитектуры, цифровых технологий и креативных индустрий

Figure 1. Digital culture of creativity at the intersection of architecture, digital technologies, and creative industries

Полученные результаты и их обсуждение

На протяжении десятилетий архитектурное образование опиралось на традиционные методы: кульман, ручное макетирование, академическое черчение и аналоговую подачу проектов. Фундаментальная смена парадигмы, которую мы наблюдаем с начала 2000-х годов, предполагает постепенный переход к автоматизированному проектированию (САПР/CAD), трехмерному моделированию и алгоритмическому дизайну. Эта трансформация затрагивает не только набор осваиваемых инструментов, но и саму логику проектного мышления.

Особое значение приобретает формирование цифровой компетентности как характеристики готовности специалиста к деятельности в цифровой среде. Речь идет не о механическом умении пользоваться программными продуктами, а о способности к критическому осмыслению возможностей цифровых техно-

логий, постановке творческих задач средствами вычислительного проектирования и грамотной оценке генерируемых результатов.

Цифровая компетентность архитектора формируется на нескольких уровнях, отражающих нарастающую сложность применяемых инструментов и методов (рисунок 2).

Рисунок 2. Уровни цифровой компетентности архитектора

Figure 2. Levels of digital competence for architects

Базовый уровень включает стандартные средства, ставшие отраслевой нормой: CAD-программы (AutoCAD, SketchUp) для точного двухмерного документирования и базового трехмерного моделирования; инструменты свободного 3D-моделирования (Rhino, Blender) для работы со сложными неортогональными формами; средства фотореалистичной визуализации (V-Ray, Enscape) для профессиональной презентации и коммуникации с заказчиком.

Инновационный уровень связан с технологиями, принципиально меняющими процесс проектирования. BIM-системы (Revit, ArchiCAD, Renga) обеспечивают переход от описания геометрии к управлению информационной моделью здания, позволяя симулировать жизненный цикл объекта. Параметрическое проектирование (Grasshopper, Dynamo) открывает возможность создания адаптивных геометрий через алгоритмы, существенно расширяя диапазон архитектурных решений. Технологии VR/AR и игровые движки (Unity, Unreal Engine) формируют инструментарий для иммерсивной визуализации и интерактивного совместного проектирования, позволяя «входить» в создаваемые пространства еще на стадии концепции.

Передовой уровень определяется применением искусственного интеллекта и генеративного дизайна. Инструменты на основе машинного обучения используются для оптимизации планировочных решений, анализа устойчивости и энергоэффективности,

а также для быстрой генерации вариантов проектных решений. При этом роль архитектора принципиально трансформируется. Он становится не исполнителем, а постановщиком задачи и критическим оценщиком результатов, предлагаемых искусственным интеллектом.

Формирование цифровой культуры в российских архитектурных школах во многом определяется государственной политикой в области строительного сектора. Принятые нормативные требования по обязательному применению BIM-технологий в государственном строительстве создали мощный стимул для реформирования образовательных программ. Традиционные вузы — МАРХИ, СПбГАСУ, НГУАДИ — активно вводят цифровые дисциплины, стремясь при этом сохранить баланс с фундаментальной художественно-гуманитарной школой.

Характерной особенностью российского подхода является формирование цифровой культуры в русле патриотической и гуманитарной ориентации образования. Приоритетными направлениями становятся цифровая реконструкция архитектурного наследия, создание виртуальных музеев и исторических моделей, а также изучение региональных архитектурных традиций средствами BIM и VR. Цифровое творчество осмысливается как инструмент сохранения культурного кода страны и формирования профессиональной идентичности архитектора.

К числу позитивных тенденций относятся: создание специализированных цифровых лабораторий и центров коллективного пользования для 3D-печати и лазерной резки; появление молодых архитектурных бюро, демонстрирующих высокий уровень цифрового мастерства при работе с параметрическим дизайном; внедрение обязательных курсов по программированию и визуальному кодированию в учебные планы архитектурных специальностей [Дубынин и др., 2022, с. 22].

Вместе с тем главным нерешенным вопросом остается проблема органичной интеграции цифровых инструментов в студийный дизайн, а не их преподавание в качестве изолированных технических дисциплин. Пока цифровые курсы воспринимаются студентами как вспомогательные по отношению к основному проектному процессу, формирование подлинной цифровой культуры творчества остается ограниченным.

Ведущие мировые архитектурные школы — AA School в Лондоне, MIT, ETH Zurich, TU Delft — находятся в авангарде цифровой трансформации [Kocaturk, Kiviniemi, 2013, p. 465]. Принципиальное отличие их

подхода состоит в том, что цифровое творчество рассматривается неотрывно от исследовательской деятельности. Студенты не только осваивают существующие инструменты, но и участвуют в разработке собственных вычислительных методов, включая робототехнику, новые строительные материалы и авторские алгоритмы проектирования [Jenny et al., 2022, p. 3].

Особое место занимает развитие сетевого и совместного проектирования. Ведущие зарубежные школы активно используют международные онлайн-платформы, совместные мастерские и глобальные академические обмены для расширения профессионального кругозора студентов. Цифровая культура в этой системе координат понимается как язык кросскультурного взаимодействия, открывающий возможности для работы в международных командах [Oxman, 2008, p. 100].

Практическую состоятельность данного подхода подтверждают примеры ведущих практических студий. Zaha Hadid Architects и UNStudio наглядно демонстрируют, как органичное сочетание алгоритмических и параметрических инструментов с архитектурным концептуализмом порождает новаторскую форму, не имеющую аналогов в доцифровую эпоху. Применение технологий VR/AR как основного инструмента коллективного проектирования — а не просто финальной визуализации — принципиально меняет культуру работы архитектурной студии.

Сравнительный анализ подходов

Сопоставление российского и зарубежного опытов позволяет выделить как точки расхождения, так и зоны продуктивного синтеза (рисунок 3). Российские школы демонстрируют сильные позиции в области фундаментальной архитектурной подготовки, истории и теории, а также в цифровом документировании культурного наследия. Зарубежные университеты опережают в части исследовательской интеграции цифровых инструментов, разработки авторских алгоритмов и выстраивания глобальных профессиональных сетей (рисунок 4).

Интеграция подходов открывает возможность подготовки архитектора нового поколения — специалиста, мыслящего глобально, но действующего в глубоком культурном контексте. Именно такой синтез является оптимальной моделью для российского архитектурного образования: сохраняя преимущества традиционной фундаментальной школы, необходимо последовательно наращивать исследовательское и экспериментальное измерение цифровой подготовки.

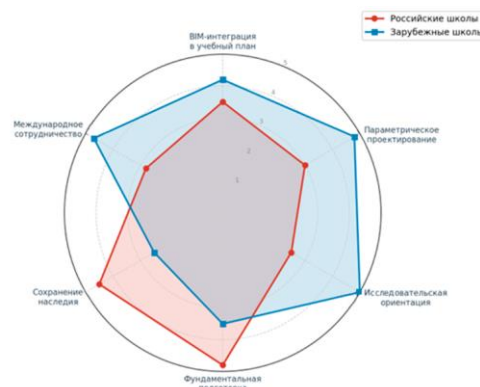

Рисунок 3. Сравнительный профиль российских и зарубежных архитектурных школ (экспертная оценка, баллы 1–5)

Figure 3. Comparative profile of Russian and foreign architectural schools (expert assessment, scores 1–5)

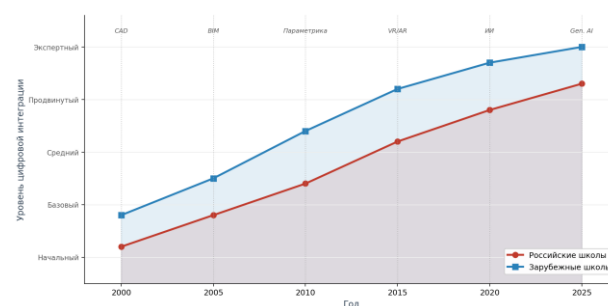

Рисунок 4. Динамика внедрения цифровых инструментов в архитектурное образование (2000–2025)

Figure 4. Dynamics of the introduction of digital tools in architectural education (2000–2025)

Переход к цифровой культуре творчества сопряжен с комплексом серьезных вызовов, которые можно условно разделить на технологические, кадровые и методологические.

К технологическим и кадровым вызовам относятся: стремительное устаревание программного обеспечения, темп которого опережает циклы обновления учебных планов; высокая стоимость лицензий на профессиональное ПО, мощных рабочих станций и VR/AR-систем, делающая передовое оснащение недоступным для значительной части образовательных учреждений; дефицит квалифицированных преподавателей, обладающих актуальными цифровыми компетенциями, — большинство таких специалистов предпочитают работу в высокооплачиваемой индустриальной среде.

Методологические проблемы не менее значимы. Первая из них — необходимость поддержания баланса между традиционными ручными навыками и цифровыми методами. Существуют весомые педагогические аргументы в пользу сохранения навыков ручного

рисования и макетирования как основы пространственного мышления архитектора. Вторая проблема — риск «ослепления технологией». Ситуации, когда студенты увлекаются инструментами ради самого эффекта, без глубокого концептуального и конструктивного обоснования принятых решений. Третья проблема связана с необходимостью органичной, а не формальной интеграции цифровых инструментов в каждый студийный проект. Именно степень этой интеграции, а не наличие отдельных технических курсов, определяет реальный уровень сформированности цифровой культуры.

В ответ на описанные вызовы в ведущих архитектурных школах формируется ряд инновационных педагогических практик. Центральное место среди них занимает проектное обучение (Project-Based Learning), позволяющее имитировать реальные задачи, которые ставит перед специалистом экосистема креативных индустрий. Студенты работают над комплексными, междисциплинарными проектами, объединяющими архитектурное проектирование, цифровые технологии и бизнес-компетенции.

Формат интенсивных мастерских и хакатонов обеспечивает быстрое освоение новых технологических инструментов в условиях реального временного ограничения, приближенного к индустриальным стандартам. Использование массовых открытых онлайн-курсов (МООК) дает доступ к передовым знаниям, объективно опережающим возможности большинства университетских программ по скорости обновления.

Важнейшей составляющей новой педагогической модели является развитие междисциплинарного сотрудничества. Современный архитектурный проект все чаще требует совместной работы с программистами, инженерами в области устойчивого развития и медиа-художниками. Формат гибридного проектирования, органично соединяющий физическое макетирование с цифровым моделированием, становится методологической нормой, максимально приближающей учебный процесс к реальной практике.

Стратегический ориентир всех перечисленных подходов — подготовка «Т-образных» специалистов [Ерыгина, 2020, с. 71]. Метафора буквы «Т» обозначает сочетание глубоких вертикальных знаний в профессиональной области (архитектура, история и теория, конструктивные системы) с широкими горизонтальными навыками взаимодействия со смежными дисциплинами (программирование, цифровой дизайн, управление проектами) (рисунок 5). Именно такая конфигурация компетенций обеспечивает конкурентоспособность выпускника в условиях постоянно меняющегося рынка креативных индустрий.

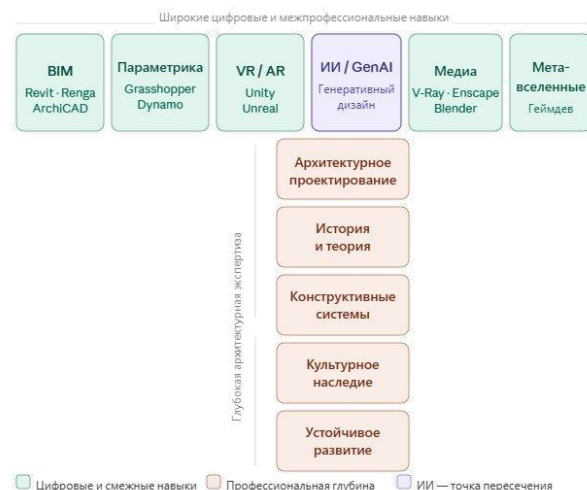

Рисунок 5. Модель компетенций «Т-образного» архитектора

Figure 5. Competency Model of a "T-shaped" Architect

Цифровая культура творчества принципиально расширяет профессиональный горизонт архитектора за пределы традиционного проектирования зданий. Выпускники, освоившие актуальный цифровой инструментарий, получают возможность работать в смежных сферах, непосредственно пересекающихся с архитектурой: медиа-архитектура и дизайн интерактивных фасадов; проектирование виртуальных пространств в контексте метавселенных и игровой индустрии; создание цифровых публичных арт-объектов и инсталляций; разработка интерактивных образовательных и культурных сред.

Формирование цифровой культуры непосредственно влияет на расширение рынка труда для специалистов архитектурного профиля, а не только на повышение качества традиционной проектной деятельности. Это обстоятельство придает дополнительный стратегический смысл инвестициям в цифровую трансформацию архитектурного образования.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что цифровая культура творчества представляет собой не набор технических навыков работы с конкретными программными продуктами, а комплексное профессиональное мышление, объединяющее творческую интуицию, аналитическую строгость и способность критически оценивать результаты, генерируемые цифровыми системами. Именно в таком понимании состоит принципиальное отличие нового образовательного целеполагания от традиционного подхода «обучения инструментам».

Российские архитектурные школы обладают значимыми конкурентными преимуществами: фундаментальной художественно-гуманитарной школой и глубокими традициями работы с архитектурным наследием, которые следует не противопоставлять цифровизации, а органично встраивать в неё, обогащая экспериментальной и исследовательской культурой, характерной для ведущих зарубежных университетов.

Устойчивое развитие архитектурного образования требует стратегического баланса между традицией и инновацией. Ни полный отказ от ручных навыков, ни консервация доцифровых методов не отвечают актуальным требованиям профессии и запросам рынка креативных индустрий. Ключевым вектором реформирования учебных программ должна стать не формальная установка отдельных дисциплин о BIM или параметрическом проектировании, а глубокая органичная интеграция этих инструментов в студийный процесс, при которой цифровое и концептуальное мышление развиваются в неразрывном единстве.

Совмещение российского и международного опыта создает реальную основу для подготовки архитектора нового поколения - «Т-образного» специалиста и креативного предпринимателя, мыслящего глобально, укорененного в культурном контексте и готового к профессиональной самореализации в широкой и постоянно расширяющейся экосистеме креативных индустрий.

Список литературы

1. Дубынин Н., Кочешкова Е., Граник М., Родимов А. Цифровая архитектура // Academia. Архитектура и строительство. 2022. № 1. С. 19-28.
2. Ерыгина А. В. Востребованность сотрудников T-shaped-типа в современном мире // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. С. 70-75.
3. Сердюкова Е. А. Смысловое поле культурного концепта «Архитектура» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. Том 12-3(63). С. 97-99.
4. Соколова Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху? // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3(8). С. 6-10.
5. Jenny D., Mayer H., Aejmelaeus-Lindström P., Gramazio F., Kohler M. A Pedagogy of Digital Materiality: Integrated Design and Robotic Fabrication Projects of the Master of Advanced Studies in Architecture and Digital Fabrication // Architecture, Structures and Construction. 2022. Vol. 2. № 2. P. 1-18. DOI: 10.1007/s44150-022-00040-1.
6. Kocaturk T., Kiviniemi A. Challenges of Integrating BIM in Architectural Education // Computation and Performance: Proceedings of the 31st eCAADe Conference. Vol. 2. Delft University of Technology, 2013. P. 465-473.
7. Oxman R. Digital architecture as a challenge for design pedagogy: theory, knowledge, models and medium // Design Studies. 2008. Vol. 29. № 2. P. 99-120. DOI: 10.1016/j.destud.2007.12.003.

References

1. Dubynin N., Kocheshkova E., Granik M., Rodimov A. (2022). Tsifrovaya arkhitektura [Digital architecture]. Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo, (1), pp. 19-28.
2. Erygina A.V. (2020). Vostrebovannost' sotrudnikov T-shaped-tipa v sovremennom mire [Demand for T-shaped employees in the modern world]. Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo, pp. 70-75.
3. Serdyukova E.A. (2021). Smyslovoe pole kul'turnogo kontsepta 'Arkhitektura' [The semantic field of the cultural concept 'Architecture']. Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk, 12-3(63), pp. 97-99.
4. Sokolova N.L. (2012). Tsifrovaya kul'tura ili kul'tura v tsifrovuyu epokhu? [Digital culture or culture in the digital age?]. Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury, 3(8), pp. 6-10.
5. Jenny D., Mayer H., Aejmelaeus-Lindstrom P., Gramazio F., Kohler M. (2022). A Pedagogy of Digital Materiality: Integrated Design and Robotic Fabrication Projects of the Master of Advanced Studies in Architecture and Digital Fabrication. Architecture, Structures and Construction, 2(2), pp. 1-18. DOI: 10.1007/s44150-022-00040-1.
6. Kocaturk T., Kiviniemi A. (2013). Challenges of Integrating BIM in Architectural Education. Computation and Performance: Proceedings of the 31st eCAADe Conference, Vol. 2. Delft University of Technology, pp. 465-473.
7. Oxman R. (2008). Digital architecture as a challenge for design pedagogy: theory, knowledge, models and medium. Design Studies, 29(2), pp. 99-120. DOI: 10.1016/j.destud.2007.12.003.

Материал передан в редакцию 25.05.2026.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2002>

Покровские храмы Новосибирской области второй половины XIX — начала XX вв. Подготовка к графической реконструкции

Мария Зильберберг

Магистрант

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
mozgevelnik123@yandex.ru, [ORCID](#)

Научный руководитель

Евгения Груздева

Доцент

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
gruzdeva.evgenya@gmail.com, [ORCID](#)

Аннотация

Статья посвящена анализу исторического храмового наследия Новосибирской области на примере Покровских церквей для последующей графической реконструкции. Отмечается традиционная значимость зданий храмов с религиозной и с архитектурно-градостроительной точек зрения. В материале рассматривается история и архитектурный облик Покровских храмов НСО. С использованием теоретических методов исследования, таких как анализ литературы и других источников, обобщение, классификация, синтез была выполнена их классификация с точки зрения современного состояния и наличия информации по каждому из объектов. Автором были изучены специальные ГИС-карты, на которых отмечены храмы XIX — начала XX вв. с точной географической привязкой, архивные документы и карты, а также интернет-источники. На основании полученных данных была выявлена новая классификация Покровских храмов с точки зрения возможности выполнения графической реконструкции. В дальнейшем предполагается продолжение изучения исторической храмовой архитектуры Новосибирской области, а также графическая реконструкция объектов — в соответствии с выявленной классификацией.

Ключевые слова: храмы, Покровские храмы, Новосибирская область, графическая реконструкция

Для цитирования: Зильберберг М.И. Покровские храмы Новосибирской области второй половины XIX — начала XX вв. Подготовка к графической реконструкции // Творчество и современность. 2026. № 2. С. 11–18.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2002>

Intercession Churches of the Novosibirsk Region from the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Preparation for Graphic Reconstruction

Maria Zilberberg

Master Student

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

mozgevelnik123@yandex.ru, [ORCID](#)

Science Advisor

Evgenya Gruzdeva

Associate Professor

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

gruzdeva.evgenya@gmail.com, [ORCID](#)

Abstract

The article is devoted to the analysis of the historical temple heritage of the Novosibirsk region on the example of the Pokrovsky Churches for subsequent graphic reconstruction. The traditional significance of temple buildings is noted from a religious and architectural and urban planning point of view. The article examines the history and the architectural appearance the Pokrovsky churches of the NSO. Using theoretical research methods such as analysis of literature and other sources, generalization, classification, synthesis, their classification was carried out in terms of the current state and availability of information on each of the objects. The author studied special GIS maps, which marked temples of the 19th - early 20th centuries with precise geographical reference, archival documents and maps, as well as Internet sources. Based on the data obtained, a new classification of the Pokrovsky Churches was revealed in terms of the possibility of performing graphic reconstruction. In the future, it is planned to continue studying the historical temple architecture of the Novosibirsk region, as well as graphic reconstruction of objects in accordance with the identified classification.

Keywords: temples, Pokrovsky temples, Novosibirsk region, graphic reconstruction

For citation: Zilberberg M. (2025) Intercession Churches of the Novosibirsk Region from the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Preparation for Graphic Reconstruction. *Creativity and modernity*. 32 (2). 11–18.

Введение

Старинные здания, усадьбы, храмы — это зримое воплощение нашей национальной идентичности, неразрывной связи поколений. Для поддержания этой связи необходимо сохранять и возрождать эти здания, усадьбы, храмы. На государственном уровне намечено формирование программы по сохранению объектов культурного наследия России [Послание Президента..., 2024]. Поэтому предполагаемое исследование особенно актуально в настоящее время.

Распространение храмового зодчества в России началось в конце IX — начале X вв. вместе с распространением Православия. Далее, на протяжении нескольких веков, христианство было одной из важных составляющих традиционной русской культуры. Поэтому, вследствие борьбы с религией после революции 1917 г., культурная традиция также была нарушена. В конце XX в. началось возрождение этой традиции — в той мере, в какой возможно, т.к. многое изменилось за 70 лет. И, как часть этого процесса, начали восстанавливаться разрушенные храмы и строиться новые.

Традиционно храмы играли значимую роль как в духовно-нравственном, так и в архитектурном облике любого города, всегда визуальнo выделяясь в городской среде, особенно в застройке дореволюционной России, с малоэтажными жилыми и общественными зданиями, которые строились специально меньше храмов по высоте. Территория современной Новосибирской области не была исключением, и, например, на панораме г. Новосибирска (тогда еще — Новониколаевска) 1915 года сразу выделяются существовавшие тогда церкви. Здания храмов были символами, значимой точкой притяжения в городе, играли важную роль в планировочном решении населенных пунктов, и эта их роль была утрачена. Графическая реконструкция разрушенных или перестроенных храмов поможет представить их исторический облик в существующей городской или природной среде.

В конце 19 века происходило активное переселенческое движение в Сибирь, на Дальний Восток, на современные территории Казахстана. Поэтому одним из источников информации о наличии в населенных пунктах церквей и храмов являются документы, связанные с этим переселением. Например, для переселенцев издавались специальные справочники с различными полезными рекомендациями. В одном из таких справочников («Сибирское переселение в 1899 году (что нужно знать каждому ходуку)»), в разделе «Советы ходокам», в том числе, сказано, что в Сибири

население редко, селения удалены друг от друга, мало церквей и школ [ГАТО, 325 (09с) (с18) С-34].

Существует ГИС-карта архивной службы Новосибирской области [Архивная служба НСО], на которой, с привязкой к географическим координатам, отмечены храмы конца XIX — начала XX вв. (их расположение было определено по метрическим книгам, которые до революции хранились именно в церкви). С этой картой связана еще одна ГИС-карта, расположенная на сайте Родиновед. Исследование этих карт в поисках старинных разрушенных храмов дало информацию, во-первых, о намного большем количестве таких зданий на территории Новосибирской области, чем было обнаружено ранее при изучении источников (360 храмов по данным сайта Родиновед), а во-вторых, — о том, что достаточно многие из этих храмов были посвящены празднику Покрова Пресвятой Богородицы. По статистике сайта temples.ru среди всех храмов на территории России, отмеченных на этом сайте, Покровские храмы занимают второе место по численности после Никольских. По Новосибирской области — шестое, а по данным сайта Родиновед — четвертое. То есть можно сказать, что такое посвящение храмов было одним из наиболее распространенных — как в целом в России, так и конкретно в Новосибирской области.

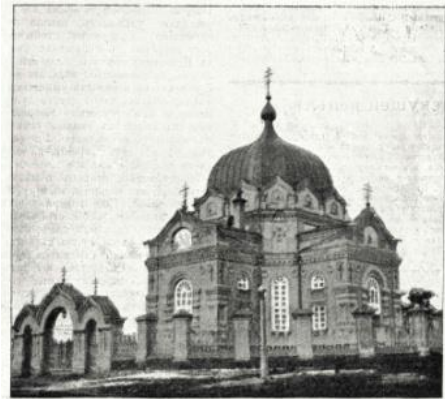
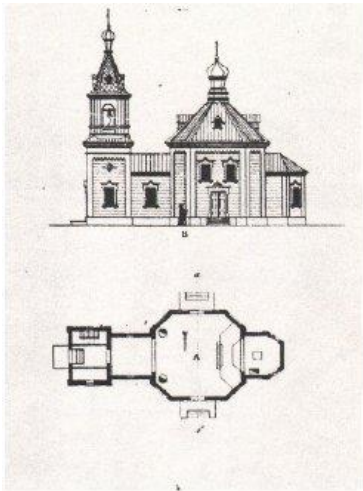
Идее исследования храмов с точки зрения их посвящения во многом способствовало прочтение статьи И.К. Голодяева о Никольских церквях города Новониколаевска [Голодяев 2017]. Такое исследование дает возможность структурировать достаточно большой объем данных по истории храмовой архитектуры нашего региона и более подробно изучить часть храмов, объединенную одинаковым посвящением.

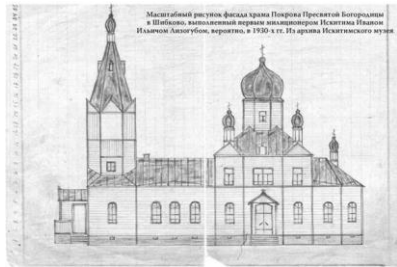
Информацию, полученную из разных источников, можно классифицировать по разным принципам. Одним из вариантов является классификация по наличию храмов и информации об их состоянии — т.е. по полноте источников информации. По этому принципу все Покровские храмы Новосибирской области, построенные в XIX — начале XX вв., можно поделить на следующие категории:

1. Сохранился сам объект (храм) как источник;
2. Сохранились графические источники информации о храмах;
3. Есть только письменные упоминания о храмах в архивных источниках/документах.

Для наглядного представления была составлена таблица (таблица 1), распределяющая по перечисленным категориям все Покровские храмы НСО (информация с сайта Родиновед), с указанием населенного

пункта, в котором они были построены, а также фототграфиями/рисунками (при наличии).

Сохранился сам объект (храм)	Сохранились графические источники	Сохранились только письменные упоминания
г.Новосибирск, ул.Октябрьская, 9 	с.Покровка, Чановский район 	– с. Каменка на северо-восточной границе Новосибирска (церковь сгорела); – с.Горловское; – с.Маршанское; – с. Мосты; – пгт. Ордынск; – с. Яковлевское (сейчас село не существует, 1км от д.Пешково на север от Убинки, Убинский район);
с. Завьялово Церковь Покрова Божией Матери в с. Завьялово, Барнаульского уезда, Томской губ. (Из статьи „Справедливо-Завьяловское Братство“). 	с.Доронино 	– д. Пахомово, Кыштовский район; – с.Сидоровка, Колыванский район; – с. Борково, Маслянинский район; – с. Жуланка, Кочковский район (здание церкви разобрано) – с.Сумы (здание церкви разобрано); – с.Утянка, Доволенский район (здание церкви снесено); – с.Лянино (здание разобрано); – с.Нижнечеремошное, Краснозерский район (здание разобрано);

Сохранился сам объект (храм)	Сохранились графические источники	Сохранились только письменные упоминания
с. Верх-Каргат 	пгт. Колывань (тогда – город) 	– с. Лотошное, Краснозерский район; – пос. Лебяжинский, Чистоозёрный район; – с. Белое, Карасукский район; – с. Сергеевка, Кыштовский район
с. Покровка, Чистоозёрный район 	с. Шибково 	– с. Романовка, Чистоозёрный район
с. Шурыгино (Черепановский р-н НСО) 	с. Чернаковка 	

В первую очередь рассмотрим примеры сохранившихся и действующих в настоящее время Покровских храмов Новосибирской области. Таких примеров только пять: в самом г. Новосибирске, в с. Завьялово, в с. Покровка (Чистоозёрный район), в с. Верх-

Каргат и в с. Шурыгино (Черепановский район). Два из них (в Завьялово и Покровке) — кирпичные, остальные — деревянные. Все они были закрыты в первой половине XX века, использовались не по назначению (например, в Новосибирском

Покровском храме были различные учреждения культуры, а также некоторое время в подвальной части были жилые помещения). Исторические здания храмов Верх-Каргата и Шурыгино не сохранились, и те, которые существуют в настоящее время, построены достаточно недавно (в Верх-Каргате, скорее всего, современный облик соответствует исходному, а в Шурыгино храм расположен в здании бывшего Коопторга). Здания храмов в Новосибирске, Завьялово, Покровке были изменены или частично разрушены, и восстановлены в соответствии с историческим обликом также недавно. Общие архитектурно-планировочные решения перечисленных пяти храмов очень разнообразны.

Здание Покровской церкви Новосибирска было рублено из дерева и представляло собой прямоугольную клеть с пятигранной апсидой с восточной стороны. Деревянное здание церкви было поставлено на каменный фундамент. Двускатную крышу основного объема завершал восьмигранный барабан с шатром и маленькой главкой. Церковь была украшена резными наличниками, пропиленным карнизом с подзором по всему периметру крыши и крыльцом с двускатным навесом. Колокольня стояла отдельно на деревянных столбах. Объемно-планировочное решение церкви осевое, симметричное, традиционно для церквей клетского типа и представляет сочетание разновысоких срубов. Центром композиции является четверик собственно церкви, к которому с востока примыкает пятигранная апсида (алтарь), с запада — повышенный четверик трапезной и притвор с сенями. Ранее над притвором находилась восьмигранная колокольня, завершенная шатром с главкой, а часть апсиды и четверик собственно храма были увенчаны башней в виде восьмигранного барабана с шатровым завершением с главкой. Здание рублено «в лапу», имеет кирпичный цокольный этаж. Крыша стропильная с перепадами по высоте: четырехсекционная — над четвериком храма, двускатная — над трапезной и притвором, односкатная — над сенями.

Декор церкви лаконичен, выполнен в традициях народных мастеров. Верх наличника в виде сандрика украшен пропиловкой геометрического орнамента, увенчан короной из пропиленной резьбы. Нижняя часть наличника декорирована простой геометрической пропиловкой церковной тематики. Торцы врубок по углам сруба и на фасадах закрыты тесовыми лопатками. Оконные заполнения апсиды выполнены с витражным заполнением ромбического рисунка. Первоначальные интерьеры изменены, иконостас утрачен. Алтарная часть выделена арочным проемом.

Второй арочный проем заложен в процессе перепланировки [Архитектура Новосибирска].

Завьяловский Покровский храм был построен однопрестольным, на 500 человек, считался вторым по величине в области. Здание храма выполнено из кирпича, с одним крупным куполом, в плане представляет собой равносторонний крест, фасады декорированы элементами фигурной кирпичной кладки. Церковь была расписана внутри и снаружи, отдельно от храма за каменной церковной оградой находилась колокольня с семью медными колоколами (ни колокольня, ни каменная ограда не сохранились) [Архивная служба НСО; Народный каталог православной архитектуры].

Храм в с. Покровка был построен также каменным, однопрестольным, располагался на площади в центре села. Плано-объемная композиция в виде «корабля» или «трапезной» относится к сформировавшемуся ещё в XII веке типу русских церквей, а пластика и декор позволяют отнести храм к интересным, профессионально выполненным примерам эклектики с заимствованием форм и декора русской архитектуры XVII века. Данный архитектурный стиль широко применялся в Сибири в XVII-XIX веках при постройке как каменных, так и деревянных зданий. В XX в. здание храма утратило пятикупольное завершение четверика, кровлю трапезы, кровли пристроек к колокольне, само завершение колокольни, карниз и закомары яруса звона, крыльца северного, южного и западного входов, оконные рамы и металлические решётки в оконных проёмах. В интерьере утрачена отделка стен всех помещений, балкон хоров, деревянные лестницы на колокольню и хоры, иконостас [Родиновед]. В настоящее время восстановлена кирпичная кладка колокольни и приделов, отреставрированы кирпичные фасады, произведена замена оконных блоков и решёток на окнах. Восстановлена стропильная система кровли и сама кровля. Восстановлены барабанные луковичи крестов на кровле, произведён ремонт кирпичного свода перекрытия [Культурное наследие НСО]. То есть на данный момент храм полностью восстановлен (во всяком случае, внешний облик).

Покровская церковь в с. Верх-Каргат была построена деревянной и однопрестольной. В июне 1939 года Покровская церковь была закрыта, а в 70-х годах здание храма разобрали. Работы по восстановлению начались в 2012 году. Новая церковь была построена на остатках старого фундамента. В итоге получилось очень красивое двухэтажное здание церкви, сооруженное из бревен лиственницы, с главным куполом и колоколами [Архивная служба НСО; Родиновед].

Церковь с. Шурыгино также была деревянной и однопрестольной, в конце 50-х была разграблена и сожжена. В настоящее время, как сказано выше, церковь находится в здании бывшего Коопторга. Данных об историческом архитектурно-планировочном решении на данный момент не было найдено.

Далее рассмотрим Покровские храмы, которые сохранились только в графических источниках. Таких примеров выявлено также пять: в с. Покровка (Чановский район), в с. Доронино (Тогучинский район), в с. Шибково, в пгт. Колывань (тогда это был город) и в с. Чернаковка. Из этих храмов только один (в Колывани) был каменным, остальные — деревянные. В с. Покровка Чановского района, судя по единственной фотографии и сохранившимся воспоминаниям, церковь была светлая, визуально очень легкая, пятикупольная, с высокой колокольней с обилием архитектурных деталей. Вокруг территории было сделано художественное ограждение. Потом церковь превратили в клуб, а позже она полностью сгорела.

Церковь с. Шибково была деревянная, однопрестольная, освящена в 1916 г, закрыта в 1938 г (использовалась в качестве склада). Ее внешний облик можно представить по рисунку фасада, выполненному искитимским милиционером И.И. Лизогубом предположительно в 1930-х гг. Интересно отметить, что, судя по этому рисунку, храм в Шибково был очень похож на храм в Покровке Чановского района — возможно, они были построены на основе одного и того же проекта.

Церковь с. Доронино — в некоторых источниках она указана как Успенская, в некоторых как Покровская — является интересным примером храма, построенного по типовому проекту, с авторскими изменениями. В XIX-XX в. существовал «Атлас фасадов, планов и фасадов церквей...», специально разработанный для применения в российской провинции. Именно на основе проекта № 9 из этого Атласа, с некоторыми изменениями, была построена церковь с. Доронино. Ириной Львовной Ростовцевой была выполнена графическая реконструкция исторического облика этой церкви.

В Колывани церковь была построена купцом Г.И. Пастуховым рядом с городским двухклассным Колыванским училищем для мальчиков и называлась «училищной». Колывань в то время была достаточно крупным купеческим городом, поэтому церкви в ней строились каменные — в отличие, например, от Новониколаевска. Покровский храм был уже третьей церковью Колывани (на данный момент — единственный, оставшийся не восстановленным). Сохранилось

несколько фотографий, по которым можно представить его исторический облик. Храм был однопрестольным. Объем пятиглавого храма завершался большим восьмигранным световым барабаном, расположенным по центру, и четырьмя восьмигранными барабанами (два из которых были световыми), находившимися по углам основного объема храма. Все барабаны были увенчаны куполом. Поверхность барабанов была декорирована вертикальными плоскостями, типа закомар, с завершениями килевидной формы. Объемно-планировочное решение напоминало Троицкий собор в Томске, который строился по образцовому проекту К.А. Тона в 1844–1900 гг. Фриз и карниз основного объема храма были декорированы сухариками. С каждой стороны храма по центру использовались аттики треугольного очертания. Подобная форма повторялась и во входной части храма. Территорию церкви окружала каменная ограда с металлической решеткой. На территорию вели каменные ворота, в завершении которых повторялась килевидная форма закомар. В 1931 г. церковь была закрыта, использовалась как клуб и столовая, и между 1977 и 1980 гг. была снесена [Богданова, Атапин, 2017, с.49–55].

В с. Чернаковка была деревянная однопрестольная церковь, закрытая в 1939 г. и использовавшаяся как клуб. Сохранилась одна ее фотография в уже измененном виде, без куполов и крестов.

Обо всех остальных Покровских храмах Новосибирской области известно только по письменным упоминаниям в архивных документах. Часть из этих оставшихся храмов уже не существует, т.к. здание было снесено, либо сгорело, либо разобрано и использовано для другого строительства. Про другую часть храмов нет данных о современном состоянии, и в открытых источниках указан только год постройки, иногда также и год закрытия или описание состояния — обычно на момент приблизительно середины XX в. Но не указано, что они были разрушены, и это дает возможность предполагать их существование в настоящее время — в каком-то виде.

Выводы

Обобщая вышесказанное, можно предложить новую классификацию с точки зрения выполнения графической реконструкции. Все перечисленные выше храмы можно поделить на следующие категории:

1. храмы, которые существуют в настоящее время, можно сделать их графическую реконструкцию;
2. храмы, которые были перестроены — можно сделать графическую реконструкцию их первоначального облика;

3. храмы, информация о которых сохранилась в графических источниках — можно сделать графическую реконструкцию на основе этих источников;
4. руинированные храмы — графическую реконструкцию можно выполнить на основе обмеров сохранивших фундаментов, археологических раскопок, графических и письменных источников (если есть) и т.п. (по обмерам фундамента, например, можно восстановить планировочную структуру);
5. храмы, о которых сохранились только письменные упоминания — необходимо продолжать поиск информации, нанести на карту. ГИС-карты архивной службы НСО, сайта Родиновед, а также архивные карты с сайта ЭтоМесто [Старые карты...] дают возможность определить места расположения этих храмов. Возможность графической реконструкции в данном случае зависит от содержания письменных источников.

В целом можно сказать, что от подробности информации в источниках зависит, насколько точно графическая реконструкция отразит первоначальный облик каждого храма. Самым лучшим источником информации является сам объект, поэтому графическая реконструкция сохранившихся храмов будет наиболее полноценной. А для утраченных храмов графическая реконструкция может стать первым шагом к физическому восстановлению или реставрации.

Список литературы

1. Богданова О.В., Атапин И.И. Церковное зодчество и его роль в социокультурном пространстве Колывани // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 49–55.
2. Голодяев И.К. Никольские церкви города Ново-Николаевска (Новосибирска) // Баландинские чтения. 2017. Т. XII. №1. С. 173–178.

Список источников

1. Архивная служба НСО. Изучение родословной. [Электронный ресурс]. URL: <https://maps.nso.ru/CoGIS/Архив%20Новосибирской%20области#> (дата обращения: 2.11.2023).
2. Завьялово. Покровский мужской монастырь. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Покровская Завьяловская церковь // СОБОРЫ.РУ Народный каталог православной архитектуры

[Электронный ресурс]. URL: <https://sobory.ru/article/?object=23053> (дата обращения: 2.11.2023).

3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (дата обращения: 09.04.2024).
4. Сибирское переселение в 1899 году (что нужно знать каждому ходоку) 1899 // Переселение в Сибирь как национальный проект Государственный архив Томской области [Электронный ресурс]. URL: <http://pereselenie.gato.tomica.ru/uprav/sprav/document-819.html> (дата обращения: 09.04.2024).
5. Старые карты Новосибирска и Новосибирской области // ЭтоМесто [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etomesto.ru/novosibirsk/> (дата обращения: 09.04.2024).
6. Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы с. Верх-Каргатское (ныне с. Верх-Каргат) // Родиновед [Электронный ресурс]. URL: <https://rodinoved.ru/verkh-kargatskoe/istoriya/> (дата обращения: 2.11.2023).
7. Храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы с. Покровка // Родиновед [Электронный ресурс]. URL: <https://rodinoved.ru/pokrovka-chistoozyornyy/istoriya/> (дата обращения: 3.11.2023).
8. Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы // NOVOSIBDOM.RU Архитектура Новосибирска [Электронный ресурс]. URL: <https://nsk.novosibdom.ru/node/2134> (дата обращения: 3.11.2023).
9. Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, с. Покровка // Культурное наследие Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: <http://nasledie-nso.ru/node/209> (дата обращения: 3.11.2023).

References

1. Bogdanova O.V., Atapin I.I. Church architecture and its role in the socio-cultural space of Kolyvan // Bulletin of Tomsk State University. 2017. No. 416, pp. 49–55. (in Russ.)
2. Golodyaev I.K. St. Nicholas Churches of the City of Novo-Nikolaevsk (Novosibirsk) // Balandin Readings. 2017. Vol. XII. No. 1, pp. 173–178. (in Russ.)

Материал передан в редакцию 26.05.2026.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2003>

Региональная специфика транспортно-пересадочных узлов в Сибири по материалам опроса экспертов-практиков

Сергей Каптильный

Магистрант

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
kaptilnys@mail.ru

Научный руководитель

Сергей Духанов

Доцент

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
s.dukhanov@nsuada.ru, [ORCID](#)

Аннотация

В статье представлены результаты интервьюирования архитекторов-практиков – ведущих экспертов в области проектирования транспортно-пересадочных узлов (ТПУ) в условиях Сибири. На материале интервью определена оценка экспертами проблемы региональной специфики ТПУ. Выявлены: понимание ТПУ в экспертной среде, основные группы региональных факторов, которые по мнению экспертов влияют на архитектурно-планировочное решение ТПУ, соотношение нормативной базы и личного опыта проектирования ТПУ в условиях Сибири. Методика анализа региональной специфики ТПУ, которая была предложена экспертами, базируется на учете двух основных групп региональных факторов: природно-климатических и социально-экономических. Методика применена автором статьи для анализа ТПУ Западной Сибири: в Омске, Новосибирске, Барнауле, Томске, Кемерово, Новокузнецке, Тюмени, Ханты-Мансийске, Нижневартовске. Теоретическая значимость исследования определяется необходимостью комплексной адаптации нормативной базы проектирования ТПУ к региональным условиям Западной Сибири.

Ключевые слова: транспортно-пересадочный узел (ТПУ), Сибирь, региональные особенности, нормативная база

Для цитирования: Каптильный С.И. Региональная специфика транспортно-пересадочных узлов в Сибири по материалам опроса экспертов-практиков // Творчество и современность. 2026. № 2. С. 19–28.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2003>

Regional Specifics of Transport Hubs in Siberia Based on a Survey of Expert Practitioners

Sergey Kaptilny

Master Student

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

kaptilnys@mail.ru

Science Advisor

Sergey Dukhanov

Associate Professor

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

s.dukhanov@nsuada.ru, [ORCID](#)

Abstract

The article presents the results of interviewing practicing architects – leading experts in the field of designing transport interchange hubs (TIHs) in Siberia. Based on the interview material, the experts assess the problem of regional specifics of TIHs. The following are identified: the understanding of TIH among experts, the main groups of regional factors that, in the experts' opinion, influence the architectural and planning solution of TIHs, the relationship between the regulatory framework and personal experience in designing TIHs in Siberia. The methodology for analyzing the regional specifics of TIHs, which was proposed by the experts, is based on two main groups of regional factors: natural and climatic and socio-economic. This methodology has been finalized and applied by the author of the article to analyze TIHs in Western Siberia: in Omsk, Novosibirsk, Barnaul, Tomsk, Kemerovo, Novokuznetsk, Tyumen, Khanty-Mansiysk, and Nizhnevartovsk. The theoretical significance of the study is determined by the need for a comprehensive adaptation of the regulatory framework for TIHs design to the regional conditions of Western Siberia.

Keywords: transport interchange hub (TIH), Siberia, regional features, regulatory framework

For citation: Kaptilny S. (2025) Regional Specifics of Transport Hubs in Siberia Based on a Survey of Expert Practitioners. *Creativity and modernity*. 32 (2). 19–28.

Введение

Актуальность темы исследования определяется значением транспортно-пересадочных узлов (ТПУ) в функционировании транспортной системы Сибири, а также уникальными природно-климатическими и социально-экономическими условиями сибирского региона, влияющими на проектирование и эксплуатацию этого типа объектов. В рекомендациях ЦНИИП градостроительства по проектированию общественно-транспортных центров (узлов) в крупных городах, вышедших в 1997 г., постановке проблемы региональной специфики ТПУ было уделено значительное внимание. Составители считали, что проектирование общественно-транспортных узлов «должно вестись с учетом различных природно-экологических условий регионов строительства, требующих разнообразных приемов организации среды». В условиях сурового климата рекомендовалась замкнутая застройка и «объединение отдельных блоков в единые объемно-пространственные структуры», для условий жаркого климата — замкнутые внутренние дворики, затененные переходы, навесы и т.д. Подчеркивалось, что «механическое перенесение приемов планировки для средней полосы России на другие регионы» является «неприемлемым» [Рекомендации 1997, п. 4.1]. Обращалось внимание на необходимость проектировать ТПУ «с учетом конкретных культурно-исторических, национальных и других местных особенностей», «природно-климатических особенностей района строительства, природного ландшафта, характера озеленения, рельефа, а также гидрогеологических, сейсмических факторов», при «сохранении национальных традиций и историко-культурных особенностей данного региона» [Рекомендации 1997, п. 3.3, 4.1]. Однако в дальнейшем тема региональных особенностей ТПУ не получила развития. В рекомендациях Госстроя и ЦНИИП градостроительства по проектированию вокзалов 1998 г. был указан целый ряд градостроительных и природно-климатических факторов, которые влияют на функциональное, объемно- и архитектурно-планировочное решение вокзалов, и могут иметь региональную специфику, однако сама региональная специфика не рассматривалась [Рекомендации 1998, с. 3, 12, 16, 39, 44]. В СП 395.1325800.2018 «Транспортно-пересадочные узлы. Правила проектирования», которые вышли в 2018 г., проблема региональной специфики ТПУ даже не упоминалась [СП 2018]. Основной акцент СП 2018 г. был сделан на функционально-типологическую и инженерно-технологическую составляющую ТПУ. Из-за отсутствия системного изучения влияния региональных факторов на функциональные, градостроительные и архитектурно-планировочные решения ТПУ, становится

актуальным выявление и введение в научный оборот профессионального опыта соответствующих экспертов — специалистов-проектировщиков ТПУ.

Цель исследования: установить, как проблема региональной специфики ТПУ оценивается экспертами-практиками.

Задачи исследования:

- а) выявить и систематизировать подходы и оценки экспертов;
- б) на основе экспертного мнения выявить роль региональной специфики в архитектурно-планировочной организации существующих ТПУ Сибири.

Методы и материалы: интервьюирование по заранее подготовленному списку вопросов.

Список вопросов на интервью:

1. Что такое транспортно-пересадочный узел, из чего он состоит?
1. В какой мере региональные условия Сибири влияют на функциональные и архитектурно-планировочные решения ТПУ?
2. Укажите научную литературу, которую считаете важной для проектирования ТПУ в условиях Сибири.
3. Приведите примеры сибирских ТПУ, на которые необходимо обратить внимание в связи с региональной спецификой.

Полученные результаты и их обсуждение

В конце марта 2025 г. автору настоящей статьи удалось договориться об интервью с двумя ведущими экспертами-практиками в сфере проектирования транспортно-пересадочных узлов в условиях Сибири. Оба являются архитекторами и имеют многолетний опыт проектирования ТПУ в сибирском регионе. Эксперты выделили следующие главные особенности сибирских ТПУ:

1. Суровый климат Сибири требует использования отвечающих условиям Сибири конструктивных решений и материалов, а также обеспечения удобства для пассажиров в холодное время года.
2. Региональная экономическая специфика определяется низкими плотностями населения и транспортной сети, а также крайней неравномерностью их размещения на территории Сибири. Это влияет на масштаб и функциональность узлов.
3. В силу комплексного характера ТПУ как типа сооружения, а также сложности региональных условий, с которыми необходимо увязывать элементы ТПУ, необходим комплексный подход к развитию и проектированию ТПУ в Сибири.

1. Понятие ТПУ в экспертной среде

В экспертной среде под транспортно-пересадочным узлом понимается многофункциональная пространственная структура, обеспечивающая сопряжение различных видов внешнего (железнодорожного, автобусного, городского, а в отдельных случаях — воздушного) и городского транспорта. Функция массовой пересадки пассажиров с одного вида транспорта на другой должна обеспечиваться объемно-планировочными решениями и элементами — именно они являются важнейшей частью ТПУ. Кроме того, ТПУ — это не просто инженерный объект с транспортно-пересадочной функцией: формируемые ТПУ крупные потоки людей привлекают и другие виды экономической деятельности — торговля, социальность и т.д. На их основе при ТПУ возникают многофункциональные комплексы (МФК).

Эксперты считают, что существующие в Сибири ТПУ чаще всего не обладают выраженной архитектурной типологией, свойственной этому типу сооружений. Это связано с тем, что в Сибири их формирование происходило стихийно, без единой проектной концепции, в результате происходившего в течение многих десятилетий последовательного добавления транспортных элементов к исторически сложившимся на основе железных дорог вокзальным узлам. Один из экспертов подчеркнул, что такие исторически сложившиеся комплексы зачастую представлены совокупностью разрозненных зданий, расположенных на одной площади, без внутренней архитектурно-функциональной связи. Примером подобной структуры служит Омск. Здесь вокзалы различного профиля сосредоточены на одной территории, однако, несмотря на многократные реконструкции, не интегрированы в собственно ТПУ, обеспечивающий функцию массовой пересадки с одного вида транспорта на другой путем организации специальных коммуникационных элементов — крытых пешеходных переходов, в том числе подземных, эскалаторов, траволаторов и т. п.

Эксперты актуализируют проблему обеспечения пересадочных функций ТПУ в условиях Сибири. Дело в том, что в региональной практике термин «ТПУ» часто применяется условно и обозначает скорее транспортную плотность (транспортный узел), чем архитектурно-градостроительный объект (собственно ТПУ), имеющий единый проектный замысел. Массовая пересадка с одного вида транспорта на другой в таких ТПУ, как правило, осуществляется под открытым небом, по непригодным для этого тротуарам и переходам.

2. Региональные условия как фактор архитектурно-планировочного решения

Градостроительное освоение северных и восточных территорий России, включая Сибирь, неизбежно сопряжено с климатическим детерминизмом, влияющим на формообразование общественных пространств. Следующие принципы стали основополагающими в проектной логике, которая сформировалась у экспертов в ходе многолетней проектной практики. Прежде всего необходимо защитить от неблагоприятного воздействия людей и сооружения. Эксперты совпадают во мнении и акцентируют внимание на необходимости проектирования крытых переходов, сокращения открытых пешеходных транзитов, а также повышения энергетической эффективности зданий, входящих в состав узла.

Наряду с климатом, важную роль играет экономическая специфика региона. Она заключается в низкой плотности населения, неравномерном распределении крупных населенных пунктов и внешних пассажиропотоков, что предопределяет ограниченные функциональные программы узлов. В большинстве городов Сибири отсутствует запрос на строительство ТПУ в классическом смысле — с многоуровневыми пересадочными схемами и единой логистикой. Ограниченность программ усиливается ведомственной раздробленностью, при которой железнодорожные и автобусные вокзалы подчинены разным структурам, что затрудняет их интеграцию в единое архитектурно-градостроительное сооружение.

Экспертами были обозначены принципиальные противоречия между требованиями инклюзивности городской среды и нормами транспортной безопасности. Последние требуют внедрения рамок, досмотров, увеличения проходных зон, что конфликтует с принципами открытости и навигационной простоты. Это приводит к усложнению как архитектурной концепции ТПУ, так и условий передвижения маломобильных групп населения (МГН).

3. Научная и нормативная база проектирования

Согласно интервью, оба эксперта в своей деятельности преимущественно опираются на прикладные нормативные документы: методические указания Министерства путей сообщения (МДС), строительные правила (СП), ведомственные регламенты РЖД и документы, касающиеся проектирования общественных зданий, доступной среды и градостроительной планировки (см. Приложение).

Использование научной литературы (диссертаций и статей) в повседневной проектной практике затруднено отсутствием трансляции научных результатов в прикладную сферу. При этом эксперты осведомлены о наличии диссертационных исследований по теме ТПУ, в частности, выполненных в Московском автомобильно-дорожном государственном техническом университете (МАДИ) и профильных архитектурно-строительных вузах, но отмечают слабую связь между академическим знанием и практическим проектированием. По мнению экспертов, этот разрыв требует преодоления путем институционального взаимодействия проектировщиков и исследовательских центров, что позволит актуализировать регионально-ориентированные подходы к формированию транспортной инфраструктуры.

В проектной практике эксперты прежде всего опираются не на чужие научные исследования, а на свой личный профессиональный опыт. Во-первых, это связано со сложностью объекта проектирования, который фактически состоит из целого ряда разнородных сооружений, каждое из которых имеет свои функционально-типологическую специфику и нормы. Во-вторых, у нас в стране отсутствует единая, согласованная между всеми заинтересованными ведомствами нормативно-организационная база для межведомственного проектирования ТПУ. Московский опыт последних лет во многом остается исключением. Соответственно, в Сибири необходимо учитывать исторически сложившиеся элементы транспортных узлов и практические проблемы их интеграции. В-третьих, нормативная база представляет собой достаточно сложный конгломерат разновременных и разнохарактерных документов. В проектировании используются как устаревшие, так и современные нормы, в частности, строительные правила для общественных зданий, маломобильных групп населения и т.д. В-четвертых, проблема интеграции всех элементов транспортных узлов в ТПУ усложняется суровыми региональными условиями Сибири, прежде всего, природно-климатическими и экономическими. Влияние этих условий на ТПУ практически не изучено и не нормируется строительными правилами. Здесь особенно остро встает проблема комплексного подхода. С одной стороны, к ТПУ, как к сложному многофункциональному объекту. С другой стороны, к различным региональным факторам, каждый из которых по-разному влияет на разные элементы транспортной системы. Обе группы проблем – функциональную и региональную — должен взаимно учесть архитектор-проектировщик. Поэтому в настоящее время при проектировании ТПУ он может опираться главным образом на личный профессиональный опыт, который формируется многими десятилетиями. Только этот опыт является сейчас базой для комплексного решения проблемы региональной специфики ТПУ.

4. Анализ ТПУ Сибири

В ходе интервью экспертами были рассмотрены конкретные примеры сибирских городов, демонстрирующие региональную специфику ТПУ. По их мнению, одна из характерных черт, существующих в регионе ТПУ — их раздробленность и отсутствие комплексности. Так, для Новосибирска обсуждался нереализованный проект соединения железнодорожного вокзала с аэропортом Толмачево. В Омске все транспортные элементы сосредоточены в одном районе, но лишены архитектурно-планировочной интеграции. Красноярск, Иркутск и Кемерово также обладают развитой вокзальной инфраструктурой, но не демонстрируют многоуровневых и комплексных решений, характерных для современных ТПУ в мегаполисах европейской части России.

По мнению экспертов, интерес представляет случай Рубцовска, где в рамках одного объекта были объединены железнодорожный и автобусный вокзалы (рисунки 1, 2). Однако даже здесь решение ограничено по площади и функциональности, что отражает низкий уровень пассажиропотока и геополитический фактор — близость государственной границы.

Рисунок 1. Рубцовск. Железнодорожный вокзал и автостанция в одном здании. Вид со стороны автомобильной дороги [Рубцовская автостанция]

Figure 1. Rubtsovsk. The railway station and bus station are housed in a single building.

View from the auto-road.

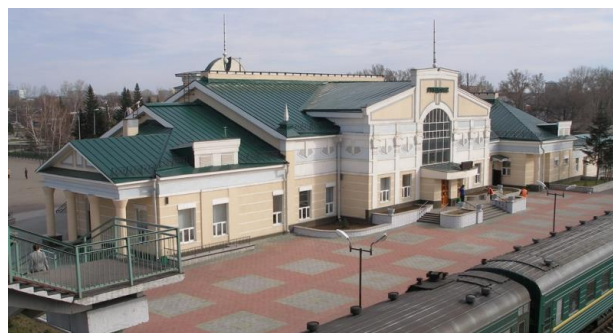

Рисунок 2. Рубцовск. Железнодорожный вокзал и автостанция в одном здании. Вид со стороны железнодорожных путей [Железнодорожный вокзал]

Figure 2. Rubtsovsk. The railway station and bus station are housed in a single building.

View from the railway tracks.

Предложенная экспертами методика анализа региональной специфики ТПУ на основе двух основных групп региональных факторов была применена нами для анализа существующих ТПУ Западной Сибири. В ходе анализа мы пришли к выводу о необходимости расширить смысловое содержание экономической группы факторов. Эти факторы являются частью более широкой по значению группы региональных социально-экономических факторов, влияние которых во многом определяются региональными особенностями антропогенной среды — исторически сложившейся инфраструктурой — транспортной, градостроительной и т.д.

Практически во всех городах ТПУ расположены на главной (Омск, Кемерово, Ханты-Мансийск, Нижневартовск) или на одной из главных (Новосибирск, Томск, Новокузнецк, Барнаул, Тюмень) магистралей города и хорошо связаны с центром города. За исключением Омска, главные железнодорожные вокзалы и сложившиеся на их основе ТПУ, замыкают магистрали, на которых расположены. Такое центральное положение ТПУ в структуре города обусловлено положением железнодорожного вокзала и связано с традицией советского градостроительства, где вокзал играл важнейшую роль в построении городского плана. Такое размещение в структуре города предьявляет к функциональному, архитектурному, а также градостроительному решению ТПУ достаточно высокие требования.

Новосибирск дает яркие примеры растянутости сибирских ТПУ. В ТПУ, сложившемся на основе одноименных железнодорожной станции и станции метро «Речной вокзал», расстояния между крайними остановочными пунктами (на плане, без учета перепадов рельефа) составляет до 550 м, в ТПУ Новосибирск-Главный — до 530 м. При этом оба ТПУ свидетельствуют о тенденциях к объединению остановочных пунктов транспорта при помощи крытых переходов (подземных, надземных) и МФК. В процессе длительной реконструкции первого ТПУ (1990-е — начало 2020-х гг.) были значительно улучшены пешеходные связи между остановочными пунктами и станциями. В частности, организованы подземные пешеходные переходы через ул. Большевистскую, лестницы и регулируемые переходы от железнодорожной станции к станции метро и остановкам общественного транспорта на ул. Большевистской и Зыряновской. Участок между станцией метро и городским автотранспортом был соединен при помощи МФК «Река» с пешеходным мостом. ТПУ Новосибирск-Главный в течение последних тридцати лет чрезвычайно развился в пространственном отно-

шении, в основном с запада на восток, путем создания пригородного железнодорожного вокзала и соединения ряда элементов ТПУ подземными и надземными переходами — от пригородного терминала за железнодорожными путями, до гостиницы на другой стороне площади Гарина-Михайловского.

В Новосибирске метрополитен сыграл решающую роль в формировании обоих рассмотренных выше ТПУ. Соединение при помощи метро левого берега с железнодорожным вокзалом было одной из первоочередных задач. Напротив, в Омске при строительстве метро первоочередной задачей было соединение правого и левого берега с целью обеспечения трудовых и культурно-бытовых поездок. Мощные пассажиропотоки, связанные с вокзалом, не учитывались при проектировании первой очереди метро. Омское метро осталось недостроенным (построены метромост и одна станция). Можно предполагать, что одной из причин этого было отсутствие планов формирования ТПУ на основе метрополитена.

ТПУ в Нижневартовске (1982–2002 гг.) был одним из первых в Сибири специализированных объектов этого типа, в котором под одной крышей объединились железнодорожный вокзал и автовокзал (рисунок 3). Другим примером такого подхода к интеграции является Ханты-Мансийск. Здесь нет железной дороги и одним из ведущих видов внешнего транспорта всегда был речной. ТПУ Ханты-Мансийска является современным объектом (арх. В.В. Штурбабин, 1997–2000 гг.), построенным в 2000–2005 гг. Он расположен на берегу Иртыша, в центре старого города, и включает в себя, кроме речного вокзала и автовокзала, также гостиницу, ресторан, управление «Северречфлота» и т.д. (рисунок 4).

Рисунок 3. Нижневартовск. Железнодорожный и автобусный вокзал. Фотография К. Кутушева [Мацюк 2017]

Figure 3. Nizhnevartovsk. Railway and bus station. Photo by K. Kutyshev

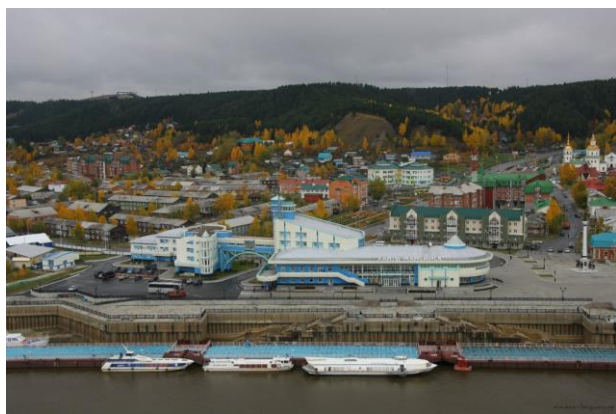

Рисунок 4. Ханты-Мансийск. Комплекс речного и автобусного вокзалов [Рябов 2018]

Figure 4. Khanty-Mansiysk. River and bus station complex.

Однако, наиболее распространенным является другой подход — не разработка проекта комплексного ТПУ, а постепенное добавление новых элементов к существующим вокзалам. Тенденция к интеграции основных элементов ТПУ в одном месте проявлялась, как правило, в строительстве пригородного вокзала на площади рядом с главным железнодорожным вокзалом, и в переносе сюда городского автовокзала. Так, в Барнауле, Томске и Новокузнецке и Кемерове в настоящее время железнодорожный вокзал и автовокзал расположены рядом, на одной площади. В Барнауле и Новокузнецке эта тенденция усилена размещением на вокзальной площади также пригородного вокзала. Однако, несмотря на то что эти здания расположены рядом, они не связаны коммуникационными пространствами (крытыми переходами) в единый ТПУ, обеспечивающий комфортное осуществление пересадочных функций (рисунок 5). Раздробленность, видимо, обусловлена ведомственностью: так, в Барнауле при каждом из вокзалов сформировался свой отдельный многофункциональный комплекс (МФК). В Кемерове площади железнодорожного вокзала и автовокзала расположены рядом, но расстояние между входами в здания достигает 350 м. Отсутствие интеграции при помощи крытых переходов и пространств неблагоприятно сказывается на функциях ожидания и пересадки пассажиров. Так, в Томске железнодорожный вокзал имеет относительно слабый пассажиропоток. Более интенсивный поток у автовокзала. При наличии переходов и информационного обеспечения, вместительное здание первого могло бы обеспечить функцию ожидания для пассажиров второго, которое имеет небольшие размеры.

Рисунок 5. Рисунок 6. Вокзальная площадь в Новокузнецке. Фотография Ю. Лобачева [Лобачев 2018]

Figure 5. Figure 6. Station Square in Novokuznetsk. Photo by Yu. Lobachev.

Тенденцию к компактному решению ТПУ отражает перенос автовокзалов к железнодорожным вокзалам. Так, в Сургуте проект реконструкции железнодорожного вокзала 2024 г. предусматривал размещение с ним в одном здании автовокзала. В Новосибирске в начале 2020-х гг. автовокзал, который ранее размещался в неудобном с транспортной и транспортно-пересадочной точек зрения месте в начале Красного проспекта, был перенесен (терминал) на площадь перед железнодорожным вокзалом Новосибирск-Главный. Начатый в 2008 г. строительством на старом месте новый комплекс автовокзала остался недостроенным. Другим вариантом современной тенденции к компактности является закрытие речных вокзалов в Омске, Барнауле и Новосибирске. В Барнауле интересное по архитектуре здание речного вокзала было снесено. В Омске и Новосибирске здания этих вокзалов реконструировали и приспособили под другие функции, не связанные с транспортом. Ликвидация речных вокзалов была вызвана нерентабельностью сезонного в условиях Сибири речного пассажирского флота, требующего больших расходов. Перепады рельефа, протяженные пешеходные связи и отсутствие прямых подъездов общественного транспорта усложняло функцию пересадки пассажиров. Все закрытые речные вокзалы располагались на больших расстояниях от железнодорожных вокзалов: Омск — более 5 км, Барнаул — 4,5 км, Новосибирск — 5,5 км. Однако в Новосибирске речной вокзал размещался в относительной близости к ТПУ «Речной вокзал» (700 м), а в Барнауле — рядом с новым коммунальным мостом через Обь.

Наиболее интересны в функционально-типологическом, архитектурном и градостроительном отношении ТПУ специализированной постройки в Нижневартовске и Ханты-Мансийске. В Нижневартовске ТПУ представляет собой типовый проект, ранее реализованный в Северобайкальске (1981 г.). Затяжная

реализация способствовала появлению индивидуального и яркого архитектурного решения (рисунок 4). В отличие от Северобайкальска, в Нижневартовске вантовое покрытие было устроено над обоими крыльями. Крутая изогнутая кровля в значительной степени защитила здание от обильных осадков, прежде всего, снега. Объемно-планировочное решение отвечает природно-климатическим условиям Западной Сибири: компактный объем, отсутствуют фонари верхнего света, боковые витражи защищены большим выносом кровли. Благодаря охристым тонам облицовки, здание вызывает теплое, радостное настроение, что немаловажно в условиях продолжительной сибирской зимы. В Ханты-Мансийске авторечной вокзал состоит из двух корпусов, имеет интересную архитектуру и силуэт, формируя речную панораму города (рисунок 4). Соединяющая оба корпуса на уровне 3 этажа конструкция (крытый переход с аркой) играет не только функциональную, но и символическую роль парадного въезда в город со стороны реки. Обтекаемые, закругленные формы объемов и элементов здания, не только формируют стилистику речного лайнера, но и отвечают природно-климатическим условиям Сибири. Долина Иртыша отличается достаточно высокой влажностью и продувается сильными ветрами. Отказ от острых углов помогает снизить теплопотери и избежать промерзания выступающих элементов. В отличие от Нижневартовска, в Ханты-Мансийске ТПУ получил холодное цветовое решение.

Из других объектов следует отметить современные вокзалы в Омске, Новокузнецке, Томске и Новосибирске. Стилизованные под модерн начала XX в., они имеют большое число декоративных деталей, выделяются своей нарядностью, развитой пластикой фасадов. Такой подход к архитектуре ТПУ представляется вполне оправданным в условиях исторических городов с богатым историко-архитектурным наследием (Омск, Томск). Кроме того, он более правилен, чем традиционное решение ТПУ в виде невыразительных «коробок» с глухими фасадами, завешанными рекламой.

Таким образом, представленная выборка в целом демонстрирует отсутствие модели ТПУ как единого функционального и архитектурно-планировочного объекта, увязанного с природно-климатическими условиями региона. Это указывает на необходимость развития новых проектных подходов, учитывающих специфику территориальной, климатической и институциональной среды, при этом сохраняя баланс между комфортом, безопасностью и функциональной насыщенностью.

Выводы

Таким образом, интервьюирование экспертов позволило установить следующее:

1. Эксперты фиксируют противоречие между актуальными задачами и объективными условиями проектирования ТПУ. Они определяют ТПУ как сложное по функционально-пространственной структуре и при этом широко интегрированное пространство, объединяющее в одном узле несколько видов внешнего и городского транспорта. При этом эксперты указывают на важную проблему. С одной стороны, такие объекты требуют тщательной взаимной увязки всех элементов и, соответственно, единого проектного решения. С другой стороны, реально существующие ТПУ региона, как правило, являются примером прямо противоположной, анти-проектной модели. Эти ТПУ в основном формировались стихийно, поэтапно, в течение длительного времени, а не как единый архитектурно-планировочный и функциональный объект.

2. По мнению экспертов ключевыми для ТПУ являются две группы региональных факторов. Региональные климатические особенности (низкие температуры, снег, ветер) существенно влияют на объемно-планировочный аспект проектных решений. Эксперты акцентируют значение крытых переходов и указывают на необходимость сокращения открытых пространств. Архитектурно-планировочные решения должны обеспечивать экономичную эксплуатацию в зимних условиях — снижать теплопотери, минимизировать снеготаносы и т.п. Экономическая специфика региона влияет на типологию и функционально-пространственный характер ТПУ. Экономические условия Сибири ограничивают размеры проектируемых ТПУ, а ведомственные разногласия тормозят интеграцию существующих элементов транспортных узлов в единые транспортно-пересадочные системы. В результате проектирование, как правило, подстраивается под уже имеющуюся градостроительную ситуацию, следует за ней, а не формирует ее заново. С одной стороны, природно-климатические условия региона буквально требуют компактных интегрированных решений. С другой стороны, региональные социально-экономические и организационные условия препятствуют этому.

3. Примеры ТПУ городов Западной Сибири свидетельствуют о следующих закономерностях. Практически во всех случаях наблюдается разобщенность транспортно-пересадочной инфраструктуры ТПУ, редкость многоуровневых узлов и слабая интеграция с авиа- и метро-транспортом. Как правило, функциональная связанность достигается не архитектурными средствами, а за счет физической близости

элементов. Вместе с тем, одной из тенденций последних лет стало объединение в одном здании железнодорожного, авто- и речного вокзалов или перенос автовокзала ближе к железнодорожному. Это достигалось достаточно затратными методами реконструкции существующих объектов. Эту же тенденцию к компактности и экономической целесообразности, но уже в негативной коннотации, отражает закрытие речных вокзалов в Новосибирске, Омске и Барнауле. Речной транспорт, ограниченный в Сибири кратким периодом летней навигации, оказался нерентабелен в современных социально-экономических условиях.

Заключение. Результаты экспертного интервью подтверждают, что региональная специфика является для ТПУ одной из важнейших, но при этом слабоизученных разделов проектирования сооружений такого типа. Проектирование ТПУ в Сибири требует особого подхода, основанного на учете региональных природно-климатических условий и междисциплинарной координации специалистов, изучающих эти условия. Развитие ТПУ не может опираться исключительно на федеральные нормы, без учета природно-климатических, транспортных и административно-организационных реалий Сибири. Для эффективного функционирования ТПУ в условиях Сибири необходимы: функциональные и архитектурно-планировочные решения, отвечающие специфике региона, а также соответствующая нормативно-организационная база. Только в этом случае транспортно-пересадочные узлы смогут выполнять свои функции полноценно и обеспечивать комфорт пассажиров в одном из самых суровых регионов страны.

Приложение

Нормативно-технические документы и материалы, используемые экспертами

1. Федеральный закон № 384-ФЗ от 30.12.2009 г. «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.02.2008 г. № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2014 г. № 1521 «Об утверждении перечня национальных стандартов и сводов правил (частей таких стандартов и сводов правил), в результате применения которых на обязательной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».
4. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17 апреля 2019 г. № 831 «Об утверждении перечня документов в области стандартизации, в результате применения которых на добровольной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».
5. ГОСТ Р 21.1101-2013 «Система проектной документации для строительства. Основные требования к проектной и рабочей документации».
6. ГОСТ 2.105-95 «Единая система конструкторской документации. Общие требования к текстовым документам».
7. СП 118.13330.2012 «СНиП 31-06-2009 «Общественные здания и сооружения».
8. СП 417.1325800.2018 «Здания железнодорожных вокзалов».
9. ВНТП ЦЛ-87 (МПС) «Нормы технологического проектирования пригородных вокзалов».
10. ГОСТ 9238-2013. «Габариты железнодорожного подвижного состава и приближения строений».
11. Распоряжение ОАО «РЖД» от 24 декабря 2010 г. № 2705р «Требования к пассажирским платформам по обеспечению безопасности граждан».
12. СТО РЖД 03.001-2014 «Услуги на железнодорожном транспорте. Требования к обслуживанию маломобильных пассажиров».
13. СП 35-101-2001 «Проектирование зданий и сооружений с учетом доступности для маломобильных групп населения. Общие положения».
14. СП 59.13330.2012 «Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения». Актуализированная редакция СНиП 35-01-2001.
15. СП 59.13330.2016 «Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения». Актуализированная редакция СНиП 35-01-2001.
16. СП 136.13330.2012 «Здания и сооружения, общие положения проектирования с учетом доступности для маломобильных групп населения».
17. СП 138.13330.2012 «Общественные здания и сооружения, доступные маломобильным группам населения, правила проектирования».
18. ГОСТ Р 52875-2018 «Указатели тактильные наземные для инвалидов по зрению. Технические требования».
19. Рекомендации по обустройству минимально необходимых тактильных средств навигации и информирования инвалидов по зрению на железнодорожных вокзалах и остановочных пунктах.

Список литературы

1. Лобачев Ю. Вокзал Новокузнецк (06.08.2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://photocentra.ru/work/772943> (дата обращения: 06.06.2026).
2. Мацюк В. Нижневартовск – нефтяная столица Самотлора. 45 лет. (часть 2). (07.03.2017) [Электронный ресурс]. URL: <https://matsyuck.livejournal.com/273742.html> (дата обращения: 06.06.2026).
3. Рябов А. Самарово. Речпорт и вид с реки (02.03.2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://остяко-вогульск.рф/2018/03/02/samarovo-vid-s-reki/> (дата обращения: 06.06.2026).

Список источников

1. Рубцовская автостанция [Электронный ресурс]. URL: <https://rubvokzal.ru/kontakty/> (дата обращения: 09.09.2025).
2. Железнодорожный вокзал Рубцовск [Электронный ресурс]. URL: <https://allzd.ru/jeleznodorojnyi-vokzal-rybcovsk.html> (дата обращения: 06.06.2026).

3. Рекомендации по проектированию вокзалов / Госстрой России, ЦНИИ-ИП градостроительства. Москва: ГУП ЦПП, 1998. 60 с.
4. Рекомендации по проектированию общественно-транспортных центров (узлов) в крупных городах / ЦНИИП градостроительства. Москва: Гос. унитар. Предприятие — Центр проект. продукции в стр-ве, 1997. IV, 30 с.
5. СП 395.1325800.2018. Транспортно-пересадочные узлы. Правила проектирования. Москва: Минстрой России, 2018.

References

1. Lobachev Yu. Novokuznetsk Railway Station (06.08.2018). URL: <https://photocentra.ru/work/772943> (accessed: 06.06.2026).
2. Matsyuk V. Nizhnevartovsk — The Oil Capital of Samotlor. 45 Years. (Part 2). (07.03.2017). URL: <https://matsyuck.livejournal.com/273742.html> (accessed: 06.06.2026).
3. Ryabov A. Samarovo. River Port and View from the River (02.03.2018). URL: <https://остяко-вогульск.рф/2018/03/02/samarovo-vid-s-reki/> (accessed: 06.06.2026).

Материал передан в редакцию 27.06.2026.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2004>

Фотография макета как средство развития композиционного мышления

Сергей Лаер

Доцент

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
laerserg@yandex.ru

Елена Иванова

Доцент

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
seleniya7@gmail.com

Аннотация

Рассматривается роль фотографии как инструмента фиксации и раскрытия композиционной идеи абстрактного макета в процессе обучения студентов-архитекторов, дизайнеров архитектурной среды и градостроителей по дисциплине «Объемно-пространственная композиция». Анализ фонда студенческих фотографий с позиции воспринимающего зрителя акцентирует композиционные характеристики и содержательные аспекты кадра. Обосновывается необходимость целостного представления идеи макета посредством двух типов работ: с документально-фиксирующей и экспериментально-исследовательской функцией.

Ключевые слова: фотография; абстрактный макет; объемно-пространственная композиция; композиционно-смысловые аспекты фотографии; Р. Барт

Для цитирования: С.В. Лаер, Е.Г. Иванова. Фотография макета как средство развития композиционного мышления // Творчество и современность. 2026. № 2. С. 29–40.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2004>

Photography of a Model as a Means of Developing Compositional Thinking

Sergey Laer

Associate Professor

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

laerserg@yandex.ru, [ORCID](#)

Yelena Ivanova

Associate Professor

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

seleniya7@gmail.com, [ORCID](#)

Abstract

This article examines the role of photography as a tool for capturing and revealing the compositional concept of an abstract model in the training of architecture students, architectural designers, and urban planners in the discipline "Volumetric and Spatial Composition." An analysis of student photographs from the perspective of the perceiving viewer highlights the compositional characteristics and substantive aspects of the frame. The need for a holistic presentation of the layout's concept through two types of work is substantiated: one with a documentary, one with an experimental, research function.

Keywords: photography; abstract model; volumetric-spatial composition, compositional and semantic aspects of photography; R. Bart

For citation: Laer S., Ivanova Ye. (2025) Photography of a Model as a Means of Developing Compositional Thinking. *Creativity and modernity*. 32 (2). 29–40.

Введение

Процесс освоения дисциплины «Объемно-пространственная композиция» (ОПК) в нашем университете осуществляется посредством макетирования с эпизодическим привлечением цифровой и ручной графики. Представленный материал продолжает предыдущие публикации [Иванова Е.Г., Лаер 2022], излагающие результаты частичного обновления дисциплины ОПК для студентов 2 курса направлений «Архитектура», «Градостроительство» и «Дизайн архитектурной среды». Предшествующие статьи фиксировали общую цель преобразований — расширение диапазона композиционных средств и приемов и сближение с современной теорией композиции и архитектурно-градостроительной практикой. Они раскрывали процесс коррекции условий и содержания композиционных работ. В настоящий момент назрела необходимость обратиться к вопросу обновления подачи макетов с помощью фотографии.

Объектом рассмотрения в данной публикации стал фонд цифровых фотографий макетов фронтальной, объемной и пространственной абстрактных композиций как «побочный продукт» композиционного моделирования. Фотоработы выполнены студентами Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ) в течение четырех лет с начала локального эксперимента (с 2021 года по настоящее время) в сотрудничестве с преподавателями — авторами этой статьи.

Предметом рассмотрения явились: назначение фоторабот в образовательном процессе, их композиционные и смысловые характеристики. В ходе изучения вопроса не принимались во внимание степень и приемы обработки фотографий в графических редакторах.

Цель статьи — исследование фонда фотографий для осмысления дальнейшего пути обновления визуальной презентации макета в рамках курса ОПК в направлении расширения палитры композиционных средств, координации обучения с современной теорией композиции и практикой архитектуры.

Задачи:

- ознакомиться с источниками, близкими к интересующей теме;
- классифицировать фотоработы по назначению и проанализировать по композиционно-смысловым параметрам;
- соотнести результаты классификации и анализа с тенденциями сегодняшнего образования в области фотографии и современной архитектуры;
- выявить роль фотографии макета в развитии композиционного мышления.

В процессе знакомства с источниками по теме публикации была востребована следующая информация: некоторые общие вопросы фотографии; особенности фотографии в архитектуре; опыт дисциплин в ряде творческих вузов, изучающих фотографию; фотографии макетов по учебным дисциплинам, связанным с композиционным моделированием.

Фотография является актуальной темой, широко представленной в публикациях, где исследуется сущность и природа фотографии [Барт 1997]; приводятся классификации фотографий по жанрам и назначению, излагаются проекционные задачи, анализ и систематизация композиционных, технических приемов и смысловых слоев фотоизображений [Бабикина 2023; Лаврентьев 2017; Лаврентьев 2023; Лапин 2020; Вершовский О композиции, Открытие плоскости, (С)мутные времена; Гавриленко что такое фотография], а также способы обработки фотографий с помощью цифровых инструментов. Важное место занимают вопросы предметной фотосъемки в областях музейной, рекламной фотографии [Волкова 2011]. Освещаются и современные тенденции композиции и содержательных аспектов фотоискусства [Дьяченко 2021; Кузнецова 2025; Плотнокова 2021; Чмырева 2021; Вершовский (С)мутные времена].

Публикации по теме архитектурной фотографии анализируют её функции: фиксация, анализ архитектурной среды, апробация и презентация проектных предложений по преобразованию контекста, выявляют «образовательную, а также социальную и культурную значимость архитектурной фотографии» [Бернас 2018, с. 189]. Фотографии современных архитектурных объектов и концептуальных моделей архитекторов отражают тенденции воздействия искусства на творческие поиски новейшей архитектуры, раскрывают и усиливают впечатление дематериализации и театральности форм и пространств [Дуцев 2018].

В актуальном обучении творческим профессиям в системе высшего образования фотография активно востребована, поскольку изучение процесса фотосъемки, обработки кадров, проектирование художественных образов способствует формированию визуальной культуры студентов. Проблемы фотографии подробно исследуются в рамках специальных дисциплин «Фотографика», «Художественная фотография» в программах для графических дизайнеров, художников-педагогов [14, 20], в том числе уделено внимание и предметной фотосъемке [Васильева 2019; Кузьмина 2023].

Представление о фотографиях пропедевтических макетов по учебным дисциплинам, связанным с композиционным моделированием, можно составить по материалам о программах ВХУТЕМАСа, МАРХИ и других вузов [Алонов 2015; Мелодинский 2000; Токарев 2010; Хан-Магомедов 1996]. В программе ОПК кафедры «Основ архитектурного проектирования» МАРХИ в некоторых случаях фотографии как отдельное задание могут дополнять подачу макетов [Алонов 2015, с. 213]. Специальные задания по фотографированию макетов дисциплины ОПК как предметная съемка присутствуют в рамках дисциплины «Фотография в архитектуре» кафедры «Информационные технологии в архитектуре» МАРХИ [МАРХИ официальный сайт].

Тем не менее, публикаций, посвященных фотографиям учебных композиционных моделей в сфере архитектурной пропедевтики, крайне мало. Следует упомянуть тезисы о фотографиях макетов ВХУТЕМАСа [Армит 2015], где актуализируются два типа восприятия пространства в архитектурном образовании: через макетирование и фотографию макета на примере снимка аудитории с выставкой студенческих макетов 20-х годов, который сделан с целью реалистичной фиксации результатов учебного процесса.

Видится актуальным подробное изучение роли фотографии в развитии композиционного мышления на материалах фото-фонда композиционных макетов ОПК НГУАДИ. Новизна статьи — в классификации учебных фотографий по назначению и сопоставлении их по композиционно-смысловым характеристикам.

Методика. В процессе классификации фотографий по функции и сопутствующим композиционно-смысловым характеристикам использовался сравнительно-сопоставительный метод. Композиционный анализ фотокадров проводился с позиции воспринимающего зрителя. В качестве содержания термина «композиция» принимается следующая формула: «композиция определяет значение элементов изображения (форм, линий, контрформ, то есть пространств между формами, и т. д.), и связей между ними» [Вершовский Открытие плоскости].

Для вскрытия смысловых слоев фоторабот полезными оказались результаты исследования сущности фотографии Р. Барта с выделением двух аспектов рассмотрения фотографии: культурной информации и спонтанных субъективных эмоциональных реакций. Проводилось также и соотнесение результатов выполнения заданий по фотографированию макетов с современными учебными курсами фотографии и тенденциями архитектуры.

Полученные результаты и их обсуждение

Фотографии композиционных моделей, выполнявшиеся до частичного обновления программы ОПК, были необходимы для хранения работ в электронной информационно-образовательной среде (ЭИОС) и составляли портфолио студента. Они играли документальную роль — фиксировали результаты учебного процесса, представляли собой набор отдельных фотоснимков или были скомпонованы в коллажи.

В процессе обучения по обновленной программе студенты наряду с такими снимками стали по своей инициативе выполнять другие фотографии, которые можно назвать экспериментально-исследовательскими. Эти работы давали больше возможностей проявить индивидуальность подхода студента-фотографа в раскрытии идеи макета и вызывали более живую реакцию при восприятии. Работы двух типов были условно обозначены нами как «обязательная» и «произвольная программа» соответственно.

В процессе рассмотрения фото «обязательной» и «произвольной» программ предлагается ориентироваться на некоторые результаты исследования сущности фотографии Ролана Барта. Фотографии, по Барту, можно анализировать с точки зрения фотографа, позирующего и зрителя [Барт 1997, с. 19]. В данной публикации мы рассматриваем фотографии с нашей позиции как зрителей. Референтом фотографий для обоих типов работ является макет, а способы подачи макета различны. Разнятся и смысловые характеристики, считываемые при восприятии. Р. Барт при изучении фотографии выделял две составляющих, которые могут совместно присутствовать в одном снимке: культурную информацию («studium») и спонтанные эмоциональные реакции («punctum»). В первом случае у воспринимающего возникает спокойный интерес, это «все ожидаемое зрителем, информативное, культурно и контекстно зависимое в фотографии» [Вершовский Открытие плоскости]. Вторая составляющая — это то, что «принципиально непрограммируемо», «деталь, наносящая неожиданный укол зрителю...», то, что «оживляет снимок в ... сознании» зрителя [Вершовский Открытие плоскости]. Р. Барт характеризует «punctum» такими эпитетами как «укол», «острота», «притягательность», «приключение», «одушевление» [Барт 1997, с. 33–36], восприятие сопровождается особым волнением, причиняет беспокойство, заставляет задуматься.

Фотографии дают основания для поиска «studium'a» в том случае, когда мы пытаемся угадать намерения автора-студента. «Выискивать studium значит фатально сталкиваться с интересами фотографа, входить с ними в созвучие, одобрять или не одобрять их, но всегда их понимать, обсуждать их наедине с собой, ибо культура (к которой восходит studium) это контракт между творцами и потребителями» [Барт 1997, с. 46–47].

Наличие «punctum'a» для Р. Барта не обязательно связано с техническими ухищрениями фотографа (необычность ракурсов, намеренный контраст и т.д.), он выделяет прежде всего такие качества привлекающих его фотографий как «двойственность» [Барт 1997, с. 40], «помехи», «метки», «отсутствие гомогенности» [Барт 1997, с. 42], наличие «децентрированных деталей» [Барт 1997, с. 67, 69, 78]. Такие фото могут не обладать единством композиции [Барт 1997, с. 65] и преднамеренной простроенностью по правилам творческой логики [Барт 1997, с. 68], быть в какой-то мере случайными. Перефразируя смысл терминов для нашей темы, можно сказать, что идея способа показа макета, композиционный замысел кадра могут быть ясно реализованы и считываться («studium»), но при этом, благодаря непреднамеренностям, возможен изначально незапланированный смысл («punctum»), который уводит в сторону и эмоционально «задевает».

Студенческие фотографии «обязательной» программы были выполнены с соблюдением определенных правил, желательных при демонстрации макета, поэтому «кухня» создания таких снимков нам более-менее очевидна. Что же касается фото «произвольной программы», то здесь нам остается только догадываться о замысле, движущих мотивах и предпочтении тех или иных приемов фотографирования, случайности или намеренности получившегося кадра.

Фотографии с документально-фиксирующей функцией («обязательная программа», рисунок 1) должны констатировать факт существования макета, максимально соответствовать оригиналу (высокая степень иконичности), достоверно выявлять морфологию, показывать свойства материалов, давать общие представления о замысле и его воплощении и ясно демонстрировать степень выполнения учебного задания. Фотоизображения должны быть резкими, фиксировать фронтальный вид и вид сверху с минимальными искажениями, общие перспективные виды с верхней точки съемки. Боковые композиции кадра необходимы для создания представления о рельефности поверхности или объемности формы. При

фотографировании нужно учитывать также условия восприятия макета человеком в соответствии с видом композиции (фронтальная, объемная или пространственная) и масштабом, поэтому необходимы также ракурсные кадры с позиции предполагаемого зрителя.

С композиционной точки зрения для фотографий этого типа характерна традиционная учебная компоновка с доминированием макета в кадре и поиском зрительного равновесия в соотношении фигура-фон. Ясность прочтения обеспечивается хорошим освещением и наличием искусственного фона, который, как правило, должен быть контрастным, однородным, с отсутствием посторонних деталей, чтобы не отвлекать от восприятия модели.

«Обязательные» фотографии становятся документом для обоснования оценки макета по критериям выполнения композиционных задач: целостность как общая цель; применение тех или иных композиционных средств и приемов (метроритмическая, симметричная или асимметричная структура и т.д.); в некоторых случаях соответствие определенным девидам; учет размерных и масштабных условий задания. Оцениваются и степень владения навыками макетирования, оригинальность, присутствие общих «родовых признаков», т.е. вариативность разработки той или иной композиционной темы, повторяемость или уникальность. В целом фотографии на рисунке 1 внешне схожи с фотографиями пропедевтических макетов ВХУТЕМАСа и курсов ОПК и Композиционного моделирования МАРХИ [Хан-Магомедов 1996, с. 269, 270, 272, 290; Алонов 2015; Мелодинский 2000]. Как правило, это фото с документально-фиксирующей функцией (учебная компоновка кадра, оптимальное освещение, боковая съемка и т.д.). Единственная особенность — некоторые объемные композиции ВХУТЕМАСа в кадрах окружены непривычно узкими полями, что, впрочем, способствует усилению в фотографии общей задачи на выявление массы и веса [Хан-Магомедов 1996, с. 269, рисунки 11–14].

Если применить для таких фотографий терминологию Р. Барта, то в их восприятии можно усмотреть преобладание «studium'a». Эти снимки оцениваются нами — преподавателями в русле нашего опыта и профессиональной культуры, учебных задач и эстетических норм.

Прокомментируем некоторые студенческие фотографии с документально-фиксирующей функцией с точки зрения композиционных характеристик, а также двух составляющих, выделенных Р. Бартом.

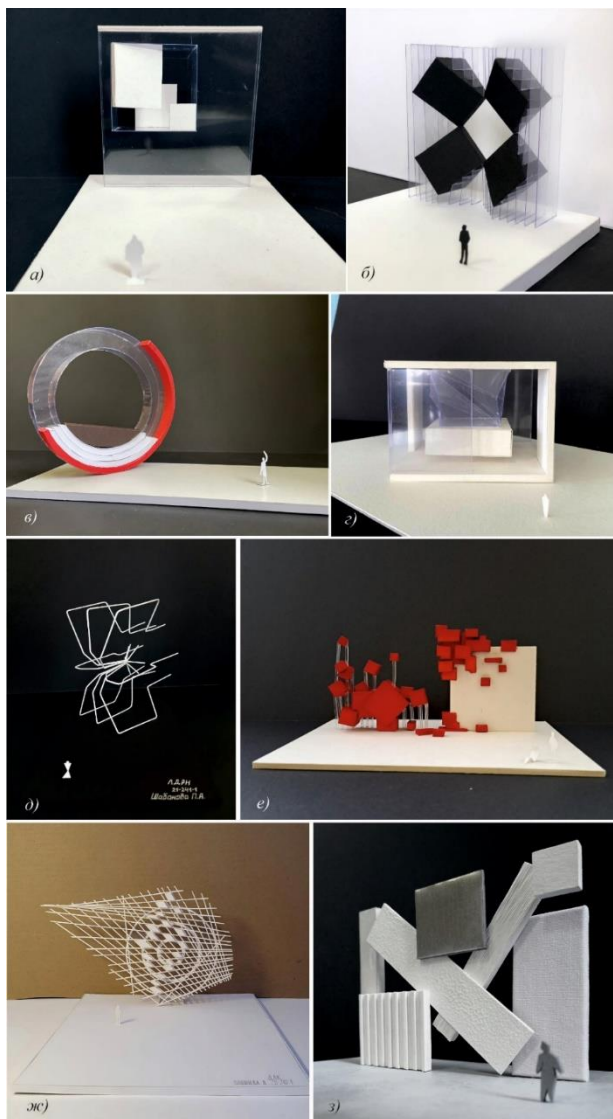

Рисунок 1. Рисунок 1. Фотографии «обязательной программы». Студенческие работы, руководители: Лаер С.В., Иванова Е.Г. Авторы макетов и фотографий: а) Сабанова Э.; б) Вящева В.; в) Книжина С.; г) Сопова Е.; д) Шабанова П.; е) Голубева В.; ж) Бабичева А.; з) Лезовская Э. [Электронный архив].

Figure 1. Figure 1. Photographs of the “compulsory program”. Student work, supervisors: Laer S.V., Ivanova E.G. Authors of layouts and photographs: а) Sabanova E.; б) Vyashcheva V.; в) Knizhina S.; г) Sopova E.; д) Shabanova P.; е) Golubeva V.; ж) Babicheva A.; з) Lezovskaya E.

Фотокадр на рисунке 1в демонстрирует следующие «документальные» характеристики: фасадность подачи, выявление материальности деталей макета освещением. Наличие пустого пространства в кадре подчеркивает минималистичность и воздушность композиции; повтор линий, близких к горизонтали, успокаивает микро-тенденции к движению. Такой способ представления макета в кадре усиливает

девизы «статика», «разреженность», «легкость», способствует созданию впечатления чистоты и покоя (studium). Повтор линий — жест руки человека и тонкая красная деталь макета в виде полукольца — можно рассмотреть в качестве рипстима, это считается как своеобразный «диалог» модели и человека, привносит момент юмора и одушевления в восприятие кадра.

Объемная композиция П. Шабановой (рисунок 1д) представлена на фотографии в легком перспективном ракурсе, это придает ей качество «ненавязчивости», выражает движение — скольжение, которое визуально продолжается за границами кадра, что соответствует названию композиции «экспансия». Тонкость конструкции выгодно подчёркивается темной площадкой и фоном. В целом подачу макета, включая освещение, можно охарактеризовать как стильную. Возникают субъективные ассоциации с невесомостью в космическом пространстве.

Несмотря на то, что фотоработы первого типа имеют «документальное» предназначение, это не исключает их потенциальной художественности и субъективности в выражении взгляда фотографа. Однако фотографии второго типа дают больше возможностей для проявления творческого потенциала и авторского видения. Видимо, потребность активнее выразить свое отношение и мотивировала студентов на проявление инициативы в выполнении таких снимков.

Фотографии с экспериментально-исследовательской функцией («произвольная» программа, рисунки 2–5) отличаются разнообразием в подаче. Они помогают острее выразить идею макета, акцентировать внимание на раскрытии неочевидных граней композиции. Часто они связаны с поиском различных фонов, точек съемки и ракурсов, использованием фрагментации, пустоты, привлечением внимания к фактурам и текстурам, с применением эффектов света и тени, отражений, бликов, размытости, а также наличием дополнительных элементов, не являющихся непосредственной частью макета. Здесь возможна не учебная компоновка кадра, варианты его композиционной структуры, отсутствие равновесия, нюансные отношения между макетом и фоном, съемка с короткой дистанции, акцент на деталях или их нивелирование. Степень иконичности некоторых фотографий понижается, т.е. не всегда морфология макета может быть вполне узнаваема с первого взгляда. Эмоциональное воздействие таких фотографий весьма разнообразно. Видится близость таких фотографий с работами курса «Фотография в архитек-

туре» МАРХИ, а также с некоторыми современными тенденциями в фотографии (незаметность структуры [Вершовский (С)мутные времена], фрагментарность, атмосферность [Дьяченко 2021]).

Некоторые свойства фотографий этой группы перекликаются с современными тенденциями интеграции новейшей архитектуры с искусством, где замечено, в числе других, усиление влияния игрового, театрального, дизайнерского направлений в профессиональном архитектурном мышлении [Дуцев 2018]. Фотографии современной архитектуры демонстрируют различные способы взаимодействия архитектуры и искусства, выделенные М.В. Дуцевым. Не только студенческие макеты, но и фотографии своими характеристиками соотносятся с направленностью архитектурной практики подчеркнуть «"мерцающий" характер архитектуры, её иллюзорность и нематериальность», призрачность и растворение формы [Дуцев 2018, с. 18]. Работа студентов с подсветкой макета координируется со стремлениями посредством световой архитектуры и дизайна усилить визуальное влияние архитектурного объекта в вечернее и ночное время. Такие фотографии в случае дальнейшей архитектурной интерпретации абстрактной модели помогут представить вид объекта в темное время суток и организовать точки восприятия композиции.

Ряд работ «произвольной» программы обладает недосказанностью, вариативностью прочтения, провоцирует додумывание. По словам Р. Барта, фотография становится подрывной, «... когда она пребывает в задумчивости» [Барт 1997, с. 61].

Применяя терминологию этого автора, можно сказать, что в таких фотографиях присутствует и «studium», но «punctum» встречается гораздо чаще, чем в фото первого типа.

Рассмотрим ряд студенческих фотографий второго типа с точки зрения их предназначения, композиционных особенностей, ожидаемых «учебных» характеристик и субъективных моментов, считаваемых при восприятии.

Серия работ студентки В. Богдановой на рисунке 2, а-г представляет объемную и пространственную композиции. Объемная композиция (рисунок 2, а) подана в классической манере, симметрично, в мягком рассеянном освещении, с высоты человека в соответствующем масштабе. Планиметрический показ (рисунок 2, в) и освещение выражают идею структурности. Фрагмент композиции (рисунок 2, г) статичен, удачно использован эффект размытого переднего плана. Макеты хорошо «сидят» в кадре. В целом

серия фотографий выражает идею света. Что касается субъективных эмоциональных впечатлений — снимки притягивают, рожают ощущение чего-то хрупкого, нежно-утонченного, волшебного, ассоциируются с классическими отмысками.

Фотография фронтальной композиции М. Кругловой (рисунок 2, е) отличается эффектной компоновкой кадра. Благодаря отражениям композиция продолжается вниз; освещенная с торца, режется линией света, что подчеркивает «деконструктивность» объекта. Кадр завораживает, уводит за пределы, возникают такие коннотации как «сюрреалистичность», «вневременность», «невесомость», «непрерывность». В кадре, фиксирующем объемную композицию Мезиновой Н. (рисунок 2, ж), присутствует перспектива и фон, чуть подсвеченный боковым светом. Обращает на себя внимание не учебная, крайне асимметричная компоновка кадра и контраст «пустое-заполненное».

Объемная композиция С. Пущина (рисунок 2, и) ассоциируется с лемеховым покрытием луковичных главков деревянной храмовой архитектуры. Благодаря ортогональной подаче на цветовом и светлотном нюансе с фоном фотография воспринимается как археологическая находка, считаются такие дополнительные значения как «многодельность», «механика», «наборность».

Фронтальная композиция Ерошковой (рисунок 3, в) показана с точки зрения предполагаемого зрителя, усиление перспективы и частичная дефрагментация формы подчеркивают движение, динамичные линии макета практически совпадают с нисходящей диагональю кадра. Работе присущи такие дополнительные характеристики как «графичность» и «плакатность».

Для фотоснимка объемной композиции И. Хорунжего (рисунок 3, и) характерен контраст и коллажность (в кадре помимо макета присутствуют эскизы композиции и пинцет). Эти «случайные» детали, а также некоторая незавершенность, легкость, живость отсылают к идее композиции как «процесса» (punctum).

Фотография фронтальной композиции Н. Рыбаковой (рисунок 3, к) кроме демонстрации решения учебных задач интересна «коллажностью» в подаче — композиция работает как зеркало, и отражение вторым слоем накладывается на тело фронтоли. Обрезанность правого края макета смотрится как постепенный «уход» композиции из кадра.

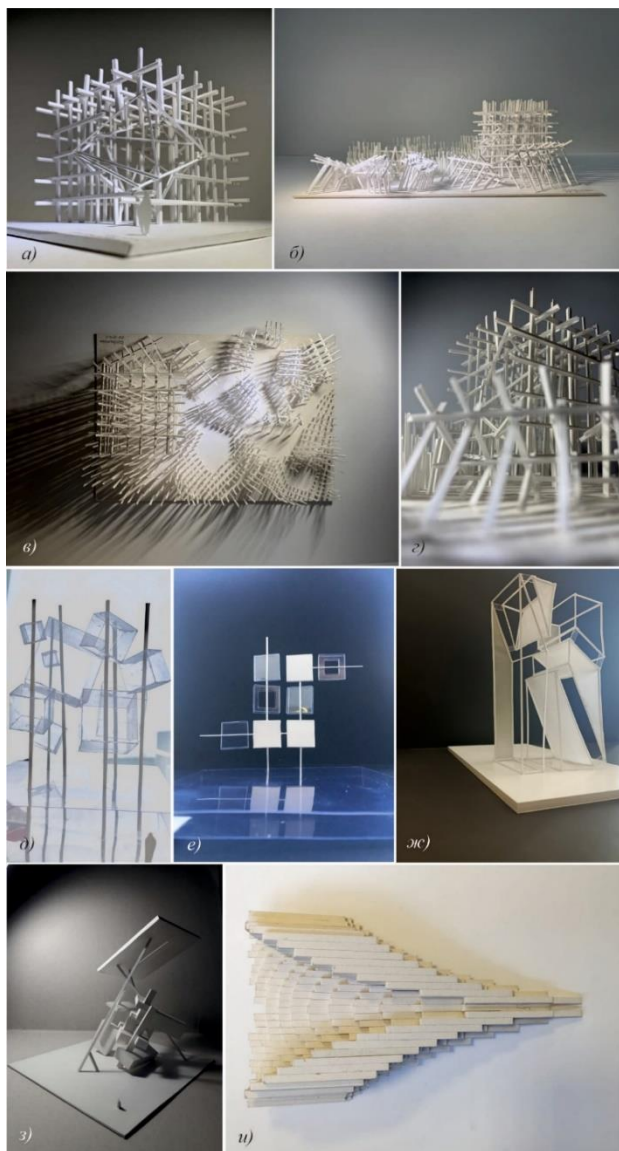

Рисунок 2. Фотографии «произвольной программы». Студенческие работы, руководители: Лаер С.В., Иванова Е.Г. Авторы макетов и фотографий: а) – г) Богданова В.; д) Мекле Д.; е) Круглова М.; ж) Мезинова Н.; з) Ткачук А.; и) Пушин С. [Электронный архив].

Figure 2. Photographs of the “compulsory program” Student work, supervisors: Laer S.V., Ivanova E.G. Authors of layouts and photographs: а) – г) Bogdanova V.; д) Mekle D.; е) Kruglova M.; ж) Mezinova N.; з) Tkachuk A.; и) Pushchin S.

Рисунок 4. Фотографии «произвольной программы». Студенческая работа, руководители: Лаер С.В., Иванова Е.Г. Автор макета и фотографий Аникина В., гр. 22-214-1 [Электронный архив].

Figure 4. Photographs of the “free program”. Student work, supervisors: Laer S.V., Ivanova E.G. Author of the layout and photographs: Anikina V., group 22-214-1

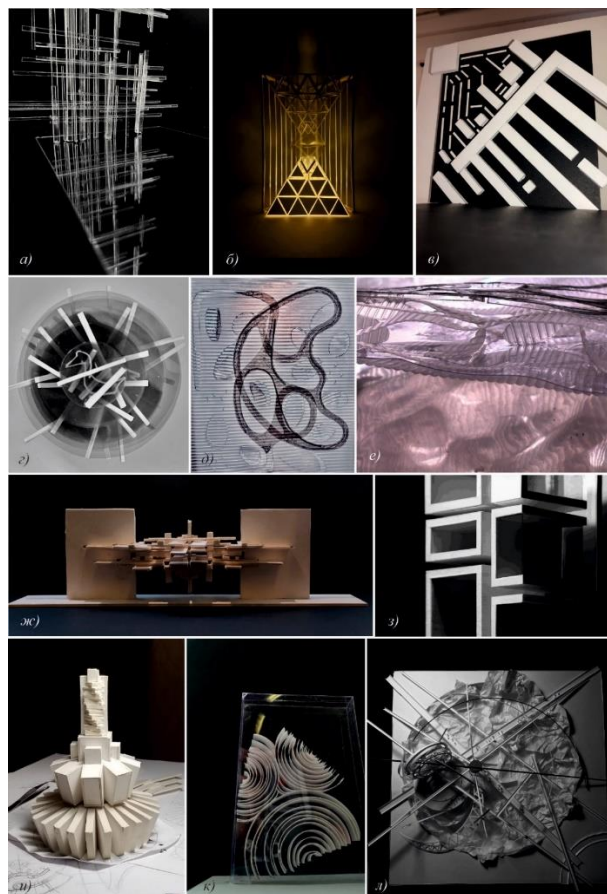
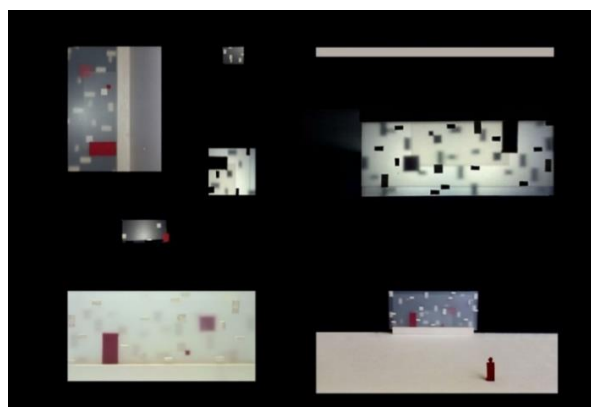

Рисунок 3. Фотографии «произвольной программы». Студенческие работы, руководители: Лаер С.В., Иванова Е.Г. Авторы макетов и фотографий: а), ж) Серебрякова Т.; б) Казакова А.; в) Ерошкова Я.; г) – е) Пламядыло Т.; з) Геленов В.; и) Хорунжий И.; к) Рыбакова Н.; л) Иванова С. [Электронный архив].

Figure 3. Photographs of the “free program”. Student works, supervisors: Laer S.V., Ivanova E.G. Authors of layouts and photographs: а), ж) Serebryakova T.; б) Kazakova A.; в) Yeroshkova Ya.; г) – е) Plamadyalo T.; з) Gelenov V.; и) Khorunzhy I.; к) Rybakova N.; л) Ivanova S.

Объемная композиция Э. Лезовской (рисунок 5, а) представлена в динамичном ракурсе, фрагментарно, при рассеянном освещении. Роль *punctum*¹ в кадре играет рука, напоминая демонстрацию концептуальных макетов бюро ОМА, порождая ассоциации с «кинематографичностью» (рисунок 5, в).

Фотография объемной композиции С. Ивановой (рисунок 5, б) благодаря контровому свету удачно показывает глубину объема и прозрачность деталей. На фотоснимке присутствует «коллажность» — включение мягкой драпировки на контрасте к жесткой геометрии объема. Компоновка макета в кадре привлекает сходством с «Черным кругом» К.С. Малевича (рисунок 5, г).

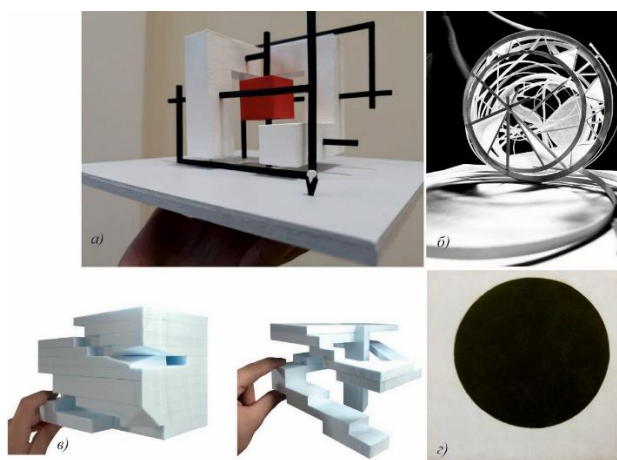

Рисунок 5. Сопоставление фотографий «произвольной программы» с прецедентами из области архитектуры и искусства. Верхний ряд: студенческие работы, руководители: Лаер С.В., Иванова Е.Г. Авторы макетов и фотографий: а) Лезовская Э.; б) Иванова С. [Электронный архив]. Нижний ряд: в) архитектурное бюро ОМА: макет универсама Galleria в Квангге, Южная Корея²; г) К. Малевич Черный круг²

Figure 5. Comparison of photographs of the "free program" with precedents from the field of architecture and art. Top row: student works, supervisors: Laer S.V., Ivanova E.G. Authors of layouts and photographs: а) Lezovskaya E.; б) Ivanova S. Bottom row: в) OMA architectural firm: model of the Galleria department store in Gwangju, South Korea; д) K. Malevich Black Circle

Выводы

Рассмотренные фотоматериалы, имеющие вспомогательную документальную и презентационную функцию в курсе ОПК, играют не менее важную роль в развитии композиционного мышления, чем

основные задания по макетированию, ручной и цифровой графике. Анализ фонда студенческих фотографий, выполненных за время локального эксперимента по частичному обновлению программы, показал: в вопросе презентации макета так же, как и в программе курса в целом, наблюдается расширение диапазона композиционных средств. К традиционным фотографиям с документально-фиксирующей функцией добавились новые работы с экспериментально-исследовательской составляющей. Первые показывают умение внятно, «объективно» и эстетически грамотно раскрыть в фотографии общую морфологию и композицию макета, вторые раскрывают индивидуальное видение и творческий потенциал студента в вариативном поиске новых граней и состояний бытия исходной модели. Для целостного представления идеи композиции макета и развития композиционного мышления ценными являются оба типа фотографий как взаимно дополняющие друг друга.

По композиционным параметрам противопоставление двух типов фоторабот строится на различиях в кадрировании и компоновке изображения, характере освещения, ракурсах, составе элементов в кадре и его структурной организации. Фотокомпозициям произвольной программы свойственны внимание к пустоте, фрагментация, дематериализация, недосказанность, неравновесное соотношение фигуры и фона. Смысловые характеристики двух типов работ условно распределяются по бинарным оппозициям: нейтрально-«объективное» и атмосферно-субъективное, рациональное и иррациональное, традиционное (классическое) и современное, алгоритмизированное и свободное. В целом работы второго типа при восприятии порождают более разнообразную гамму чувств и эмоций.

Однако вряд ли следует резко противопоставлять два типа фоторабот по всем параметрам. Несмотря на разное предназначение, фотографии и «обязательной», и «произвольной» программ могут обладать художественными качествами, содержать как *studium*, так и *punctum*, отражать процесс поиска и субъективность взгляда студента, обрабатываться в графических редакторах. Просто, как правило, степень присутствия этих качеств в разных типах работ оказывается разной.

Внимание к фотографии в курсе ОПК, в особенности к работам с экспериментально-исследовательской функцией, координируется с современными тенден-

¹ <https://www.archdaily.com/936327/galleria-in-gwanggyo-oma> (дата обращения: 14.02.2026)

² https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Black_circle,_1915.jpg (дата обращения: 14.02.2026)]

циями в образовании, где наблюдается активное присутствие фотографии в образовательных курсах творческих профессий; наличие специальных предметов, связанных с обучением фотографии; а также стремление индивидуализировать образовательную траекторию студента, в том числе при проектировании художественных образов. Фотографии второго типа близки по характеру некоторым работам курса «Фотография в архитектуре» МАРХИ, а также снимкам с проектной функцией в предмете «Фотографика» в дизайне.

В современной фотографии в целом заметны следующие тенденции: «намеренная дисгармония», «парадоксальная несовместимость», незаметность структуры, недосказанность, отсутствие детализации [Вершовский (С)мутные времена]. Присутствуют отражения, смазанность и рефлекс, соединение несоединимого, «преклонение перед случайностью» и превращение «несовершенства своей фототехники в художественный инструмент» [Вершовский (С)мутные времена]. Осознается важность пустого пространства, «ощущение невесомости» [Плотникова 2021, с. 117–118], фрагментарность и атмосферность [Дьяченко 2021], зыбкость, прозрачность, призрачность и дематериализация [Чмырева 2021, с. 385], «разобщение фрагментов» [Чмырева 2021, с. 387], «смещение жанров» [Кузнецова 2025, с. 140]. Студенты почувствовали некоторые из этих тенденций.

В фотоработах произвольной программы можно заметить и сближение с архитектурной практикой. Такие тенденции в архитектуре как междисциплинарность, влияние искусства и дизайна [Дуцев 2018] проявляются и в фотографическом изображении. Наблюдается координация некоторых студенческих работ с фотографиями архитектурных моделей практикующих архитекторов, световым дизайном в архитектуре.

Классификация по назначению и композиционно-смысловой анализ студенческих фотографий будут способствовать дальнейшему совершенствованию процесса обучения композиции в области подачи результатов композиционного моделирования с помощью фотографии, развитию композиционного мышления.

Список литературы

1. Алонов Ю.Г. Мелодинский Д.Л. Композиционное моделирование. Курс объемно-пространственного формообразования в архитектуре: учебник для вузов. М.: Академия, 2015. 224 с.
2. Армит М. Пространство в пространстве: фотографии архитектурных проектов и пропедевтических работ во ВХУТЕМАСе // Наука, образование и экспериментальное проектирование: тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. М.: Московский архитектурный институт, 2015. С. 103–104.
3. Бабилова В. В., Назаров Ю. В. Художественная фотография: проблематика, инструментарий // Культура и цивилизация. Ногинск: Издательский дом «Аналитика Родис», 2023. Т. 13. № 11–1. С. 188–199.
4. Барт, Р. «Camera Lucida». Комментарий к фотографии. М.: «Ad Marginem», 1997. 224 с.
5. Бернас И.З., Корсак М.В. Функции архитектурной фотографии как инструмента проектной деятельности архитектора // Вестник Приднестровского университета. Серия: гуманитарные науки. Тирасполь: Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, 2018. № 1 (58). С. 189–195.
6. Васильева Д.Н., Филипенко Е.А. Развитие визуальной культуры студентов института искусств средствами предметной фотографии // Культурное наследие г. Саратова и Саратовской области. Материалы VIII Международной научно-практической конференции, г. Саратов, 09–12 октября 2019 года. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского.
7. Саратов: «Саратовский источник», 2019. С. 332–338.
8. Волкова М.С. Дизайн фотографий ювелирных изделий: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук / Волкова Мария Сергеевна. М., 2011. 17 с.
9. Дьяченко Е. В. Машанов А. Н. Атмосферная фотография. Фрагмент и цвет. На примере разработки дизайна авторской фотокниги, посвященной 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского // Творчество молодых: искусство, дизайн, медиатехнологии. Сборник научных статей XX Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 12 мая 2021 года. Омск: Омский государственный технический университет, 2021. С. 10–19.
10. Дуцев М.В. Концепция художественной интеграции как актуальный ресурс новейшей архитектуры. Часть 1. Архитектор-художник // Архитектура и строительство России. 2018. № 1. С. 16–23.

11. Иванова Е.Г., Лаер С.В. Итоги обновления заданий раздела «Организация основных видов композиции» дисциплины «Объемно-пространственная композиция» // Региональные архитектурно-художественные школы. 2022. № 1. С. 151–160.
12. Кузнецова Н.С., Джерук Н.Л. Пикториализм в творчестве современных российских фотохудожников // Человекоориентированный дизайн сердцами и разумом молодых ученых. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием для студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб: Научное издание, 2025. С. 139–141.
13. Кузьмина И.П., Мамутов Р.Р. Организация творческих проектов по художественной фотографии в рамках выпускной квалификационной работы на кафедре художественного образования // Вестник педагогических наук. 2023. №5. С.39–42.
14. Лаврентьев А.Н. От фотографии — к фотодизайну. Фотопроекты Якова Халипа // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2017. № 2-2. С. 210–220.
15. Лаврентьев А.Н. Фотография и фотоколлаж как визуальное приключение // Вестник СПГУТД. 2009. № 3 (18). С. 115–118.
16. Лаврентьев А.Н., Гэ С. Субъективная фотография и особенности развития искусства 1950–1970-х годов // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2023. № 3-3. С. 124–132.
17. Лапин А.И. Фотография как... Изд. 6-е, Treemedia Content Oy, 2020. 306 с.
18. Мелодинский Д.Л. Архитектурная пропедевтика (История, теория, практика). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 312 с.
19. Плотникова Е.В., Маторина А.Р. Пространство и контраст: приемы Ласло Мохой-Надя в современной фотографии // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2021. № 2 (59). С. 116–121.
20. Токарев А.Г. Метод А. Инновационная методика освоения дисциплины «Архитектурное проектирование»: учебно-методическое пособие. Ростов-на-Дону: ИАрХИ ЮФУ, 2010. 112 с.
21. Фотографика в образовании: учебное пособие / А.Н. Сергеев, Д.В. Малий, А.В. Сергеева, П.Н. Медведев, Ю.С. Дорохин. Тула: Изд-во ТулГУ, 2018. 178 с.
22. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн.: Кн.1. М.: Стройиздат, 1996, 709 с.

23. Чмырева И.Ю. Владимир Куприянов: исчезновение фотографии. К первой посмертной выставке художника «Тень времени» в галерее POP/OFF/ART // Academia. 2021. №4. С. 383–388.

Список источников

1. Вершовский А. О композиции в фотографии. [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/wall-182139288_4283?w=wall-182139288_4283/теория фотографии (дата обращения: 15.08.2025)
2. Вершовский А. Открытие плоскости (об уровнях восприятия художественной фотографии). [Электронный ресурс] URL: <http://art.photoelement.ru/analysis/levels/levels.html> (дата обращения: 17.08.2025)
3. Вершовский А. (С)мутные времена. Эссе о стрит-фотографии
4. (для первого выпуска журнала «Вестник Стрит-Фото»). [Электронный ресурс] URL: <https://www.antver.net/photoend/index.html> (дата обращения: 27.08.2025)
5. Гавриленко Ю. Что такое фотография? [Электронный ресурс] URL: http://www.2x36.ru/articles/discussion/rr_yg.html (дата обращения: 17.08.2025)
6. МАРХИ (Московский архитектурный институт): официальный сайт. Москва. [Электронный ресурс] URL: <https://laboratoriya-marhi.tilda.ws/fotografiya-v-arhitecture> (дата обращения 26.07.2025).
7. Электронный архив студенческих фоторабот по дисциплине «Объемно-пространственная композиция»: Электронная информационно-образовательная среда НГУАДИ. URL: <https://portal.nsuada.ru/course/view.php?id=2018>. URL: <https://portal.nsuada.ru/course/view.php?id=2023>. Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

References

1. Alonov Yu. G., Melodinsky D. L. Compositional Modeling. Course in volumetric-spatial form-building in architecture: Textbook for Universities. Moscow: Akademiya, 2015. 224 p.
2. Armit M. Space within space: photographs of architectural projects and propaedeutic works at VKHUTEMAS // Science, education, and experimental design: abstracts of the international scientific and practical conference of faculty, young

- scientists, and students. Moscow: Moscow Architectural Institute, 2015. P. 103–104.
3. Babikova V. V., Nazarov Yu. V. Art photography: problems, tools // Culture and civilization. Noginsk: Izdatelsky dom «Analitika Rodis», 2023. Vol. 13. No. 11-1. P. 188–199.
 4. Bart R. «Camera Lucida». Commentary on the photograph. Moscow: "Ad Marginem", 1997. 224 p.
 5. Bernas I.Z., Korsak M.V. Functions of architectural photography as a tool for the architect's design activities // Bulletin of the Pridnestrovian University. Series: humanities. Tiraspol: Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, 2018. No. 1 (58). P. 189–195.
 6. Vasilyeva D.N., Filipenko E.A. Development of visual culture of Art Institute students by means of subject photography // Cultural heritage of Saratov and Saratov region". Proceedings of the VIII International scientific and practical conference, Saratov, october 9-12, 2019. N.G. Chernyshevsky Saratov National Research State University. Saratov: «Saratovskiy istochnik», 2019. P. 332–338.
 7. Volkova M.S. Jewelry photograph design: abstract of a dissertation for the degree of candidate of technical sciences / Maria Sergeevna Volkova. Moscow, 2011. 17 p.
 8. Dyachenko E.V. Mashanov A.N. Atmospheric photography. fragment and color. using the design of a custom photo book dedicated to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky as an example // Creativity of the young: art, design, media technologies. Collection of scientific articles from the XX all-russian scientific and practical conference. Omsk, may 12, 2021. Omsk: Omsk State Technical University, 2021. P. 10–19.
 9. Dutsev M.V. The concept of artistic integration as a relevant resource of contemporary architecture. Part 1. Architect-artist // Architecture and Construction of Russia. 2018. No. 1. P. 16–23.
 10. Ivanova E.G., Layer S.V. Results of updating the assignments for the «Organization of the main types of composition» section of the «Volumetric-spatial composition» discipline // Regional architectural and art schools. 2022. No. 1. P. 151–160.
 11. Kuznetsova N.S., Dzheruk N.L. Pictorialism in the works of contemporary russian photo artists // Human-oriented design with the hearts and minds of young scientists. Collection of materials from the All-Russian scientific and practical conference with international participation for students, graduate students, and young scientists. St. Petersburg: Naukoyemkiye tekhnologii, 2025. P. 139–141.
 12. Kuzmina I.P., Mamutov R.R. Organization of creative projects in art photography as part of the final qualifying work at the Department of Art Education // Bulletin of pedagogical sciences. 2023. No. 5. P. 39–42.
 13. Lavrentyev A.N. From photography to photo design. Photo projects of Yakov Khalip // Decorative art and environment. bulletin of the Russian State University of Art and Industry named after S.G. Stroganov. 2017. No. 2-2. P. 210–220.
 14. Lavrentyev A.N. Photography and photo collage as a visual adventure // Bulletin of St. Petersburg State University of Arts and Design. 2009. No. 3 (18). P. 115–118.
 15. Lavrentyev A.N., Ge S. Subjective photography and features of the development of art in the 1950-1970s // Decorative art and environment. Bulletin of the Russian State University of Art and Industry named after S.G. Stroganov. 2023. No. 3-3. P. 124–132.
 16. Lapin A.I. Photography as... 6th ed., Treemedia Content Oy, 2020. 306 p.
 17. Melodinsky D.L. Architectural propaedeutics (history, theory, practice). M.: Editorial URSS, 2000. 312 p.
 18. Plotnikova E.V., Matorina A.R. Space and contrast: Laszlo Moholy-Nagy's techniques in contemporary photography // Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. 2021. No. 2 (59). P. 116–121.
 19. Tokarev A.G. Method A. Innovative methodology for mastering the discipline "Architectural design": a study guide. Rostov-on-Don: IArch SFedU, 2010. 112 p.
 20. Photographics in education: a textbook / A.N. Sergeev, D.V. Maly, A.V. Sergeeva, P.N. Medvedev, Yu.S. Dorokhin. Tula: Tula State University Publishing House, 2018. 178 p.
 21. Khan-Magomedov S.O. Architecture of the soviet avant-garde: in 2 books: book 1. Moscow: Stroyizdat, 1996, 709 p.
 22. Chmyreva I.Yu. Vladimir Kupriyanov: the disappearance of photography. On the artist's first posthumous exhibition "Shadow of time" at the POP/OFF/ART Gallery // Academia. 2021. No. 4. P. 383–388.
- Материал передан в редакцию 16.04.2026.

Урбанистика | Urban Studies

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2005>

Всесезонность общественного пространства

Дарья Бабарыкина

Доцент

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова

d.babarykina@nsu.ru, [ORCID](#)

Аннотация

Актуальность. Общественные пространства являются значимыми элементами городской среды, обеспечивающими коммуникацию, рекреацию, повседневную мобильность, культурную и событийную активность населения. Однако в регионах с выраженной сезонной изменчивостью физическая открытость и формальная благоустроенность территории не гарантируют ее полноценного функционирования в течение года. В холодном и резко континентальном климате значительная часть открытых пространств активнее используется в теплый период, тогда как зимой и в межсезонье меняются маршруты передвижения, сокращается продолжительность пребывания, возрастает значение микроклиматической защиты, освещения, противогололедного содержания и сезонных сценариев. В научной литературе термин «всесезонность» применяется все чаще, но нередко без разграничения с понятиями круглогодичной доступности, круглогодичной эксплуатации и зимнего благоустройства. Это затрудняет его использование как архитектурно-средовой категории. **Цель.** Уточнить содержание понятия «всесезонность общественного пространства» и определить его основные компоненты как проектно-формируемого свойства архитектурной среды. **Материалы и методы.** Исследование основано на анализе научных работ по теории общественного пространства, человекоориентированному проектированию, зимнему урбанизму, климатической адаптации открытых городских территорий. Использованы понятийно-терминологический анализ, сравнительно-аналитический метод. **Результаты.** Разграничены понятия круглогодичной доступности, круглогодичной эксплуатации и всесезонности общественного пространства. Круглогодичная доступность фиксирует возможность физического доступа к территории в разные периоды года; круглогодичная эксплуатация характеризует техническую и организационную способность пространства обслуживаться в течение года. Всесезонность рассматривается как качественное свойство архитектурной среды, связанное с сохранением или сезонным воспроизводством значимых сценариев пребывания, движения, общения, рекреации и событийной активности. Выделены шесть компонентов всесезонности: функциональный, социальный, климатический, инфраструктурно-эксплуатационный, сценарный и визуально-средовой. **Выводы.** Всесезонность общественного пространства не тождественна круглогодичной открытости территории и не сводится к наличию отдельных зимних развлечений, сезонного декора или технического обслуживания. Она представляет собой комплексное проектно-формируемое свойство архитектурной среды, складывающееся из взаимосвязи функций, микроклимата, инфраструктуры, сценариев использования, социальной активности и архитектурно-художественной выразительности. Уточнение данного понятия позволяет перейти от общего описания зимнего или круглогодичного использования территории к профессиональной оценке качества ее функционирования в течение годового цикла.

Ключевые слова: общественное пространство, всесезонность, архитектурная среда, зимний город, климатическая адаптация, сезонная трансформация

Для цитирования: Бабарыкина Д.В. Всесезонность общественного пространства // Творчество и современность. 2026. № 2. С. 41–49.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2005>

All-Seasonality of Public Space

Darya Babarykina

Associate Professor

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

d.babarykina@nsuada.ru, [ORCID](#)

Abstract

Relevance. Public spaces are significant elements of the urban environment that support communication, recreation, everyday mobility, cultural practices, and event-based activity. However, in regions with pronounced seasonal variability, the physical openness and formal improvement of a territory do not guarantee its full functioning throughout the year. In cold and sharply continental climates, many open spaces are used more actively during the warm season, whereas in winter and transitional periods pedestrian routes, duration of stay, microclimatic protection, lighting, anti-icing maintenance, and seasonal scenarios become more important. The term “all-seasonality” is increasingly used in academic and professional discourse, yet it is often not clearly distinguished from year-round accessibility, year-round operation, and winter landscaping. This limits its applicability as an architectural and environmental category. **Purpose.** The purpose of the article is to clarify the meaning of the concept of “all-seasonality of public space” and to identify its main components as a design-formed property of the architectural environment. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of scientific works on public space theory, human-centered urban design, winter urbanism, climate adaptation, and seasonal transformation of open urban territories. The research uses conceptual and terminological analysis, comparative analytical method, and structural-logical generalization. **Results.** The article distinguishes between year-round accessibility, year-round operation, and all-seasonality of public space. Year-round accessibility refers to the possibility of physical access to a territory in different seasons; year-round operation refers to the technical and organizational capacity to maintain and service the space throughout the year; all-seasonality is defined as a qualitative property of the architectural environment that ensures the preservation or seasonal reproduction of meaningful scenarios of staying, movement, communication, recreation, and event-based activity. Six components of all-seasonality are identified: functional, social, climatic, infrastructural-operational, scenario-based, and visual-environmental. **Conclusions.** All-seasonality of public space is not identical to year-round openness and cannot be reduced to separate winter attractions, seasonal decoration, or technical maintenance. It is a complex design-formed property of the architectural environment based on the interaction of functions, microclimate, infrastructure, scenarios of use, social activity, and architectural-artistic expressiveness. Clarifying this concept makes it possible to move from a general description of winter or year-round use toward a professional assessment of the quality of public space functioning throughout the annual cycle.

Keywords: public space, all-seasonality, architectural environment, winter city, climate adaptation, seasonal transformation

For citation: Babarykina Darya. (2025) All-Seasonality of Public Space. *Creativity and modernity*. 32 (2). 41–49.

Введение

Проблематика общественных пространств занимает устойчивое место в современной архитектурной и градостроительной теории. В классических и современных исследованиях общественное пространство рассматривается как среда публичного взаимодействия, повседневной коммуникации, передвижения, наблюдения, пребывания и социальной видимости. В этой логике оно не сводится к физически открытой территории, а раскрывается через возможность совместного присутствия, разнообразие сценариев, доступность, интенсивность городской жизни и поведенческую насыщенность среды [Арендт 2000; Джейкобс 2011; Уайт 1980; Гейл 2012].

В отечественной архитектурной литературе общественное пространство также трактуется как сложная пространственно-функциональная и социальная категория. Оно связывается с организацией общения, рекреации, движения, культурной активности, с архитектурной формой, функциональной доминантой, масштабом, морфологией городской среды и характером пользовательских практик [Гельфонд 2015; Крашенинников 2016; Баталина 2017]. При этом большинство теоретических определений фиксирует признаки публичности, доступности и социальной активности, но не раскрывает специально способность общественного пространства сохранять качество функционирования в разные периоды года.

Вопрос сезонной устойчивости особенно значим для городов холодного и резко континентального климата. Исследования зимней городской среды показывают, что на использование открытых пространств влияют не только низкие температуры, но и ветер, лед, слякоть, темнота, снеговой режим, солнечный доступ, связность маршрутов [Chapman et al. 2017; Chapman 2018; Werner 2016; Mänty Pressman 1988]. Следовательно, зимнее функционирование общественного пространства не может быть описано только через факт его открытости или технического содержания. Пространство может оставаться доступным и обслуживаемым, но при этом не обеспечивать условий для пребывания, общения, рекреации и событийной активности.

Термин «всесезонность» часто используется в профессиональной практике, но его содержание трактуется неоднозначно. Под ним могут понимать зимнюю доступность территории, ее коммунальное обслуживание, наличие катка, праздничного оформления, временных павильонов или отдельных событий. Однако эти признаки не равны полноценному

функционированию общественного пространства в течение года. В связи с этим всесезонность следует рассматривать не как набор отдельных зимних решений, а как архитектурно-средовое качество, обеспечивающее сохранение функций, комфорта, сценариев использования и общественной активности в разные сезоны.

Для городов холодного и резко континентального климата данная проблема имеет не только климатическое, но и пространственно-функциональное измерение. В таких условиях открытые общественные пространства функционируют неравномерно: в теплый сезон они активнее используются для прогулок, рекреации, событий и транзитного движения, тогда как зимой возрастает значение защищенных маршрутов, освещения, противогололедного содержания, мест кратковременного обогрева, визуальной читаемости и специально организованных сезонных сценариев. Следовательно, всесезонность не может рассматриваться как автоматическое следствие благоустройства территории; она требует архитектурно-средовой настройки, учитывающей климатические, эксплуатационные, поведенческие и визуальные изменения годового цикла.

Цель статьи заключается в уточнении содержания понятия «всесезонность общественного пространства» как архитектурно-средовой категории и в определении его основных компонентов.

Методы и материалы. Материалами исследования послужили научные работы по теории общественных пространств, человекоориентированному проектированию городской среды, зимнему урбанизму, климатической адаптации и сезонной трансформации открытых городских территорий. Теоретическую основу составили исследования, раскрывающие общественное пространство через публичность, повседневную городскую жизнь, поведение пользователей, длительность пребывания, функциональное разнообразие и социальное взаимодействие [Арендт 2000; Джейкобс 2011; Уайт 1980; Гейл 2012; Carr et al. 1992].

Отдельную группу источников составили исследования городской среды в холодном климате. В них рассматриваются факторы, влияющие на зимнее использование открытых пространств: ветер, снежный покров, гололед, слякоть, темнота, солнечный доступ, связность маршрутов, приоритетность зимнего обслуживания, изменение пешеходных дистанций и поведенческих сценариев [Chapman et al. 2017; Chapman 2018; Werner 2016; Donaldson et al. 1998]. Эти материалы позволяют рассматривать всесезонность

не как частный зимний сценарий, а как комплексное качество среды, связанное с микроклиматом, эксплуатацией, маршрутизацией и публичной активностью.

В качестве контекстуального материала использованы ранее опубликованные работы автора, посвященные подходам к пониманию общественных пространств, международному опыту проектирования в холодном климате и российской практике всесезонного использования общественных пространств [Бабарыкина 2024а; Бабарыкина 2024б; Бабарыкина 2025]. Они используются не как единственная основа исследования, а как часть корпуса публикаций, позволяющих соотнести общую теорию общественного пространства с проблематикой холодного климата и сезонной трансформации среды.

Полученные результаты и их обсуждение

Современное понимание общественного пространства складывается на пересечении философии, социологии, урбанистики, архитектурной теории и поведенческих исследований. В работах Х. Арендт публичное пространство связывается с возможностью действия, речи и совместного присутствия [Арендт 2000]. В исследованиях Д. Джейкобс общественная жизнь города раскрывается через повседневную активность улицы, смешение функций, наблюдение и постоянное присутствие людей [Джейкобс 2011]. У. Уайт и Я. Гейл развивают поведенческий подход, в котором качество городской среды определяется не только ее физической организацией, но и тем, как долго люди остаются в пространстве, где они сидят, встречаются, наблюдают и вступают в неформальные контакты [Уайт 1980; Гейл 2012].

Для настоящего исследования принципиально важно, что в этих подходах общественное пространство оценивается не как нейтральная территория, а как среда реального использования. Следовательно, наличие открытой площади, парка, набережной или пешеходной улицы еще не означает полноценного общественного функционирования. Пространство становится общественным не только благодаря доступности, но и благодаря способности поддерживать повседневные и событийные практики, различные режимы пребывания и социального взаимодействия.

В отечественной архитектурной литературе данная логика получает развитие через анализ функци-

ональной, типологической и морфологической структуры общественных пространств. А.Л. Гельфонд рассматривает общественное пространство как среду общения и социальной активности, организованную в связи с доминирующей функцией [Гельфонд 2015]. А.В. Крашенинников акцентирует многоуровневую структуру городской среды и взаимосвязь пространств разных масштабов [Крашенинников 2016]. Т.С. Баталина рассматривает общественные пространства через типологию городских территорий, функциональное назначение и особенности формирования [Баталина 2017]. Эти подходы позволяют описать общественное пространство как архитектурно организованную среду публичного пользования, однако вопрос сезонной устойчивости в них не становится самостоятельным критерием.

Для регионов с выраженной сезонностью такого описания недостаточно. Если классические и современные определения отвечают на вопрос, что делает пространство общественным, то они не всегда отвечают на вопрос, что делает его способным сохранять качество общественного функционирования в течение года. В холодном климате эта проблема становится особенно очевидной: формально благоустроенные территории могут оставаться открытыми, но при этом терять значительную часть функций, социальных сценариев и визуальной привлекательности зимой и в межсезонье.

Исследования пешеходных и велосипедных перемещений в зимний период показывают, что сезонные условия изменяют не только физическое состояние городской среды, но и поведение пользователей. На выбор маршрута и готовность к пешему передвижению влияют лед, слякоть, темнота, ветер и воспринимаемая безопасность пути [Chapman et al. 2017]. Другие исследования подчеркивают, что общественное пространство нельзя оценивать изолированно от ведущих к нему маршрутов, их непрерывности, безопасности и качества зимнего содержания [Chapman 2018]. Следовательно, всесезонность характеризует не только внутреннюю организацию отдельной территории, но и ее доступность и связь с окружающей городской средой.

В проектной и управленческой практике часто смешиваются три близкие, но не тождественные категории: круглогодичная доступность, круглогодичная эксплуатация и всесезонность общественного пространства. Их разграничение необходимо для того, чтобы термин «всесезонность» мог использоваться не описательно, а как профессиональная архитектурно-средовая категория.

Круглогодичная доступность характеризует минимальный уровень функционирования территории. Она означает, что человек может физически попасть в пространство в разные периоды года. Доступность связана с наличием входов, проходов, маршрутов, расчисткой основных путей, устранением барьеров и обеспечением безопасности передвижения. Однако она не говорит о качестве пребывания, длительности использования, сценарном разнообразии и социальной насыщенности среды (таблица 1).

Круглогодичная эксплуатация относится к техническому и организационному уровню. Она характеризует способность территории обслуживаться в разные сезоны: очищаться от снега и наледи, освещаться, содержать покрытия и оборудование в

рабочем состоянии, обеспечивать безопасность, санитарное обслуживание и инженерную устойчивость. Но эксплуатационная пригодность сама по себе также не гарантирует, что пространство будет сохранять общественную активность и оставаться значимым местом городской жизни (таблица 1).

Всесезонность предполагает более высокий уровень качества. Она связана не только с фактом доступа и обслуживания, но и с сохранением или сезонным воспроизводством общественных функций, условий пребывания, визуальной выразительности, маршрутов, событий, рекреационных и коммуникативных практик. Поэтому всесезонность следует рассматривать как комплексное проектно формируемое свойство архитектурной среды (таблица 1).

Таблица 1. Таблица 1. Разграничение понятий круглогодичной доступности, круглогодичной эксплуатации и всесезонности общественного пространства
Table 1. Table 1. Distinction between year-round accessibility, year-round operation and all-seasonality of public space

Понятие	Основной смысл	Что фиксирует	Ограничения понятия	Значение для проектирования
Круглогодичная доступность	Возможность физического доступа на территорию в течение года	Проходимость, открытость, наличие входов, проходов и основных маршрутов	Не характеризует качество пребывания, комфорт, социальную активность и сценарное разнообразие	Минимальное условие использования пространства в разные сезоны
Круглогодичная эксплуатация	Возможность технического обслуживания и поддержания территории в рабочем состоянии	Уборку, освещение, содержание покрытий, противогололедную обработку, работу оборудования	Не гарантирует общественной активности и архитектурно-средового качества	Организационно-техническая основа функционирования
Всесезонность общественного пространства	Проектно формируемое свойство среды, обеспечивающее сохранение или сезонное воспроизводство общественной активности	Функции, пребывание, социальные сценарии, микроклимат, визуальную выразительность, эксплуатационную пригодность	Требует комплексного проектного, эксплуатационного и сценарного обеспечения	Качественный критерий архитектурно-средового проектирования

Представленное разграничение показывает, что первые две категории описывают необходимые, но недостаточные условия функционирования общественного пространства. Доступность обеспечивает возможность входа и перемещения, эксплуатация поддерживает техническое состояние территории,

тогда как всесезонность связана с сохранением качества общественной жизни в годовом цикле. Этот вывод подтверждается исследованиями зимней мобильности: в холодный период меняются допустимые дистанции передвижения, выбор маршрутов и готовность пользователей задерживаться в открытой

среде [Chapman et al. 2017]. Следовательно, пространство, открытое и обслуживаемое круглый год, не обязательно является всесезонным.

В рамках настоящей статьи всесезонность общественного пространства целесообразно рассматривать как проектно формируемое свойство архитектурной среды, связанное со способностью пространства сохранять или сезонно воспроизводить значимые функции, сценарии пребывания, социальную активность, микроклиматический комфорт, эксплуатационную пригодность и визуальную выразительность в разные периоды года.

Такой подход позволяет рассматривать всесезонность именно как свойство среды, а не как самостоятельный тип общественного пространства. Одно и то же пространство может обладать разной степенью всесезонности в зависимости от того, как оно организовано, обслуживается, программируется и воспринимается пользователями в разные периоды года.

Всесезонность также не предполагает механического сохранения одних и тех же функций во все сезоны. Напротив, для холодного климата характерна смена поведенческих и функциональных режимов. Летние сценарии прогулок, отдыха на газоне, уличных мероприятий и открытых кафе могут сменяться зимними маршрутами, катками, лыжными дорожками, ярмарками, световыми инсталляциями, зонами кратковременного обогрева и сезонными павильонами. В этом смысле всесезонность означает не неизменность, а способность пространства сохранять общественную значимость через трансформацию.

Для всесезонного функционирования важна не только организация самого общественного прост-

ранства, но и доступность ведущих к нему маршрутов. Даже благоустроенная территория не может полноценно использоваться зимой, если подходы к ней небезопасны, пешеходные и велосипедные пути не очищаются или прерываются [Chapman 2018]. Поэтому при оценке всесезонности необходимо учитывать связь пространства с окружающей городской средой.

Климатическая адаптация при этом является необходимым, но не единственным условием. Исследования комфортного пребывания в открытой среде в холодном климате показывают, что для субарктических и северных городов особенно значимы ветровой режим, солнечный доступ, снеговой покров и возможность организованного снегоудаления [Werner 2016]. Однако даже хорошо защищенное от ветра и снега пространство не будет всесезонным, если в нем отсутствуют функции, социальные сценарии, инфраструктура пребывания и визуальная выразительность. Поэтому всесезонность следует рассматривать как многокомпонентное качество.

Из предложенного определения следует, что всесезонность имеет составную структуру. Она не может быть достигнута одним проектным приемом: устройством катка, монтажом подсветки, установкой теплого павильона или регулярной уборкой снега. Эти элементы могут быть важны, но в отрыве друг от друга они формируют лишь отдельные признаки зимнего использования. Всесезонность возникает при согласовании функциональных, социальных, климатических, инфраструктурно-эксплуатационных, сценарных и визуально-средовых характеристик (рисунок 1).

Рисунок 1. Компоненты всесезонного общественного пространства

Figure 1. Components of all-season public space

Функциональный компонент означает, что общественное пространство должно сохранять значимые функции или трансформировать их без утраты общественной роли. При этом не требуется, чтобы летняя и зимняя функциональные программы полностью совпадали. Более существенным является то, чтобы пространство не выпадало из городской жизни при смене сезона. Например, открытая площадь может летом работать как место прогулок, отдыха и мероприятий, а зимой превращаться в каток, ярмарочную площадку, световой маршрут или пространство сезонных фестивалей (рисунок 1).

Социальный компонент связан с сохранением присутствия пользователей и возможностей взаимодействия. В теории общественного пространства именно наблюдаемая городская жизнь, длительность пребывания, встречи и неформальные контакты являются признаками качества среды [Уайт 1980; Гейл 2012]. Поэтому всесезонность не может быть сведена к техническому состоянию территории. Пространство может быть очищено, освещено и доступно, но не быть всесезонным, если оно не создает условий для пребывания и общения (рисунок 1).

Климатический компонент отвечает за снижение воздействия неблагоприятных факторов среды (рисунок 1). В холодном климате это прежде всего ветер, низкие температуры, снег, наледь, темнота и дефицит солнечного тепла. В теплый сезон значимыми становятся перегрев, избыточная инсоляция, отсутствие тени и пылевая нагрузка. Следовательно, климатическая адаптация должна работать не только зимой, но и в течение всего годового цикла. Исследования микроклимата в холодных городах показывают, что для проектирования особенно важны сочетания солнечных и защищенных от ветра участков, учет снегонакопления и возможность снегоудаления [Werner 2016].

Инфраструктурно-эксплуатационный компонент определяет способность пространства сохранять рабочее состояние в разные сезоны (рисунок 1). К нему относятся покрытия, освещение, навигация, малые архитектурные формы, инженерные элементы, санитарная и сервисная инфраструктура. В условиях холодного климата особенно важны устойчивость материалов к температурным перепадам, противогололедные решения, возможность уборки и складирования снега, а также сохранение безопасных маршрутов. Этот компонент показывает, что всесезонность не может быть достигнута только декоративными средствами: праздничная подсветка или временная инсталляция не компенсируют отсутст-

вие доступных маршрутов, мест отдыха и эксплуатационной устойчивости.

Сценарный компонент отражает необходимость сезонной смены поведенческих практик (рисунок 1). Всесезонность не предполагает сохранения единого сценария в январе, апреле, июле и октябре. Она предполагает наличие набора сценариев, соответствующих сезонным условиям и пользовательским потребностям. Зимние формы активности могут включать катание на коньках, лыжные маршруты, световые фестивали, ярмарки, снежные игровые зоны, временные павильоны, термальные и гастрономические сценарии. Межсезонье требует особого внимания к покрытиям, водоотведению, защите от ветра и поддержанию безопасных маршрутов.

Визуально-средовой компонент подчеркивает, что всесезонность связана не только с функцией и комфортом, но и с восприятием (рисунок 1). В северных и резко континентальных городах сезонная смена радикально меняет визуальный облик среды: снежный покров, отсутствие листвы, сокращенный световой день, монохромность зимнего ландшафта и изменение цветовой насыщенности влияют на читаемость и выразительность пространства. Поэтому световая организация, работа с материалом, цветом, силуэтом, арт-объектами и сезонными акцентами становится частью всесезонного проектирования.

Выводы

Проведенный анализ позволяет уточнить содержание всесезонности общественного пространства как архитектурно-средовой категории. В отличие от круглогодичной доступности и круглогодичной эксплуатации, всесезонность характеризует не только возможность использования территории, но и качество ее общественного функционирования при смене сезонных условий.

В статье всесезонность рассмотрена как проектно формируемое свойство архитектурной среды, проявляющееся в сохранении или сезонном воспроизводстве функций, сценариев пребывания, социальной активности, микроклиматического комфорта, эксплуатационной пригодности и визуальной выразительности. Данное свойство складывается из шести взаимосвязанных компонентов: функционального, социального, климатического, инфраструктурно-эксплуатационного, сценарного и визуально-средового.

Такое понимание позволяет перейти от общего описания «зимнего» или «круглогодичного» исполь-

зования территории к более точной оценке качества общественного пространства в течение годового цикла. Предложенный подход может быть использован как основание для дальнейшей разработки критериев анализа и проектных решений для городов с выраженной сезонной изменчивостью.

Список литературы

1. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 437 с.
2. Бабарыкина Д.В. Актуальные подходы к пониманию общественных пространств: понятия, процессы, классификации использования // Приволжский научный журнал. 2024. № 2.
3. Бабарыкина Д.В. Международный опыт проектирования общественных пространств в условиях холодного климата // Architecture and Modern Information Technologies. 2024. № 2(67). С. 130–142. DOI: 10.24412/1998-4839-2024-2-130-142.
4. Бабарыкина Д.В. Российский опыт проектирования общественных пространств всесезонного использования // Архитектон: известия вузов. 2025. № 1(89). DOI: 10.47055/19904126_2025_1(89)_21.
5. Баталина Т.С. Анализ особенностей формирования общественного пространства // Бизнес и дизайн ревю. 2017. № 1(5).
6. Гейл Я. Города для людей. Москва: Альпина Паблишер, 2012. 276 с.
7. Гельфонд А.Л. Общественное здание и общественное пространство: дуализм отношений // Academia. Архитектура и строительство. 2015. № 2. С. 20–33.
8. Джейкобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. Москва: Новое издательство, 2011. 460 с.
9. Крашенинников А.В. МАКРО-пространства городской среды // Архитектура и современные информационные технологии. 2016. № 3(36).
10. Уайт У.Х. Социальная жизнь малых городских пространств. Washington, DC: The Conservation Foundation, 1980. 125 p.
11. Carr S., Francis M., Rivlin L.G., Stone A.M. Public Space. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 400 p.
12. Chapman D., Nilsson K., Larsson A., Rizzo A. Climatic barriers to soft-mobility in winter: Luleå, Sweden as case study // Sustainable Cities and Society. 2017. Vol. 35. P. 574–580. DOI: 10.1016/j.scs.2017.09.003.

13. Chapman D. Urban Design of Winter Cities: Winter Season Connectivity for Soft Mobility. Doctoral thesis. Luleå: Luleå University of Technology, 2018.
14. Donaldson G.C., Ermakov S.P., Komarov Y.M., McDonald C.P., Keatinge W.R. Cold related mortalities and protection against cold in Yakutsk, eastern Siberia: observation and interview study // BMJ. 1998. Vol. 317. P. 978–982.
15. Mänty J., Pressman N. Cities Designed for Winter. Helsinki: Building Book Ltd, 1988. 123 p.
16. Werner J. Outdoor Comfort in Cold Climates: Integrating Microclimate Factors in Urban Design. Doctoral thesis. Luleå: Luleå University of Technology, 2016.

References

1. Arendt H. Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni [The Human Condition]. Saint Petersburg: Aleteyya, 2000. 437 p.
2. Babarykina D.V. Aktual'nye podkhody k ponimaniyu obshchestvennykh prostranstv: ponyatiya, protsessy, klassifikatsii ispol'zovaniya [Current approaches to understanding public spaces: concepts, processes, classifications of use]. Privolzhskiy nauchnyy zhurnal [Privolzhsky Scientific Journal]. 2024. No. 2.
3. Babarykina D.V. Mezhdunarodnyy opyt proektirovaniya obshchestvennykh prostranstv v usloviyakh kholodnogo klimata [International experience in designing public spaces in cold climates]. Architecture and Modern Information Technologies. 2024. No. 2(67). P. 130–142. DOI: 10.24412/1998-4839-2024-2-130-142.
4. Babarykina D.V. Rossiyskiy opyt proektirovaniya obshchestvennykh prostranstv vsezonno ispol'zovaniya [Russian experience in designing public spaces for all-season use]. Arkhitekton: izvestiya vuzov [Architecton: Proceedings of Higher Education]. 2025. No. 1(89). DOI: 10.47055/19904126_2025_1(89)_21.
5. Batalina T.S. Analiz osobennostey formirovaniya obshchestvennogo prostranstva [Analysis of the features of public space formation]. Biznes i dizayn revyu [Business and Design Review]. 2017. No. 1(5).
6. Carr S., Francis M., Rivlin L.G., Stone A.M. Public Space. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 400 p.
7. Chapman D., Nilsson K., Larsson A., Rizzo A. Climatic barriers to soft-mobility in winter: Luleå, Sweden as case study. Sustainable Cities and Society. 2017. Vol. 35. P. 574–580. DOI: 10.1016/j.scs.2017.09.003.

8. Chapman D. Urban Design of Winter Cities: Winter Season Connectivity for Soft Mobility. Doctoral thesis. Luleå: Luleå University of Technology, 2018.
9. Donaldson G.C., Ermakov S.P., Komarov Y.M., McDonald C.P., Keatinge W.R. Cold related mortalities and protection against cold in Yakutsk, eastern Siberia: observation and interview study. *BMJ*. 1998. Vol. 317. P. 978–982.
10. Gehl J. *Goroda dlya lyudey* [Cities for People]. Moscow: Al'pina Publisher, 2012. 276 p.
11. Gel'fond A.L. Obshchestvennoe zdanie i obshchestvennoe prostranstvo: dualizm otnosheniy [Public building and public space: dualism of relations]. *Academia. Architecture and Construction*. 2015. No. 2. P. 20–33.
12. Jacobs J. *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov* [The Death and Life of Great American Cities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2011. 460 p.
13. Krashennnikov A.V. MAKRO-prostranstva gorodskoy sredy [Macro-spaces of the urban environment]. *Arkhitectura i sovremennye informatsionnye tekhnologii* [Architecture and Modern Information Technologies]. 2016. No. 3(36).
14. Mänty J., Pressman N. *Cities Designed for Winter*. Helsinki: Building Book Ltd, 1988. 123 p.
15. Werner J. *Outdoor Comfort in Cold Climates: Integrating Microclimate Factors in Urban Design*. Doctoral thesis. Luleå: Luleå University of Technology, 2016.

Материал передан в редакцию 22.06.2026.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2006>

Роль многофункциональных комплексов в формировании центра Октябрьского района города Новосибирска

Зулёрбек Эргашев

Магистрант

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
bekergashev627@gmail.com

Научный руководитель

Сергей Духанов

Доцент

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова
s.dukhanov@nsuada.ru, [ORCID](#)

Аннотация

Выявляется функционально-типологическая, объемно-пространственная и архитектурно-градостроительная роль многофункциональных комплексов в формировании нового центра города Новосибирска в Октябрьском районе в конце 1990-х — середине 2020-х гг. Многофункциональные комплексы классифицируются по основным функциональным типам и композиционно-градостроительной роли в существующей застройке. Выявляются закономерности размещения комплексов разных функциональных типов, а также основные архитектурно-градостроительные принципы, которые применялись их проектировщиками. Исследование основано на материалах натурного обследования и картографирования существующей застройки. Практическое значение исследования определяется актуальной задачей анализа значительных архитектурно-градостроительных изменений, произошедших за последние десятилетия в застройке Новосибирска и выявления роли в этом процессе новых типов зданий, к числу которых принадлежат многофункциональные комплексы.

Ключевые слова: многофункциональный комплекс, общественный центр, Новосибирск

Для цитирования: Эргашев З.М. Роль многофункциональных комплексов в формировании центра Октябрьского района города Новосибирска // Творчество и современность. 2026. № 2. С. 50–60.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2006>

Multifunctional Complexes Role in the Center of the Oktyabrsky District Formation in Novosibirsk

Zulerbek Ergashev

Master Student

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

bekergashev627@gmail.com

Science Advisor

Sergey Dukhanov

Associate Professor

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

s.dukhanov@nsuad.a.ru, [ORCID](#)

Abstract

This article explores the functional, typological, spatial, and architectural-urban planning roles of multifunctional complexes in the formation of Novosibirsk's new city center in the Oktyabrsky District from the late 1990s to the mid-2020s. Multifunctional complexes are classified by their primary functional types and their compositional-urban planning role within the existing development. Patterns in the placement of complexes of different functional types are identified, as well as the key architectural-urban planning principles applied by their designers. The study is based on in-kind surveys and mapping of the existing development. The practical significance of the study stems from the urgent task of analyzing significant architectural-urban planning changes that have occurred in Novosibirsk's development over the past decades and identifying the role of new building types, including multifunctional complexes, in this process.

Keywords: multifunctional complex, public center, Novosibirsk

For citation: Ergashev Z. (2025) Multifunctional Complexes Role in the Center of the Oktyabrsky District Formation in Novosibirsk. *Creativity and modernity*. 32 (2). 50–60.

Благодарности

Автор выражает признательность Евгению Николаевичу Лихачеву, профессору кафедры Архитектуры Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, обратившему наше внимание на актуальность изучения трансформации центра Октябрьского района в современных условиях и «каркасный метод» градостроительного анализа.

Введение

Новосибирск, крупнейший мегаполис Сибири, в течение последних десятилетий показывает одни из самых высоких темпов строительства в регионе. Одним из районов города, архитектурное лицо которого благодаря интенсивной застройке не просто резко изменилось в конце 1990-х — середине 2020-х гг., но и во многом сформировалось в этот период, является центр Октябрьского района. Отдельные вопросы функционального и архитектурно-градостроительного развития центра Октябрьского района затрагивались в ряде работ [Туманик 2014, с. 18–21, 40–42, 103–108, 114–115; Правоторова и др. 2019, с. 9–13; Кисельникова и др. 2018, с. 352–357]. Многофункциональные комплексы (МФК) — одни из ведущих типов зданий в современной застройке российских городов, в том числе и Новосибирска. В исследовании Д.Ю. Кисельниковой и А.Е. Гашенко указывалось на широкое распространение МФК в застройке Новосибирска начиная с 2015–2017 гг. [Кисельникова и др., с. 359]. Однако до сих пор роль МФК в развитии города и его отдельных районов комплексно не исследовалась. Настоящая статья призвана в известной мере восполнить этот пробел на материале центра Октябрьского района.

Методы и материалы. Исследование основано на материалах натурных обследований застройки и картографирования выявленных объектов. Сравниваются проекты планировок 1970-х — начала 2000-х гг. и осуществленная в конце 1990-х — середине 2020-х гг. застройка. Выявляются закономерности размещения МФК, их композиционно-градостроительная и функциональная роль. Выявление и классификация МФК по функциональным типам были произведены в соответствии с СП «Здания и комплексы многофункциональные. Правила проектирования», согласно которому, отличительной особенностью МФК является наличие не менее двух разных функционально-планировочных компонентов (ФПК) [СП 2014, п. 3.3, 3.4, 3.7]. Этот СП устанавливает пять функциональных типов МФК: жилой, обществен-

ный, общественно-жилой, производственный и общественно-производственный [СП 2014, п. 4.7, табл. В.1]. Нами учитывалось указание СП «Здания торгово-развлекательных комплексов. Правила проектирования», согласно которому торгово-развлекательные комплексы следует относить к «общественным зданиям многофункционального назначения» [СП 2019, п. 9.1, 5.2]. Кроме того, было установлено, что в российских нормах отсутствует такое понятие как «жилой комплекс». Как правило, этот термин используется в сфере маркетинга самими застройщиками — в качестве сокращения термина «многофункциональный жилой комплекс», который соответствует многофункциональным комплексам жилого и общественно-жилого типов.

Полученные результаты и их обсуждение

Эскизный проект ядра центра Октябрьского района, разработанный Новосибиргражданпроектом в 1978 г. (рисунок 1), развивал основные положения проектов 1968–1973 гг. и предполагал следующее функциональное и объемно-планировочное решение. Формировалась междумагистральная территория между улицами Ипподромской, Кирова, Восход и Зырянская. Со стороны улицы Ипподромской, в долине реки Каменки, организовывалась зеленая зона (система садово-парковых ансамблей) с целью формирования здесь «экологической инфраструктуры города» с рекреационными функциями [Туманик 2009, с. 103–105]. Через центр междумагистральной территории в поперечном к реке направлении пробивалась широкая пешеходная эспланада. С обеих сторон она замыкалась большими площадями. Главной была верхняя площадь, которая размещалась между улицами Кирова и Льва Толстого. Со стороны последней улицы ставилось высотное здание башенного типа, которое замыкало эспланаду. Нижняя площадь располагалась на набережной реки Оби. В результате улица Восход и замыкающее ее здание ГПНТБ СО РАН теряли свое доминирующее значение в объемно-пространственной композиции центра. Существующая капитальная застройка сохранялась. В новой застройке доминировали жилые микрорайоны с комплексным культурно-бытовым обслуживанием, а также административные и общественно-культурные здания. Последние располагались вдоль улицы Кирова (кварталы между улицами Кирова и Льва Толстого) и эспланады, идущей к реке. В целом, очень хорошо читался композиционный и функциональный замысел: главная композици-

онная ось с зеленой пешеходной эспланадой и широкими зелеными полосами вдоль ул. Ипподромской и Кирова, функциональное зонирование застройки (жилые и общественно-культурные кварталы и микрорайоны), структура застроенных и озелененных пространств. Примерно до второй половины 1990-х гг. отдельные здания возводились в соответствии с проектом 1978 г.

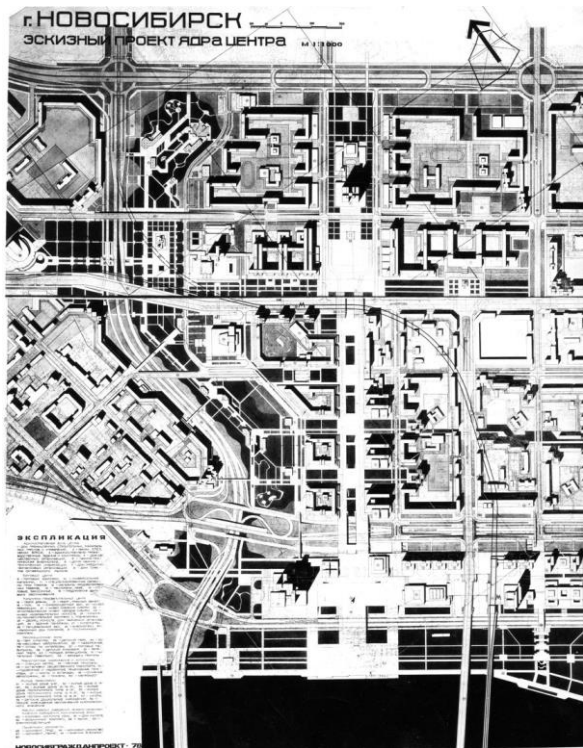

Рисунок 1. Эскизный проект ядра центра Октябрьского района города Новосибирска.

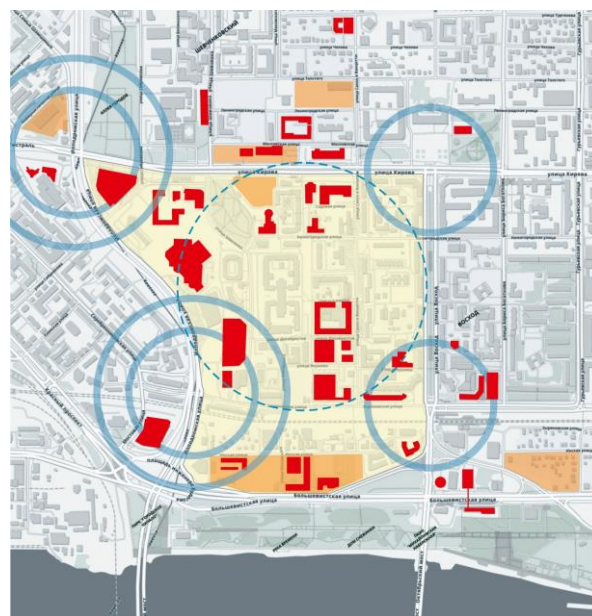
Новосибгразданпроект, 1978 г.

Figure 1. Preliminary design of the core of the October district center in Novosibirsk.

Novosibgrazhdanprojekt, 1978.

По сравнению с этим проектом современная градостроительная ситуация (рисунок 2) характеризуется следующими особенностями. Очевидно, что застройка в конце 1990-х — в середине 2020-х гг. велась в отрыве от этого генерального плана. Места высотной доминанты и эспланады, а также зеленая зона в долине реки Каменки были застроены многоэтажными зданиями и комплексами. В целом новая застройка не имеет общего композиционного замысла и больших зеленых пространств. Она оставляет впечатление хаотичности и бесплановости. Ряд соседних зданий и комплексов спорят друг с другом и окружающей исторической застройкой. Г.Н. Туманик, известнейший градостроитель Сибири, который был одним из авторов целого ряда проектов детальной планировки для центра Октябрьского

района, в 2014 г. оценивал осуществленную к этому времени застройку как «случайную и бессистемную» [Туманик 2014, с. 21]. Сравнивая реализованную застройку с проектами Новосибиргражданпроекта, он приходил к выводу, что при размещении новых зданий генплан полностью игнорировался, прежде всего, с точки зрения запроектированных общественных пространств и зеленых насаждений. Так, здание бизнес-центра по ул. Кирова (МФК «Время») «перегородило проектируемый (ПДП центра города Новосибирска) бульвар, соединяющий ул. Кирова с набережной реки Оби» [Туманик 2014, с. 41, 115].

- - Построенные и строящиеся МФК
- - Запроектированные МФК
- - Исследуемый квартал

Рисунок 2. Роль транспортных узлов в размещении МФК. Автор схемы: Эргашев З.М.

Figure 2. The role of transport hubs in the placement of multifunctional complexes. Author of the diagram: Ergashev Z.M.

Согласно материалам генерального плана Новосибирска 2007 г., центр Октябрьского района должен был подвергнуться следующей трансформации. В 2007 г. была одобрена карта функциональных зон города Новосибирска [Карта 2007]. До этого времени функциональное назначение центра Октябрьского района определялось как зона смешанной и общественно-деловой застройки, которая в целом, за исключением уже существовавших фрагментов застройки определенного функционального назначения, имела гомогенный характер. Такое положение классифицировалось составителями карты как «существующее». Вместо этого, с 2007 г. проекти-

ровалось значительное расширение за пределы центра зоны смешанной и общественно-деловой застройки. Таким образом, отказ от строгого функционального зонирования, когда в центре Октябрьского района выделялись кварталы с определенным функциональным назначением, был установлен новым генпланом города.

Картографирование МФК, построенных в конце 1990-х — середине 2020-х гг., позволило выявить ряд закономерностей в размещении новой застройки (рисунок 2). Обнаруживается, что среди новой застройки доминируют различные типы МФК: общественно-жилые и общественные — бизнес-центры и торгово-развлекательные комплексы. Широкое распространение в центре Октябрьского района МФК нельзя считать случайным. Именно этот тип здания в наибольшей мере отвечает новому функциональному зонированию этой части города. При строительстве МФК принципы микрорайонов не использовались. Все МФК размещались в виде точечной застройки — отдельными, обособленными комплексами. Какие факторы определяли выбор участков строительства для МФК?

Результаты картографирования показывают, что МФК размещаются неравномерно (рисунок 2). Возникает вопрос о том, какие факторы предопределили выбор участков для их строительства. Сравнение мест размещения МФК с зонами капитальной застройки, сложившейся к середине 1990-х гг. (рисунок 3), позволяет высказать предположение, что одним из ключевых факторов было наличие свободных участков вблизи основных магистралей. Построенные и строящиеся МФК, за небольшими исключениями, располагаются на территориях, где к моменту строительства отсутствовала капитальная застройка. Зоны концентрации МФК, словно недостающие элементы пазла, вкладываются в свободные от капитальной застройки территории. Это соответствует оценке Г.Н. Туманика, который писал о центре Октябрьского района в 2014 г.: «Застройка случайными объектами ведется без ясной градостроительной концепции, без разработанного и утвержденного комплексного градостроительного проекта, в котором были бы поставлены и решены задачи организации транспортного и пешеходного движения [...], задачи приоритетного функционального наполнения этого важного комплекса в структуре общегородского центра, [...] задачи архитектурно-пространственной композиции ядра городского центра на уникальных по своим природным характеристикам территориях» [Туманик 2014, с. 41].

Представляет интерес проанализировать размещение МФК с точки зрения метода «каркасного» градостроительного анализа, предложенного А.А. Правоторовой [Правоторова 2014, Правоторова и др. 2019]. Проведенные ей многочисленные обследования Новосибирска убедительно свидетельствуют о значительной концентрации общественных функций в местах пересечения транспортных магистралей — транспортных узлах. В связи с этим был введен термин общественно-транспортный узел (ОТУ).

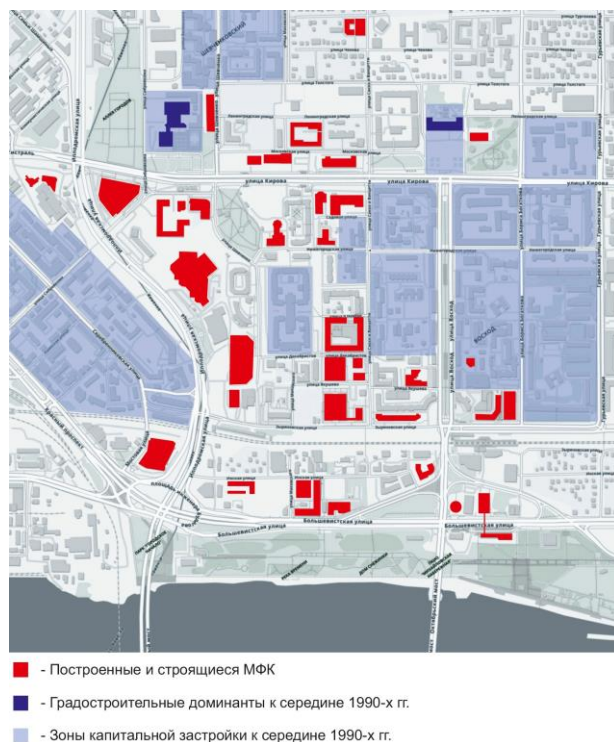

Рисунок 3. Влияние существующей капитальной застройки на размещение МФК.

Автор схемы: Эргашев З.М.

Figure 3. The impact of existing capital development on the placement of multifunctional complexes.

Author of the diagram: Ergashev Z.M.

Согласно «каркасному методу», многофункциональные учреждения должны были концентрироваться в транспортных узлах и формировать их в качестве общественно-транспортных узлов. Согласно проекту детальной планировки центра города, разработанному Новосибиргражданпроектом в 1973 г., высотные акценты в центре Октябрьского района также должны были располагаться в транспортных узлах [Туманик 2014, с. 147]. Однако, как свидетельствуют результаты проведенного нами картографирования (рисунок 2), из 32 построенных и строящихся в настоящее время МФК, только 12 размещены в зонах транспортных узлов. Из этих 12 только 8 стоят открыто, имеют интересное архитектурное решение

и играют активную роль в формировании архитектурного облика своих узлов. Таким образом, не менее 20 МФК располагаются не в узлах, а в промежутках между ними. Отсутствие какой-либо ясной композиционной идеи в размещении МФК также оставляет впечатление стихийности и бесплановости в их размещении.

Вместе с тем результаты картографирования показывают (рисунок 4), что транспортные узлы оказали определенное влияние на архитектуру ряда МФК. Из 5 МФК, которые были классифицированы нами как значимые градостроительные акценты, 4 размещены в транспортных узлах. Из 5 МФК, которые были классифицированы как второстепенные градостроительные акценты, 4 размещены в транспортных узлах. Итого, 8 объектов из 10. Напротив, из 16 МФК, которые имеют нейтральное градостроительное решение (коробчатые формы с монотонной решеткой членений на фасадах), только 5 размещены в транспортных узлах. Очевидно, что размещение такого интересного типа здания как МФК в транспортном узле, стимулировало проектировщиков придать этим зданиям не только интересное архитектурное решение, но и роль градостроительных акцентов. То есть, с одной стороны, при размещении основной массы МФК во многом игнорировалась роль общественно-транспортных узлов как мест рациональной концентрации общественных функций, с другой стороны, сами узлы в значительной мере влияли на архитектурный облик размещаемых в них МФК.

Наиболее показательны в этом отношении «Флотилия» и МФК по ул. Инская 56. Авторы первого сумели при помощи необычных, эффектных, форм жилых башен и подчинения их главной композиционной оси места — въезд в Октябрьский район с путепровода — создать запоминающийся градостроительный акцент. Здание по ул. Инской показывает, что для МФК размеры не играют определяющей роли при решении композиционно-градостроительных задач. Этот МФК имеет высоту всего 5 этажей, однако играет важную градостроительную роль в формировании парадного въезда на ул. Восход. К моменту строительства этого здания, по ул. Зыряновской 55 и 57 уже были возведены 2 многоэтажных жилых здания высотой 13 этажей. Они сыграли роль своеобразных пропилок для въезда на ул. Восход, фланкируя ее с обеих сторон. Авторы МФК по ул. Инской 56 грамотно включили свой объект в этот ансамбль: вогнутую полукруглую форму парадного въезда они дополнили выпуклой полукруглой формой МФК. Различие в высоте только усилило композиционную роль этого ансамбля. Благодаря белому цвету МФК эффектно смотрится на сером фоне этих жилых домов.

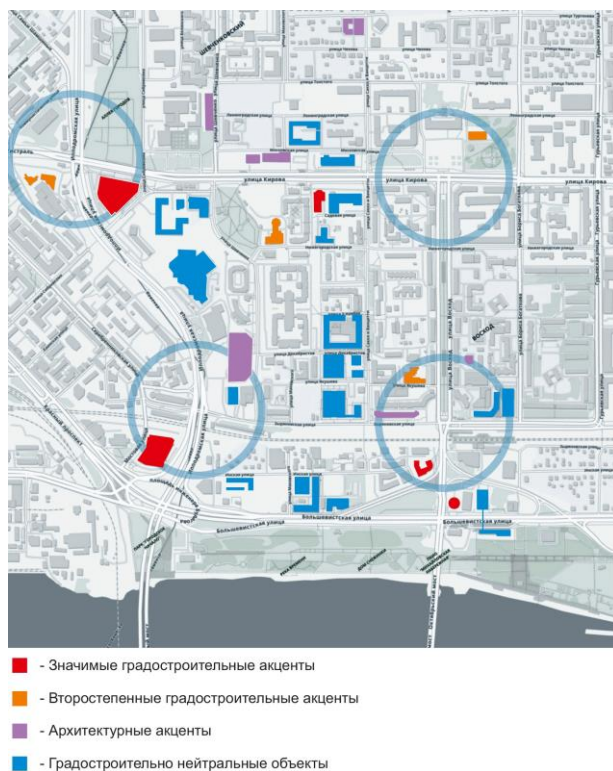

Рисунок 4. Композиционно-градостроительная роль МФК. Автор схемы: Эргашев З.М.

Figure 4. The compositional and urban planning role of the multifunctional complexes.

Author of the diagram: Ergashev Z.M.

В целом анализ композиционной роли МФК позволил выявить следующие закономерности и тенденции. С точки зрения этажности в течение 2000-х — середины 2020-х гг. происходило резкое повышение высоты МФК: с 4–5 этажей до 25–29 этажей. Известно, что были разработаны проекты строительства в центре Октябрьского района еще более высоких МФК башенного типа — свыше 30 этажей. До настоящего времени они оставались нереализованными. Сравнение построенного МФК «Ричмонд Резиденс» с проектом МФК, разработанным для этого участка в 2006–2007 гг. [Туманик 2014, с. 41, 114–115] показывает следующее. Некоторое снижение высоты башен (с 30 до 25 этажей) и особенно их размеров, дало более масштабное застройке градостроительное решение. Изменении форм башен с агрессивных треугольных на более нейтральные, прямоугольные, позволило подчеркнуть главенство расположенного рядом бизнес-центра «Время». В процессе проектирования МФК «Статус» его размеры и высота также были значительно уменьшены [Поповский 2016]. Свою роль в этом сыграла окружающая застройка. Первоначально были запроектированы две гигантские башни, однако затем, в несколько этапов, высота обеих постепенно

снижалась. В реализованном варианте проектировщики отказались от башенного варианта — применили более отвечающую градостроительной ситуации пластину. Построенное здание более связано по размерам и морфологии с окружающей застройкой. Таким образом, авторам пришлось перерабатывать первоначальный проект с целью адаптации размеров и формы комплекса к существующим градостроительным условиям: масштабу и характеру существующей застройки. Единственное, чем здания «Статуса» резко выбивалось из архитектурно-градостроительного контекста — насыщенный синий цвет. Авторы, несомненно, стремились выделить новый объект, однако в результате противопоставили его существующей застройке.

С точки зрения применения цвета в архитектуре МФК выявлено два основных подхода.

1) Первый подход наиболее ярко представлен в МФК «Флотилия», «Эльбрус» и «Время». Авторы учитывали большие размеры комплексов и стремились сделать их зрительно легче. Так, «Эльбрус», несмотря на высоту (25 этажей), благодаря белому цвету издали воспринимается как своеобразный мираж. Такими же легкими кажутся башни МФК «Флотилия» и бизнес-центра «Время». Такое цветовое решение не только положительно отразилось на архитектуре самих МФК, но и позволило решить локальные градостроительные задачи — на визуальном уровне: тактично вписать новые многоэтажные здания в интересный ландшафт и существующую малоэтажную историческую застройку.

2) Второй подход наиболее выражен в МФК «Ричмонд Резиденс», «Чикаго» и «Инские холмы». Здесь авторы, напротив, стремились подчеркнуть большую массу сооружения. Вместо кремовых, белых или серебристых панелей большие площади фасадных поверхностей были облицованы темным материалом: темно-коричневым и черным кирпичом, черным стеклом и т.п. Наиболее жизнерадостным оказалось сочетание светло-песочной облицовки и темно-синего стекла в отдельных блоках «Инских холмов». В результате строительства таких МФК был нарушен сложившийся цветовой строй целого ряда кварталов центра Октябрьского района.

Так, авторы «Ричмонда» не попытались увязать даже малоэтажную часть комплекса с расположенным рядом жилым кварталом начала 1950-х гг., который решен в неоклассической стилистике и имеет приятный желтый цвет. Авторы «Чикаго» не стремились увязать цветовое решение своего комплекса с уже построенным «Ричмондом». Несмотря на то, что оба

имеют сходную морфологию (стилобат с двумя прямоугольными башнями), в отличие от цельного «Ричмонда», «Чикаго» получил дробное цветовое решение. Возможности различить башни обоих комплексов при помощи цвета не были использованы. В центре «Римского квартала» расположена гостиница «Отель Садовая 19» — современное здание в 5 этажей (2016 г.), стилизованное под кирпичный модерн начала XX в. Однако проектировщики «Римского квартала» проигнорировали возможность увязать с ней цвет и пластику фасадов стилобата последней очереди комплекса (2018–2026 гг.), где размещены досуговые функции. МФК «Статус» и «Премьер плаза» начали совершенно новую, темно-синюю, цветовую «тему» в начале ул. Кирова, не поддержав светло-белый и серебристый цветовой строй зданий второй половины 1990-х — начала 2000-х гг. Несмотря на то, что бизнес-центр «Стройинвест К» и расположенный рядом жилой комплекс возводились одним застройщиком, пластика, членения и цвет последнего не были увязаны с эффектным по архитектуре бизнес-центром.

Как негативную тенденцию следует рассматривать широкое использование черного, траурного, цвета в архитектуре МФК, в том числе на уровне первых этажей. Этот цвет инороден для общественных зданий. В «Парке Резиденс» черный цвет играет определенную роль в композиции фасадов. В «Инских холмах» он использован для большого числа объемов, в том числе жилых блоков. В «Римском квартале», вопреки жилой типологии этого комплекса, черный цвет стал основной темой архитектурного решения. В качестве обратного примера следует рассматривать бизнес-центр «Стройинвест К». Несмотря на то, что и здесь имел место черный цвет (цоколь), в целом здание решено большими поверхностями жизнерадостных цветов: оранжевого кирпича и штукатурки охристого оттенка. Благодаря этому комплекс внес жизнеутверждающую ноту в панораму правобережной части города и играет роль яркого, запоминающегося архитектурного акцента.

Все выявленные МФК были систематизированы и классифицированы нами с точки зрения объемной композиции и градостроительные роли (рисунок 4). Было выявлено четыре основных типа МФК. Во-первых, значимые градостроительные акценты: МФК, имеющие так называемые самоценные архитектурные формы. В случае рассматриваемой нами территории архитекторы применяли две из них — цилиндр и эллипс. Во-вторых, второстепенные градостроительные акценты: МФК, имеющие элементы и объемно-планировочные решения (ризалиты,

эркеры), акцентирующие градостроительную роль участка, на котором расположен комплекс. В-третьих, архитектурные акценты: МФК, которые имеют интересные архитектурные решения, однако при этом не играют значимой композиционной роли в застройке. В-четвертых, объекты, нейтральные в композиционно-градостроительном отношении: МФК, как правило, с прямоугольными формами, которые не имеют запоминающегося архитектурного облика и воспринимаются как фоновая застройка.

Сравнение роли всех четырех типов МФК показывает, что, как ни парадоксально, решающее значение имеют не размеры комплекса, а его формы. Например, МФК «Ричмонд», «Чикаго» и «Корона» являются самыми высокими и крупными по ул. Кирова: имеют высоту от 22 до 29 этажей. Их массивные формы видны с многих точек. Однако, с точки зрения композиционной роли в застройке они явно проигрывают расположенному рядом МФК «Время» (18 этажей). Полукруглый ризалит последнего активно выступает из линии застройки и несмотря на то, что его композиционная ось не поддержана на противоположной стороне ул. Кирова, а окружающие здания не формируют вокруг него ансамбль, именно МФК «Время» воспринимается с уровня пешехода как композиционная доминанта на этом участке магистрали. Еще более ярко этот принцип главенства формы над размерами проявляется при сравнении композиционной роли МФК, формирующих застройку набережной. Рассмотренный выше МФК по ул. Инской 56, воспринимается как значимый градостроительный акцент именно благодаря формам, а не размерам. Напротив, МФК «Инские холмы», несмотря на значительные размеры, из-за однообразных коробчатых форм выглядит как объект промышленного характера. Также следует отметить торговоразвлекательный комплекс «Мегас». Его авторы отказались от традиционных для этого типа МФК коробчатых форм, и особое внимание уделили наиболее ответственной части здания, выходящей на ул. Большевикскую и реку Обь. Этот фасад представляет собой богатую объемно-пластическую композицию на основе полукруглых форм (башня, «крыло») и отличается активной динамикой, которая подчеркнута горизонтальными тягами и наклонной подрезкой фасада. Благодаря этому и крупным членениям комплекс является значимым градостроительным акцентом.

Обеспечивается ли композиционно-градостроительная роль комплекса одними формами и принципами объемной композиции? Можно сопоставить осевые приемы парадного въезда на ул. Восход и МФК «Эльбрус». На первый взгляд у обоих общие приемы: ось

симметрии со сквозным порталом, двумя симметричными крыльями и повышенными центральными частями. Однако по ул. Восход ось симметрии нанизана на важную магистраль и замкнута на ее конце крупным общественно-культурным зданием — ГПНТБ СО РАН. Напротив, ось МФК «Эльбрус» не была поддержана проектировщиками соседних зданий и общим градостроительным решением района. Поэтому этот комплекс представляет собой ансамбль меньшего значения и воспринимается как интересный, но все же рядовой участок застройки по ул. Ипподромской. Не играют значимой роли МФК по ул. Кирова (44/1, 44/2) и «Статус». Первый, несмотря на наличие высокой офисно-жилой башни, из-за граненой формы последней и ее шатрового завершения, явно проигрывает с точки зрения форм бизнес-центру «Время». «Статус», несмотря на размеры и активную динамику композиции, имеет словно бы срезанную головную часть. Отсутствие формы, которая бы завершала его активное движение вперед, к магистрали, а также «разваливающийся» силуэт, берущий начало в первоначальном проекте, заметно снизили его композиционно-градостроительное значение. Большую роль играют меньшие по размеру МФК «Ново-Николаевск» и «Ланта-центр». Первый своим эркером, словно пальцем, указывает на площадь перед ГПНТБ. Второй, благодаря ризалиту и полукруглой башне, акцентирует другой транспортный узел. Эти МФК показывают роль не только форм комплекса, но и их грамотной связи с местом расположения. В качестве положительных примеров учета градостроительной ситуации при организации объемно-пластической композиции МФК можно рассматривать бизнес-центр «Стройинвест К» и «Парк Резиденс». Оба, как и «Статус», имеют характер вытянутых пластин, поставленных торцом к улице. Однако, если у «Статуса» движение вперед скомкано и не завершено, то у «Стройинвеста К» и «Парка Резиденс» динамичные композиции раскрыты в полной мере. Наиболее эффектен меньший по высоте «Стройинвест К»: ритмичные ряды боковых эркеров и большой центральный ризалит. Авторы «Парка Резиденс» учли большое открытое пространство вокруг комплекса. В процессе проектирования стилизация под ар-деко была заменена на авангардную по характеру и более крупную по членениям, объемную композицию, которая хорошо читается с больших расстояний. При этом была учтена возможность застройки в будущем этих открытых пространств и сокращения числа видовых точек: главная высокая пластина просматривается в острых ракурсах с ул. Сакко и Ванцетти и играет на ней роль градостроительного акцента.

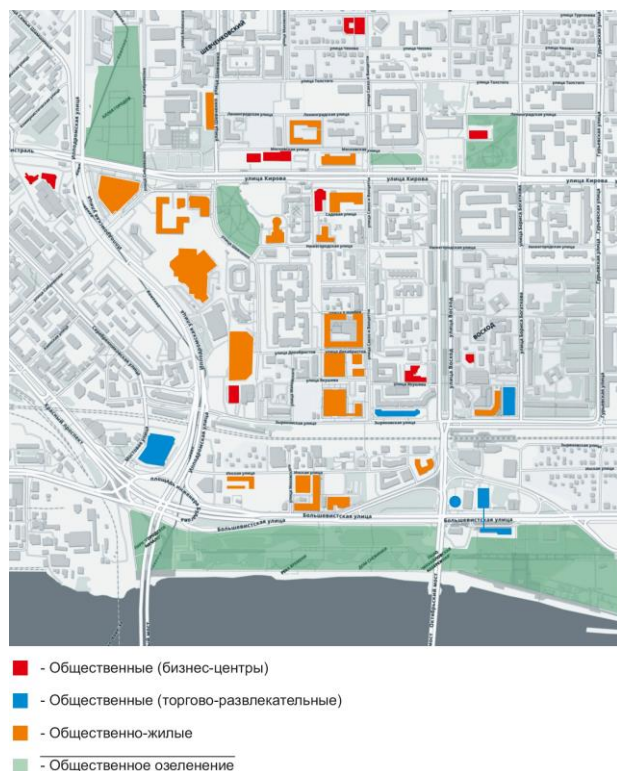

Рисунок 5. Функциональные типы МФК.

Автор схемы: Эргашев З.М.

Figure 5. Functional types of multifunctional complexes. Author of the diagram: Ergashev Z.M.

Классификация МФК по функциональным типам и их картографирование (рисунок 5) позволило выявить следующие закономерности. Среди МФК отсутствуют комплексы производственного и общественно-производственного типов. Такое положение соответствует карте функционального зонирования 2007 г. Доминируют МФК общественно-жилого типа: 18 из 32. Кроме того, выявлены МФК, которые принадлежат к еще двум типам: бизнес-центры — 9 объектов, и торгово-развлекательные комплексы — 5. В целом можно говорить о том, что по сравнению с проектом Новосибиргражданпроекта 1978 г. функциональное зонирование центра Октябрьского района полностью изменилось и стало более равномерным, без выделения кварталов с какой-то одной определенной функцией. При этом, площадь общественных зеленых насаждений, пространств и пешеходных путей заметно сократились. Вместо системы парков и бульваров осталось несколько изолированных зеленых зон — пять парков и скверов. При этом эти зеленые зоны размещены неравномерно. Зеленая полоса вдоль набережной, четыре парка и сквера вдоль Октябрьской магистрали и ул. Кирова. В результате основная масса МФК общественно-жилого типа, размещенная между этими двумя узкими

полосами, совершенно не имеет доступа к общественной зелени. Положение усугубляется труднодоступностью для населения набережной и сквера в долине р. Каменки.

Лишь немногие застройщики серьезно отнеслись к задаче создания при своих МФК общественных пешеходных пространств. В «Ричмонде» перед главным фасадом разбит общественный сквер. В «Чикаго» со стороны главного фасада малоэтажной части, где расположены учреждения питания, организована широкая аркада. Она хорошо сочетается с кафе и ресторанами, является удобным променадом, защищает пешеходов от непогоды. Крупный масштаб членений, стилизация элементов и профилей под ар-деко соответствуют общественному назначению пространства. В проекте МФК «Инские холмы» в центре комплекса запроектирована пешеходная улица, связанная с пешеходным мостом, обеспечивающим доступ к набережной. В последних двух случаях пешеходные пространства лишены значительной зелени и представляют собой замощенные пространства.

С точки зрения функциональной типологии размещение МФК свидетельствует о следующих закономерностях. Все торгово-развлекательные комплексы рассредоточены в узкой полосе между улицами Зырянской и Большевицкой и не могут обслуживать население собственно центра района. Бизнес-центры рассредоточены по всей территории, с явным смещением их основной массы к северо-востоку — к жилой застройке. Общественно-жилые МФК расположены плотными рядами с юго-запада на северо-восток и от ул. Ипподромской до центра квартала. В настоящее время МФК этого типа образовали 3 основных скопления. Во-первых, полоса вдоль ул. Ипподромской. Во-вторых, группа МФК по ул. Кирова между павильонами станции метро Октябрьская. В третьих, полоса МФК, поперечная к реке: комплексы, возведенные компанией «Брусника», и «Инские холмы». Таким образом, даже при современном стихийном строительстве МФК наметились тенденции к формированию определенного функционального зонирования территории.

В работе А.Е. Гашенко и Д.Ю. Кисельниковой на материалах натурного обследования были составлены схемы определения границ торгово-досугового центра города, из которых следовало, что на территории центра Октябрьского района торгово-досуговый центр с развитыми общественно-культурными функциями к 2016 г. (время составления схем) так

и не сформировался [Кисельникова и др. 2018, с. 356]. Составленная нами карта функциональных типов МФК (рисунок 5) свидетельствует, что построенные комплексы с функциональной точки зрения продолжили эту тенденцию. Среди них нет ни одного МФК, которые располагались бы на ул. Кирова, Восход или в глубине квартала и имели в своем составе театр, кинотеатр, музей, культурно-досуговый или торгово-развлекательный центр. Таким образом, очевидно важное противоречие. Несмотря на массовое строительство МФК в центре Октябрьского района, эти комплексы не привели к появлению здесь центральных общегородских функций торгового и общественно-культурного характера. Это можно объяснить однообразием функциональных типов построенных и строящихся МФК, их бедной типологией. Доминируют автономные, замкнутые внутри себя, МФК общественно-жилого типа и бизнес-центры. Включение в состав ряда последних объектов здравоохранения общегородского значения («Парк резиденс», «Ново-Николаевск», «Инские холмы»), перепрофилирование бизнес-центра «Премьер плаза» в фитнес-клуб со спортивными залами и ряд других подобных мероприятий, лишь в малой степени меняет общую картину.

Выводы

МФК сыграли ведущую роль в формировании современного облика центра Октябрьского района города Новосибирска. Выявлены следующие закономерности:

1. Широкое распространение МФК в центре Октябрьского района связано с новыми градостроительными тенденциями и новым генеральным планом города. Изменение принципов функционального зонирования и переход к смешанному зонированию способствовал массовому строительству МФК. При выборе участков для строительства решающую роль играло отсутствие капитальной застройки. Это привело к неравномерному распределению МФК в центре района. Несмотря на то, что при размещении игнорировался «каркасный метод», транспортные узлы предопределили объемно-архитектурное решение нескольких наиболее значимых МФК.
2. МФК сыграли значимую роль в изменении архитектурно-градостроительного облика центра Октябрьского района. Полностью изменились этажность и масштаб застройки. В целом в течение 1990-х — первой половины 2020-х гг. происходило заметное, скачкообразное, повышение этажности новой застройки, в том числе и МФК. Размещение новых МФК главным образом на границах центра привело к формированию здесь фронта высотной застройки. При этом композиционно-градостроительная роль МФК прежде всего определяется не размерами, а формами сооружений и их связью с существующей застройкой. Там, где новые МФК были встроены в существующий архитектурно-градостроительный контекст, проектировщиком удалось формировать градостроительные ансамбли. Однако в целом, большое число застройщиков и хаотический характер нового строительства привели к тому, что значительное число МФК либо невыразительны в композиционно-градостроительном отношении, либо спорят с существующей застройкой — историческими зданиями и соседними МФК.
3. Типология выявленных МФК соответствует функциональному зонированию этой зоны, установленному новым генеральным планом 2007 г. В центре Октябрьского района получили распространение МФК общественного и общественно-жилого типов. Распределение разных типов МФК на территории центра свидетельствует о наличии зон, где преобладают определенные функциональные типы МФК. Наиболее заметно это в случае торгово-развлекательных комплексов, общественно-жилых МФК и отчасти — бизнес-центров. При этом появление большого числа МФК не привело к развитию в центре Октябрьского района большого разнообразия центральных функций общегородского значения, прежде всего, общественно-культурных. Отсутствие стратегической задачи формирования функционально наполненного общественного центра города в этом месте объясняет слабое типологическое разнообразие МФК и небольшое число ярких архитектурных решений, которые символизировали бы архитектурное лицо Новосибирска.
4. В целом центр Октябрьского района является ярким примером роли МФК в формировании современного архитектурного облика центра сибирского мегаполиса со всеми его функциональными и архитектурно-градостроительными противоречиями.

Список литературы

1. Кисельникова Д.Ю., Гашенко А.Е. Дифференциация нормативных параметров застройки городского центра // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2018. № 2 (43). С. 349–363.
2. Правоторова А.А. Эволюция каркасных узлов крупного сибирского города // *Вестник гражданских инженеров*. 2014. № 3 (44). С. 41–45.
3. Правоторова А.А., Гержан Е.В. Пешеходный мост как элемент городского каркаса Новосибирска // *Творчество и современность*. 2019. №3-4 (11). С. 5–14.
4. Туманик Г.Н. Новосибирск: неиспользованные возможности градостроительного формирования (полемиические заметки). 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: НГАХА, 2014. 174 с.

Список источников

1. Карта функциональных зон города Новосибирска: Приложение 3 к решению Совета депутатов города Новосибирска от 26.12.2007 г. № 824 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/5433054> (дата обращения: 08.04.2026).
2. Поповский Д.И. Новосибирск. Как строился жилой комплекс «Статус» (3 марта 2016 г.). [Электронный ресурс]. URL: <https://d-popovskiy.livejournal.com/98520.html> (дата обращения: 08.04.2026).

livejournal.com/98520.html (дата обращения: 08.04.2026).

3. СП 160.1325800.2014 «Здания и комплексы многофункциональные. Правила проектирования» (с Изменениями № 1, 2, 3 ред. от 28.12.2023).
4. СП 464.1325800.2019 «Здания торгово-развлекательных комплексов. Правила проектирования» (с Изменением № 1 ред. от 15.12.2023).

References

1. Kiselnikova D., Gashenko A. Differentiation of the City Center Building Regulations. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2018, no. 2(43), pp. 349–363. Available at: http://marhi.ru/eng/AMIT/2018/2kvart18/23_kiselnikova_gashenko/index.php.
2. Pravotorova A.A. Evolution of junction lay-outs in a big Siberian city. *Bulletin of Civil Engineers*, 2014, No. 3 (44), pp. 41–45.
3. Pravotorova A.A., Gerzhan E.V. Pedestrian bridge as an element of the urban frame of Novosibirsk. *Creativity and modernity*, 2019, No. 3-4 (11), pp. 5–14.
4. Tumanik G.N. Novosibirsk: unused opportunities for urban planning (polemical notes). 2nd ed. Novosibirsk: NGAKHA, 2014. 174 p.

Материал передан в редакцию 26.05.2026.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2007>

Планировочно-пространственные модели формирования парковых территорий в условиях северных городов

Злата Смирнова

Магистрант

Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет

zlata.an01@gmail.com, [ORCID](#)

Аннотация

Актуальность статьи определяется тем, что парковые территории в северных городах функционируют в условиях длительной зимы, сильного ветра, снеговых накоплений и выраженной сезонной смены сценариев использования, однако на практике нередко формируются по универсальным схемам, недостаточно учитывающим климатическую специфику. Это приводит к тому, что даже благоустроенные пространства оказываются удобными преимущественно в теплый период и слабо работают как часть повседневной городской жизни зимой. Цель статьи состоит в выявлении планировочно-пространственных моделей формирования парковых территорий, наиболее уместных для северных городов. Для достижения этой цели рассмотрены климатические и пространственные факторы, влияющие на организацию парка, а также проанализированы модели, обеспечивающие связанность территории, защищенность маршрутов и гибкость сезонного использования. Материалами исследования послужили отечественные и зарубежные научные публикации, посвященные открытым общественным пространствам северных городов, микроклимату, климатически чувствительному проектированию и сезонной адаптации городской среды, а также исторические и современные проектные примеры. В работе использованы анализ научных текстов, сравнительное сопоставление подходов, морфологический анализ пространственной структуры и сценарный подход. Результаты исследования показали, что для северного парка решающее значение имеют не отдельные элементы благоустройства, а общая пространственная модель территории. Наиболее устойчивыми оказываются решения, основанные на компактности структуры, коротких связях между узлами активности, наличии защищенных маршрутов, чередовании открытых и полужамкнутых участков, а также на сезонном зонировании. Установлено, что маршрут в северном парке должен рассматриваться не только как линия движения, но и как самостоятельный элемент пространственного комфорта, влияющий на доступность и повседневную востребованность территории. Выводы статьи состоят в том, что парк в северном городе следует понимать как климатически чувствительный каркас городской жизни, а его эффективность определяется сочетанием пространственной связанности, защиты от климатических воздействий и способности территории работать по разным сценариям в течение года.

Ключевые слова: северный город, парковые территории, планировочно-пространственная модель, климатически чувствительное проектирование, микроклимат, защищенные маршруты, сезонное зонирование, зимние сценарии, общественное пространство, морфология парка

Для цитирования: Смирнова З.А. Планировочно-пространственные модели формирования парковых территорий в условиях северных городов // Творчество и современность. 2026. № 2. С. 61–70.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2007>

Planning and Spatial Models for the Formation of Park Territories in Northern Cities

Zlata Smirnova

Master Student

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)

zlata.an01@gmail.com, [ORCID](#)

Abstract

The relevance of the article is determined by the fact that park territories in northern cities function under conditions of long winters, strong winds, snow accumulation, and a pronounced seasonal shift in use scenarios; however, in practice they are often formed according to universal schemes that do not sufficiently take climatic specificity into account. As a result, even well-designed public spaces tend to be comfortable mainly during the warm season and function poorly as part of everyday urban life in winter. The aim of the article is to identify planning and spatial models for the formation of park territories that are most appropriate for northern cities. To achieve this aim, the study examines climatic and spatial factors influencing park organization and analyzes models that ensure territorial connectivity, protected routes, and flexibility of seasonal use. The research materials include Russian and international academic publications devoted to open public spaces in northern cities, microclimate, climate-responsive design, and the seasonal adaptation of urban environments, as well as historical and contemporary design examples. The study employs analysis of academic texts, comparative assessment of approaches, morphological analysis of spatial structure, and a scenario-based approach. The results of the study showed that for a northern park, the decisive factor is not individual landscaping elements, but the overall spatial model of the territory. The most resilient solutions are those based on structural compactness, short connections between activity nodes, the presence of protected routes, the alternation of open and semi-enclosed areas, and seasonal zoning. It was established that a route in a northern park should be considered not only as a line of movement, but also as an independent element of spatial comfort that affects accessibility and the everyday demand for the territory. The conclusions of the article are that a park in a northern city should be understood as a climate-sensitive framework of urban life, and its effectiveness is determined by the combination of spatial connectivity, protection from climatic impacts, and the ability of the territory to function according to different scenarios throughout the year.

Keywords: northern city, park territories, planning and spatial model, climate-responsive design, microclimate, protected routes, seasonal zoning, winter scenarios, public space, park morphology

For citation: Smirnova Z. (2025) Planning and Spatial Models for the Formation of Park Territories in Northern Cities. *Creativity and modernity*. 32 (2). 61–70.

Введение

Проектирование парковых территорий в северных городах требует иного подхода, чем работа с общественными пространствами в умеренном климате. Здесь парк оказывается включен в более сложную систему природных и городских связей, где на его структуру влияют не только функциональные задачи, но и ветер, снег, продолжительность зимнего периода, особенности освещенности и режим повседневного передвижения. В таких условиях парк нельзя рассматривать только как рекреационную зону или элемент благоустройства. Он становится частью городской среды, от которой зависит повседневный комфорт, возможность длительного пребывания на открытом воздухе и сама логика использования пространства в разное время года.

Актуальность темы определяется тем, что в современных северных городах по-прежнему заметен разрыв между климатической спецификой территории и типовыми подходами к формированию открытых общественных пространств. На практике это выражается в появлении продуваемых и слабо защищенных участков, неработающих зимой маршрутов, случайного размещения функциональных зон и недостаточной связанности между точками активности. В результате даже благоустроенные территории нередко остаются сезонными, а их структура не отвечает реальным условиям северной повседневности. При этом сама северная среда требует не частных декоративных решений, а продуманной пространственной модели, способной учитывать суровый климат, сезонную смену сценариев и изменчивость режима использования территории.

Особый интерес в этом контексте представляет переход от общего разговора о комфортной городской среде к морфологии паркового пространства. Для северного города важно не только наличие парка, но и то, как именно он организован: является ли его структура компактной или рассредоточенной, как выстроены основные маршруты, где расположены узлы активности, каким образом формируются защищенные и полужащищенные участки, как учитываются снеговые накопления, ветровая нагрузка и различие зимних и летних сценариев. Именно на этом уровне становятся заметны реальные преимущества и ограничения той или иной планировочной модели.

Цель статьи состоит в выявлении планировочно-пространственных моделей формирования парковых территорий, наиболее уместных для северных городов.

Для достижения поставленной цели решаются две задачи. Первая задача связана с рассмотрением климатических и пространственных факторов, определяющих формирование парковой территории в условиях северного города. Вторая задача направлена на выявление таких моделей организации пространства, которые обеспечивают связанность, защищенность маршрутов, гибкость сезонного использования и более устойчивое распределение функций внутри парка.

Объектом исследования выступают парковые территории северных городов. Предмет исследования составляют планировочно-пространственные модели их формирования с учетом влияния ветра, снега, логики маршрутов, сезонного зонирования и характера функционального наполнения.

Методическую основу статьи составляют анализ научных публикаций, сопоставление отечественных и зарубежных подходов, а также рассмотрение проектных и концептуальных решений, связанных с организацией северной городской среды. Такой подход позволяет проследить, каким образом климатические ограничения преобразуются в конкретные пространственные приемы и как на их основе формируется более устойчивая структура общественного пространства [Ермишина и др. 2024, с. 135–136; Korobeinikova и др. 2024, р. 12–14].

Теоретическая значимость статьи заключается в уточнении принципов формирования парка как климатически чувствительной и сезонно изменяемой системы. Практическая значимость связана с возможностью использовать полученные выводы при разработке проектов парковых и общественных пространств для северных городов и территорий с суровым климатом.

Методы и материалы. Рассмотрение парковой территории в северном городе требует смещения фокуса с декоративного благоустройства на пространственную организацию среды. В данном случае парк понимается не как набор отдельных площадок, а как система маршрутов, узлов, открытых и защищенных участков, работающих в контакте с климатом. Такой подход связан с тем, что для северных городов решающее значение имеют не только состав функций, но и сама форма пространства, его ориентация, степень раскрытости, характер связи между зонами и возможность использования территории в разные сезоны [Ермишина и др. 2024, с. 135–136].

Материалом для анализа стали отечественные и зарубежные исследования, в которых северное общественное пространство рассматривается через микроклимат, морфологию и сценарии использования. В первую группу вошли работы, посвященные типам

открытых пространств, их геометрии и связи с формообразующими факторами северной архитектуры [Ермишина и др. 2024, с. 133–141]. Во вторую — исследования климатической адаптации урбанизированных территорий, где важны снеговой режим, осадки, изменение температур и общая нестабильность природных условий [Коробейникова и др. 2024, с. 43–49]. Отдельный блок составили публикации о ветровом режиме и аэрации, позволяющие точнее рассматривать влияние рельефа, ориентации и конфигурации среды на распределение дискомфортных зон [Коробейникова 2021, с. 47–51]. Также были использованы работы, где северное общественное пространство раскрывается через критерии климатического комфорта, доступности, солнечной ориентации, снегорегулирования и круглогодичной пригодности [Costamagna и др. 2019, p. 137–145; Korobeinikova и др. 2024, p. 12–17; Mikaeili 2025, p. 18–19].

Особое место в корпусе использованных материалов занимает исследование В. Кукулина, О. Сизова и Р. Федорова, посвященное зеленым пространствам Надыма как индикатору устойчивости арктического города. Для темы настоящей статьи эта работа важна тем, что позволяет рассматривать парк не только как рекреационную территорию, но и как структурный элемент городской среды, связанный с доступностью, распределением функций и микроклиматической регуляцией. Авторы показывают, что в арктическом городе значение имеют не только площадь зеленых территорий, но и их положение в городской ткани, пешеходная достижимость, состав насаждений и роль в защите от ветра, пыли и шума [Kuklina и др. 2021, p. 1–2, 5–8]. Для настоящего исследования этот материал важен как пример того, что парк в северном городе должен оцениваться не изолированно, а как часть общей пространственной структуры.

Методически статья опирается на сравнительный и морфологический анализ. Сравнительный анализ нужен для сопоставления разных подходов к северной среде: от отечественных представлений о компактных и линейных схемах до зарубежных моделей. Морфологический анализ позволяет рассматривать парк через его пространственный каркас: компактность или рассредоточенность структуры, линейность маршрутов, наличие узлов активности, степень замкнутости и полуоткрытости пространства. Такой ракурс особенно важен для северного города, где одна и та же территория в зависимости от сезона может работать по-разному. Дополнительно использован сценарный подход, поскольку северный парк нельзя оценивать в одном фиксированном состоянии. Зимой и летом меняются не только виды активности, но и сама логика передвижения, длительность пребывания, запрос на освещенность, укрытие, плотность функций и

характер использования открытых участков. Именно поэтому в анализ включаются зимние и летние сценарии, активные и тихие зоны, а также защищенные траектории и цепочки укрытий как особая форма организации движения в суровом климате [Ильвицкая, Комиссаров 2023, с. 68–72; Пономарев, Арсентьева 2023, с. 9–10].

Отдельное значение имеет историко-проектный материал. Он показывает, что представление о северном городе как об особой пространственной системе возникло не сегодня. В советских модернистских проектах 1960-х годов уже разрабатывались идеи крытых пассажей, теплых переходов, компактных комплексов и искусственного микроклимата, то есть таких решений, где маршрут становился не просто линией движения, а самостоятельным общественным пространством [Какими могли быть арктические города 2020]. В более современных примерах этот подход получает другое развитие: открытая территория активизируется за счет света, временных конструкций, событийных сценариев и малых пространственных вмешательств [Winter Placemaking 2025].

Показательным историческим примером подобного подхода является проект северного жилого комплекса С. Одновалова и М. Цимбал, где крытые галереи-пассажи связывали жилые и общественные функции в единую пешеходную систему. В данном случае маршрут проектировался уже не как обычная улица, а как защищенное пространство повседневного движения и обслуживания (Рисунок 1, Figure 1) [Какими могли быть арктические города 2020].

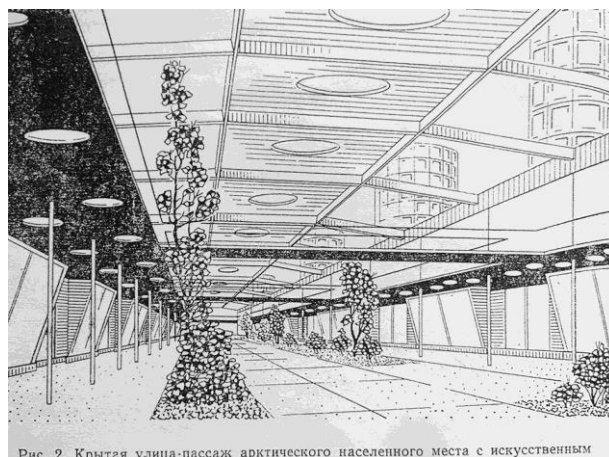

Рис. 2. Крытая улица-пассаж арктического населенного места с искусственным

Рисунок 1. Крытая галерея-пассаж в проекте северного жилого комплекса как пример климатически защищенной линейной связи [Какими могли быть арктические города 2020]

Figure 1. Covered passage gallery in a northern residential complex project as an example of a climate-protected linear connection [Какими могли быть арктические города 2020]

Для темы настоящей статьи этот пример важен тем, что в нем уже просматривается принцип климатически адаптированной линейной связи. Пространство движения получает самостоятельное значение и начинает работать как элемент защиты от ветра, снега и низких температур. В дальнейшем эта логика может быть переосмыслена применительно к современным парковым территориям северных городов — уже не в форме полностью закрытого пассажа, а в виде цепочки укрытий, полузамкнутых переходов и климатически защищенных участков маршрута.

Как итог, в качестве методической основы статьи используются анализ научных публикаций, сопоставление отечественных и зарубежных примеров, морфологическое рассмотрение пространственной структуры и сценарный подход к сезонному использованию среды. Такой набор методов позволяет перейти от общего разговора о комфортной городской среде к более точному вопросу: какие именно планировочно-пространственные модели делают парк в северном городе связанным, защищенным и реально пригодным для круглогодичного использования.

Полученные результаты и их обсуждение

Анализируя само пространство парка и его модели, которые действительно могут работать в северном городе, сразу становится заметно, что универсального решения нет. Один и тот же прием в мягком климате может давать положительный результат, а в условиях ветра, снега и длинной зимы, наоборот, усиливать дискомфорт. Поэтому обсуждать парк в северном городе нужно не через отдельные элементы благоустройства, а через общую логику его построения: форму территории, характер связей, расположение активных узлов и степень климатической защищенности.

Прежде всего, для северной среды более убедительно работают компактные и структурно собранные модели. Их преимущество не только в экономии территории, но и в том, что они сокращают длину открытых участков между точками притяжения. А. А. Ермишина,

Н. В. Каргин, В. А. Короткова и С. Г. Короткова, рассматривая открытые пространства северных городов, выделяют замкнутый, компактный и линейный типы геометрического построения формы [Ермишина и др. 2024, с. 135–136]. Для парковой территории это особенно важно, потому что чрезмерно расчлененная схема делает маршрут уязвимым к ветру и увеличивает время пребывания человека

на открытом воздухе без промежуточной защиты. В северном городе такая растянутость быстро превращается из композиционного приема в функциональную проблему.

При этом полностью замкнутая структура для современного парка подходит не всегда. Парк все же должен сохранять открытость, визуальную проницаемость и связь с городом. Поэтому более реалистичной представляется модель полузамкнутых пространств, где открытые участки чередуются с участками ветрозащиты. В этом смысле особенно важны не сплошные барьеры, а система буферов: посадки, павильоны, перепады рельефа, навесы, малые архитектурные формы и сами узлы активности, которые снижают скорость ветра и дают возможность кратковременной остановки. Исследование аэрационного режима на склоновых территориях показывает, что конфигурация среды напрямую влияет на распределение дискомфортных зон, а раскрытые проходы и ориентированные по ветру коридоры способны усиливать неприятные аэродинамические эффекты [Коробейникова 2021, с. 48–51]. Для парка это означает очень простую вещь: не всякая прямая дорожка хороша, если она превращается в ветровой канал.

При обсуждении пространственной модели северного парка важно учитывать, что в арктическом городе зеленая территория работает не только как зона отдыха, но и как часть общей системы устойчивости. На примере Надыма В. Куikliна, О. Сизов и Р. Федоров показывают, что зеленые пространства следует оценивать не только по количественным показателям, но и по доступности, распределению и роли в городской структуре [Kuklina и др. 2021, р. 2–5]. Особенно показательно, что парк Козлова в этом исследовании описан как один из главных организующих центров городской планировки, вокруг которого концентрируются общественные функции. Для темы настоящей статьи это принципиально важно, поскольку подтверждает: парк в северном городе может выступать не периферийным озелененным участком, а узловым элементом городской композиции, который связывает рекреацию, повседневные маршруты и общественную активность.

Отсюда вытекает значение линейных моделей. Сами по себе они не являются ошибочными для рассматриваемых условий. Напротив, в северном парке линейные связи часто необходимы, потому что именно они собирают территорию в единый маршрут и обеспечивают короткие переходы между зонами. Но такая модель работает только при одном условии: линия должна быть не оголенной, а поддержанной системой укрытий и остановок. В этом отношении показателен материал о проектах северного

градостроительства 1960-х годов, где крытые галереи и пассажи понимались как специальные пешеходные улицы, то есть как пространство движения, уже приспособленное к суровому климату [Какими могли быть арктические города 2020]. Для современного парка это, конечно, не означает буквального воспроизведения крытых переходов, но сама логика остается актуальной. Маршрут в северной среде должен рассматриваться не как нейтральная дорожка, а как климатически чувствительная связь между узлами.

Эта мысль хорошо подтверждается и в более современных исследованиях.

А. Коробейникова, Н. Данилина и И. Теплова предлагают оценивать общественное пространство северного города через временную доступность, то есть через соотношение длины пути и допустимого времени пребывания на открытом воздухе [Korobeinikova и др. 2024, р. 9–14]. Если перенести этот подход на парк, становится ясно, что его структура должна формироваться не только по принципу композиционного равновесия, но и по принципу климатической достижимости. Иначе говоря, между входом, площадкой, павильоном, смотровой точкой или зоной отдыха не должно быть длинных незащищенных разрывов. Именно поэтому для северного парка особенно важен принцип цепочки укрытий. Это может быть не одна крупная капитальная постройка, а несколько последовательно расположенных элементов — навес, теплый павильон, плотная посадка, площадка с ограждением, локальное расширение маршрута. В совокупности они создают более надежную и психологически понятную траекторию.

Еще один ключевой вопрос связан с размещением узлов активности. В северном городе такие узлы нельзя располагать произвольно, только исходя из зрелищности или формального удобства планировки: они должны учитывать солнечный режим, ветровую нагрузку и характер сезонного использования. На примере г. Умео в северной Швеции показывается, что комфорт общественного пространства определяется тремя факторами: защитой от ветра, доступом к солнцу и работой со снегом [Costamagna и др. 2019, р. 137–145]. То есть особенно важно при этом различать активные и тихие зоны. В северном парке активные участки целесообразно размещать там, где лучше солнечный режим, ниже ветровая нагрузка и выше вероятность кратковременного, но повторяемого пребывания людей. Это могут быть входные площадки, участки рядом с павильонами, места зимних событий, детские зоны, площадки рядом с кафе или прокатом. Тихие зоны, напротив, допустимо располагать в более закрытых и пери-

ферийных частях территории, если там удастся создать ощущение защищенности и локального уединения. При этом речь идет не о полном разделении активного и спокойного, а о более тонкой настройке пространственных режимов. В северном городе чрезмерно открытая «универсальная» площадка нередко проигрывает меньшему по размеру, но более точно расположенному участку.

Отдельно нужно сказать о снеге. В северной среде он не сводится к помехе, которую необходимо только убрать. Современные исследования климата в арктических и приарктических территориях показывают, что снежный режим становится все менее стабильным: меняются высота покрова, сроки его залегания и сочетание снега с осадками переходного периода [Коробейникова и др. 2024, с. 43–45]. Поэтому парк должен не просто «переживать» снег, а включать его в свою пространственную логику. В одной части территории снег должен безопасно накапливаться, в другой — очищаться, в третьей — использоваться как сезонный ресурс. В этом смысле зима дает не только ограничения, но и дополнительные возможности: трассы, ледовые маршруты, событийные площадки, склоны, световые инсталляции, временные арт-объекты. Именно такой подход лежит в основе «Winter placemaking», где холодный сезон рассматривается как время для новых форм общественной жизни, а не как пауза в использовании города [Winter Placemaking 2025]. Данные современные практики показывают, что устойчивость северного общественного пространства зависит не только от степени его климатической защищенности, но и от способности поддерживать зимние формы городской активности (Рисунок 2) [Winter Placemaking 2025].

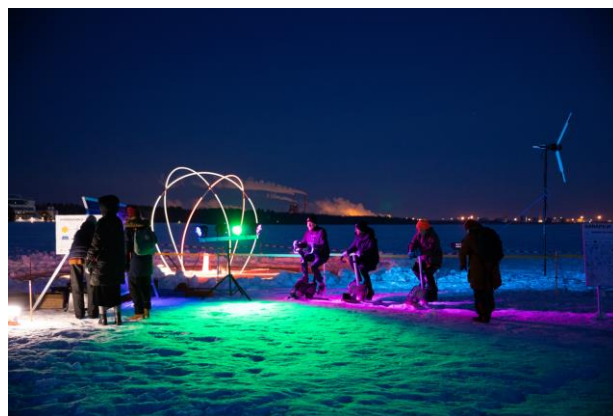

Рисунок 2. Событийная и световая активация открытого пространства в зимний период [Winter Placemaking 2025]

Figure 2. Event-based and light-based activation of an open public space in winter [Winter Placemaking 2025]

Для темы настоящей статьи этот пример важен тем, что показывает иной способ работы с северным пространством: если в одних случаях комфорт достигается через защиту маршрута и создание укрытий, то здесь — через временную активацию открытого узла. Свет, событие и художественная организация среды усиливают эмоциональную привлекательность пространства и делают его востребованным даже в холодный сезон. В парковой структуре такой подход может использоваться при формировании зимних активных зон, рассчитанных на кратковременное, но интенсивное пребывание людей. Если первое изображение (рисунок 1) связано с защищенной линейной связью, то второе — с временной активацией открытого узла (рисунок 2). Это позволяет увидеть: зимний парк может быть пригодным и без полного укрытия, если в нем появляется точка эмоционального притяжения — свет, событие, художественная интервенция, временная конструкция, ледовый объект. В таком случае холодный сезон перестает восприниматься как «мертвое» время, а сама территория получает новый социальный ритм.

Здесь важно подчеркнуть, что такие сезонные активации не заменяют планировочную основу, а работают только тогда, когда встроены в понятную пространственную схему. Световая инсталляция или зимний фестиваль не спасут парк, если к нему неудобно подойти, если площадка продувается, если рядом нет опорной инфраструктуры и, если маршрут к ней сам по себе слишком длинный и некомфортный. Поэтому событийный сценарий должен рассматриваться как надстройка над уже выстроенной системой связей. Сначала создается климатически разумный каркас территории, затем в него включаются сезонные программы.

При этом озеленение в северном парке нельзя понимать только как декоративное заполнение пространства. В арктическом городе насаждения выполняют микроклиматическую функцию: участвуют в ветрозащите, задержании снега, фильтрации воздуха и формировании более комфортной среды для пребывания. Именно на это указывают В. Куikliна, О. Сизов и Р. Федоров, отмечая, что в Надыме зеленые пространства связаны с защитой от ветра, пыли, шума и выхлопных газов, а хвойные и лиственные породы по-разному работают в зимний и летний период [Kuklina и др. 2021, р. 2, 7–8]. В контексте парковой территории это означает, что состав и размещение насаждений должны рассматриваться как часть планировочной модели, а не как вторичный слой оформления.

Здесь особенно важен переход от жесткого функционального деления к сценарному зонированию. Северный парк должен иметь не просто “детскую зону”, “зону отдыха” и “прогулочную часть”, а более гибкую структуру, где функция меняется по сезону.

С. В. Ильвицкая и А. В. Комиссаров, а также Е. С. Пономарев и К. Е. Арсентьева рассматривают адаптивность и трансформируемость как важные качества среды для сложных климатических условий [Ильвицкая, Комиссаров 2023, с. 68–72; Пономарев, Арсентьева 2023, с. 9–10]. Для парка это не означает, что вся территория должна быть технически подвижной. Достаточно того, что ее пространственный каркас допускает сезонную перенастройку. Летняя открытая площадка может зимой превращаться в зону короткого транзита и световой активности. Газон может работать как место тихого отдыха летом и как пространство снегового накопления или игры зимой. Линейный маршрут может усиливаться временными павильонами и навесами в холодный сезон и раскрываться летом.

Наконец, при обсуждении моделей нельзя обойти вопрос о масштабе и образе пространства. Исследования арктической городской среды все чаще критикуют крупные открытые площади и стандартизированные схемы, в которых человек оказывается в слишком жесткой и холодной геометрии [Prokорова и др. 2025, р. 13–18]. Это замечание напрямую относится и к парку. Для северной среды избыточно крупное, пустое и открытое пространство редко работает хорошо. Оно может выглядеть эффективно на плане, но в реальном использовании быстро оказывается неудобным. Поэтому более жизнеспособной выглядит модель парка как последовательности средних и малых пространств, соединенных логичными и защищенными переходами. В этом смысле удачный северный парк — это не огромная ровная площадь озеленения, а структурированная система разных по характеру фрагментов.

По итогу, для северного города наиболее убедительной представляется не одна “идеальная” модель, а сочетание нескольких принципов: компактности, коротких связей, полузамкнутых и защищенных участков, климатически оправданного размещения узлов, сезонного зонирования и сценарной гибкости. Парк в таких условиях должен быть не просто зеленой территорией, а пространственным каркасом повседневной жизни, который помогает человеку не избегать северный климат, а жить внутри него более комфортно и осмысленно.

Одной из главных особенностей парковой территории в северном городе все же является то, что ее качество определяется не только набором функций, но и характером перемещения между ними. В мягком климате отдельные участки парка могут восприниматься как самостоятельные площадки, связанные между собой достаточно свободно. В северной среде такая схема работает хуже. Здесь именно маршрут становится базовым элементом пространственной структуры, потому что от него зависит, насколько долго человек готов находиться на улице, как часто он будет пользоваться территорией и сохранит ли парк активность в холодный сезон. По этой причине планировочная модель северного парка должна выстраиваться прежде всего через систему коротких связей, защищенных траекторий и последовательно расположенных точек притяжения.

В работах, посвященных общественным пространствам северных городов, подчеркивается, что в условиях Крайнего Севера и приарктических территорий расстояние между точками активности не может оцениваться только геометрически. Оно должно соотноситься с климатически допустимым временем пребывания человека на открытом воздухе [Korobeinikova и др. 2024, р. 12–14]. Для парка это означает, что схема «вход — длинная прямая аллея — центральная площадка — удаленная тихая зона» оказывается уязвимой, если между этими элементами нет промежуточных остановок, укрытий или более камерных фрагментов пространства. Иначе даже композиционно ясная структура превращается в растянутую и холодную среду, которая хорошо читается на плане, но слабо работает в реальном повседневном использовании. Поэтому логика маршрутов в северном парке должна строиться по принципу последовательного движения через ряд пространственно поддержанных участков. Такой маршрут не обязательно должен быть крытым или полностью изолированным от среды. Напротив, важнее, чтобы он был ритмически организован и давал человеку ощущение предсказуемости и защиты. Это может достигаться за счет смены открытых и полузамкнутых фрагментов, плотных посадок, малых архитектурных форм, навесов, павильонов, экранов от ветра, локальных расширений дорожки, мест кратковременного отдыха. В таком случае траектория приобретает не только транспортную, но и пространственную ценность. Она перестает быть нейтральным коридором между объектами и становится самостоятельным носителем комфорта.

Однако маршрут в северном парке не должен пониматься только как защищенная линия движения. Не менее важна его сезонная перенастройка. Летом и зимой человек использует пространство по-разному: меняется скорость движения, продолжительность остановок, запрос на освещенность, степень допустимой открытости и сам набор действий. Поэтому планировочная структура должна допускать как минимум два сценария прочтения территории. Летний сценарий обычно связан с большей открытостью, более длительным пребыванием, распределенной активностью и расширением рекреационных функций. Зимний сценарий, наоборот, требует более плотной сборки пространства, коротких траекторий, более четкого разделения активных и тихих зон и усиленной роли промежуточных опорных точек. В этом смысле северный парк рациональнее строить не по схеме жестко закрепленных зон, а по принципу сезонного зонирования. Одна и та же часть территории может иметь разные режимы использования в течение года. Например, открытая центральная площадка летом может работать как место событий, отдыха и свободного пребывания, а зимой — как территория кратковременной активности, световой инсталляции или ледовой площадки. Газонный участок летом используется как тихая рекреационная поверхность, а зимой может выполнять роль снегового буфера, игровой площадки или визуально открытого поля, усиливающего инсоляцию соседних маршрутов. Такой подход ближе к адаптивной логике среды, о которой пишут С. В. Ильвицкая и А. В. Комиссаров, а также Е. С. Пономарев и К. Е. Арсентьева, связывая устойчивость пространства с сочетанием стабильных и изменяемых элементов [Ильвицкая, Комиссаров 2023, с. 70–72; Пономарев, Арсентьева 2023, с. 9–10].

Подводя итог, логика маршрутов и сезонное зонирование образуют связанный каркас северного парка. Маршрут обеспечивает физическую достижимость и климатическую устойчивость структуры, а сезонное зонирование — ее временную гибкость. В результате парк может работать не как летняя рекреационная территория с зимним «простоем», а как среда, где разные участки по-разному активизируются в течение года. Именно такое понимание позволяет связать морфологию пространства, климатические ограничения и реальную повседневную жизнь северного города в одну систему.

Проведенный анализ показал, что парк в северном городе нельзя рассматривать только как рекреационную территорию в обычном смысле. В условиях сурового климата он становится частью системы повседневной городской жизни, где решающее значение

приобретают не отдельные элементы благоустройства, а сама пространственная модель. Именно она определяет, будет ли территория работать круглый год или останется сезонной и фрагментарной.

В первой части статьи был сформирован подход к парку как к климатически чувствительной среде. Наибольшее значение здесь получили ветер, снег, характер рельефа, инсоляция, длина маршрутов и сезонная изменчивость сценариев. По ходу анализа стало ясно, что для северной территории особенно важны компактность структуры, различие открытых и полузамкнутых участков, а также связь между морфологией пространства и условиями повседневного использования.

Во второй части основной акцент был сделан уже на самих моделях организации парка. Выявлено, что наиболее устойчиво работают короткие связи между узлами активности, цепочки укрытий, климатически поддержанные маршруты и более гибкое сезонное зонирование. Существенным оказался и визуальный материал. Первое изображение позволило увидеть раннюю логику защищенной линейной связи, где маршрут понимался как самостоятельное общественное пространство. Второе показало другой важный принцип, при котором зимняя активность поддерживается не только защитой от климата, но и событийным, световым и эмоциональным насыщением среды.

Цель статьи была достигнута. В ходе работы удалось установить, что для северного города наиболее уместна не одна универсальная схема, а сочетание нескольких принципов. К ним относятся компактность, пространственная связанность, защита от ветра, учет снегового режима, сезонная перенастройка функций и различие активных и тихих зон. Практический смысл полученных выводов связан с тем, что они могут использоваться при проектировании парковых и общественных пространств в северных городах, где особенно важно совместить климатическую устойчивость, понятную структуру и реальную пригодность территории для жизни в течение всего года.

В итоге северный парк следует понимать не как декоративное приложение к городской среде, а как ее рабочий пространственный каркас. Чем точнее его структура отвечает климату и повседневным маршрутам человека, тем выше его ценность для города.

Список литературы

1. Ермишина А. А. Основные пути развития архитектурной среды открытых пространств в городах Северного региона / А. А. Ермишина, Н. В. Каргин, В. А. Короткова, С. Г. Короткова // Вестник Инженерной школы Дальневосточного федерального университета. 2024. № 3(60). С. 131–143.
2. Ильвицкая, С. В. Динамическая архитектура многофункциональных общественных центров / С. В. Ильвицкая, А. В. Комиссаров // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2023. Т. 25, № 2. С. 65–74.
3. Коробейникова, А. Е. Влияние естественных процессов на изменение климата урбанизированных территорий Республики Коми и меры адаптации к ним / А. Е. Коробейникова, А. Е. Макарова, К. П. Конакова // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. 2024. № 2(46). С. 42–58.
4. Коробейникова, А. Е. Особенности формирования аэрационного режима жилой застройки на склоновых территориях / А. Е. Коробейникова // Экология урбанизированных территорий. 2021. № 4. С. 47–52.
5. Пономарев, Е. С. Моделирование жилой среды на основе принципов динамической архитектуры для экстремальных условий / Е. С. Пономарев, К. Е. Арсентьева // Архитектура. Реставрация. Дизайн. Урбанистика. 2023. № 1(1). С. 4–12.
6. Costamagna, F. Livability of Urban Public Spaces in Northern Swedish Cities: The Case of Umeå / F. Costamagna, R. Lind, O. Stjernström // Planning Practice & Research. 2019. Vol. 34, No. 2. P. 131–148.
7. Korobeinikova A. Planning Public Space Climate Comfortability: A GIS-Based Algorithm for the Compact Cities of the Far North / A. Korobeinikova, N. Danilina, I. Teplova // Land. 2024. Vol. 13, No. 11. P. 1763.
8. Kuklina, V. Green spaces as an indicator of urban sustainability in the Arctic cities: Case of Nadym / V. Kuklina, O. Sizov, R. Fedorov // Polar Science. 2021. Vol. 29. P. 100672.
9. Mikaeili, M. Climate-Responsive Design Principles in Winter City Urban Public Open Spaces: A Case Study in Erzurum, Aziziye District / M. Mikaeili // Sustainability. 2025. Vol. 17, No. 18. P. 8295.
10. Prokopova, S. Unfreezing the City: A Systemic Approach to Arctic Urban Comfort / S. Prokopova, S. Usenyuk-Kravchuk, O. Ustyuzhantseva // Architecture. 2025. Vol. 5, No. 2.

Список источников

1. Какими могли быть арктические города // Автор Екатерина Калеменева 13 января 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1821> (дата обращения: 19.12.2025).
2. Winter Placemaking: Turning Cold Cities into Vibrant Hubs // Mayors of Europe 24 марта 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tomorrow.city/winter-placemaking-turning-cold-cities-into-vibrant-hubs/> (дата обращения: 03.02.2026).

References

1. Ermishina, A. A. Main directions of development of the architectural environment of open spaces in northern cities / A. A. Ermishina, N. V. Kargin, V. A. Korotkova, S. G. Korotkova // Bulletin of the Engineering School of the Far Eastern Federal University. 2024. No. 3(60). P. 131–143.
2. Ilvitskaya, S. V. Dynamic architecture of multifunctional public centers / S. V. Ilvitskaya, A. V. Komissarov // Bulletin of Tomsk State University of Architecture and Building. 2023. Vol. 25, No. 2. P. 65–74.
3. Korobeinikova, A. E. Influence of natural processes on climate change in urbanized territories of the Komi Republic and adaptation measures / A. E. Korobeinikova, A. E. Makarova, K. P. Konakova // Biosphere Compatibility: Human, Region, Technologies. 2024. No. 2(46). P. 42–58.
4. Korobeinikova, A. E. Features of formation of the aeration regime of residential development

on sloped territories / A. E. Korobeinikova // Ecology of Urbanized Territories. 2021. No. 4.

P. 47–52.

5. Ponomarev, E. S. Modeling of residential environment based on the principles of dynamic architecture for extreme conditions / E. S. Ponomarev, K. E. Arsentyeva // Architecture. Restoration. Design. Urban Studies. 2023. No. 1(1). P. 4–12.
6. Costamagna, F. Livability of Urban Public Spaces in Northern Swedish Cities: The Case of Umeå / F. Costamagna, R. Lind, O. Stjernström // Planning Practice & Research. 2019. Vol. 34, No. 2. P. 131–148.
7. Korobeinikova A. Planning Public Space Climate Comfortability: A GIS-Based Algorithm for the Compact Cities of the Far North / A. Korobeinikova, N. Danilina, I. Teplova // Land. 2024. Vol. 13, No. 11. P. 1763.
8. Kuklina, V. Green spaces as an indicator of urban sustainability in the Arctic cities: Case of Nadym / V. Kuklina, O. Sizov, R. Fedorov // Polar Science. 2021. Vol. 29. P. 100672.
9. Mikaeili, M. Climate-Responsive Design Principles in Winter City Urban Public Open Spaces: A Case Study in Erzurum, Aziziye District / M. Mikaeili // Sustainability. 2025. Vol. 17, No. 18. P. 8295.
10. Prokopova, S. Unfreezing the City: A Systemic Approach to Arctic Urban Comfort / S. Prokopova, S. Usenyuk-Kravchuk, O. Ustyuzhantseva // Architecture. 2025. Vol. 5, No. 2.

Материал передан в редакцию 31.03.2026.

Педагогика | Pedagogics

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2008>

Аэробика как средство повышения мотивации студентов вуза к занятиям по физической культуре

Екатерина Крыласова

Старший преподаватель

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова

krylasova@yandex.ru, [ORCID](#)

Дмитрий Духанин

Старший преподаватель

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова

dukhanin_d_77@mail.ru

Антон Глухов

Старший преподаватель

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова

antongluhoff@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема низкой мотивации обучающихся в высших учебных заведениях при организации занятий по физической культуре. В качестве гипотезы был выдвинут тезис о необходимости включения в учебный процесс современного фитнес-направления «оздоровительная аэробика» для повышения мотивации к академическим занятиям по физической культуре. В настоящей работе представлена авторская разработка комплексов упражнений, применяемых на учебных занятиях по физической культуре со студентами НГАУДИ им. А.Д. Крячкова, обучающихся по направлению подготовки «Архитектура» образовательной программы «Архитектурное проектирование». Для организации академических занятий по физической культуре были изучены методические особенности организаций групповых занятий по направлению «оздоровительная аэробика», а также проанализированы музыкальные треки, предложенные ведущими специалистами фитнес-индустрии.

Ключевые слова: оздоровительная аэробика, физическая культура, физические упражнения, мотивация, студенты, высшее учебное заведение

Для цитирования: Крыласова Е.А., Духанин Д.С., Глухов А.В. Аэробика как средство повышения мотивации студентов вуза к занятиям по физической культуре // Творчество и современность. 2026. № 2. С. 71–76.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2008>

Aerobics as a Means of Increasing University Students' Motivation for Physical Education

Ekaterina Krylasova

Senior Lecturer

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

krylasova@yandex.ru, [ORCID](#)

Dmitry Dukhanin

Senior Lecturer

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

dukhanin_d_77@mail.ru

Anton Glukhov

Senior Lecturer

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

antongluhoff@mail.ru

Abstract

Aerobics as a Means of Improving Students' Motivation for Classes. This article examines the problem of low student motivation in higher education institutions when organizing physical education classes. The hypothesis put forward is the need to incorporate the modern fitness trend of "health aerobics" into the curriculum to increase motivation for academic physical education classes. This paper presents sets of exercises developed by the author, used in physical education lessons for students of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education named after Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts, studying in the Architecture program within the Architectural Design program. To organize academic physical education classes, methodological features of organizing group classes in the field of "health aerobics" were studied, and music tracks proposed by leading fitness industry experts were analyzed.

Keywords: health aerobics, physical education, exercise, motivation, students, higher education institution

For citation: Krylasova E., Dukhanin D., Glukhov A. (2025) Aerobics as a Means of Increasing University Students' Motivation for Physical Education. *Creativity and modernity*. 32 (2). 71–76.

Введение

Согласно Указу Президента РФ от 8 декабря 2025 года №896 была утверждена Стратегия развития здравоохранения до 2030 года. Основными задачами были определены такие направления как:

1. Увеличение доли граждан, которые соблюдают здоровый образ жизни (до 13,6%);
2. Повышение ожидаемой продолжительности жизни в ходе укрепления здоровья населения;
3. Улучшение качества оказываемых услуг физкультурно-оздоровительной сферы, а также доступности медицинской помощи [О стратегии развития...].

В связи с данным Указом возникла необходимость о внедрении новых средств и методов в учебный процесс студентов высших учебных заведений. Здоровье и двигательная активность занимают важное место в жизни каждого, особенно это актуально для обучающихся, так как именно в период обучения возникают сложности с поддержанием интереса к академическим занятиям по физической культуре. Одним из эффективных методов для повышения мотивации студентов является внедрение современных фитнес направлений в систему физических занятий.

Оздоровительная аэробика является направлением массовой физической культуры с контролируемыми нагрузками. Данное направление постоянно развивается и совершенствуется. В процессе модернизации этого направления специалисты различных областей — от фитнес-инструкторов до хореографов и музыкантов — тесно сотрудничают, создавая новые программы, которые сочетают в себе элементы физических упражнений, танца и музыки, доступные для широкой аудитории. Оздоровительная аэробика отличается наличием аэробной фазы в ходе тренировки, во время которой сердечно-сосудистая, дыхательная и мышечная системы работают на заданном уровне.

Музыкальное сопровождение, используемое на занятиях по физической культуре с применением оздоровительной аэробикой, тщательно подобранное с учетом возрастных особенностей и интересов участников группы, может существенно улучшить показатели (физические, психологические, когнитивные). В процессе учебных занятий активно применяется современная музыка, которая становится основой для танцевальных движений, соответствующих ее стилю. Музыка помогает специалисту по физической культуре задавать ритм, характер, а также регулировать темп движений в процессе выполнения

аэробных движений. Благодаря ей формируется упорядоченные, выверенные по ритму упражнения, что способствует более эффективной организации физической активности. Занятия с музыкальным сопровождением обладают выраженным оздоровительным и гигиеническим эффектом. Музыкальный ритм структурирует движения, повышает эмоциональный тонус участников. Позитивные эмоции способствуют более энергичному выполнению упражнений, усиливая их воздействие на организм, улучшая выносливость, способствуя оздоровлению полноценному восстановлению после длительной умственной нагрузки [Зефирова 2006, с.15].

Приобщение студентов к систематическому посещению занятий по физической культуре следует начинать через формирование мотивации. Формирование мотивации происходит, основываясь на двух важных принципах:

1. Возрастной принцип. Согласно данному принципу важно мотивировать детей к занятиям с раннего детства;
2. Деятельностный принцип. Принцип, согласно которому необходимо потребность к движению следует создавать через оздоровительную деятельность по отношению к себе. Это значит, что формировать новые качества нужно через выполнение предложенных упражнений [Бароненко 2010, с. 57].

Для активизации ценностных ориентиров современных студентов необходимо время, чтобы сформировать устойчивую мотивацию. Важно подчеркнуть, что любые кардинальные изменения существующей мотивации в короткие сроки возможны лишь в редких случаях и требуют системного подхода.

Мотивация к здоровому образу жизни является фундаментальной ценностью, которая должна постепенно захватывать внимание обучающихся, вызывать их интерес и понимание важности этого для улучшения качества жизни. Только через осознание роли здоровья и личной ответственности за него можно добиться стабильного внутреннего стремления к формированию позитивных привычек.

Создание условий для развития такой мотивации включает постоянную работу по формированию у студентов понимания, что забота о здоровье — это не только необходимость, но и инвестиция в лучшее будущее, качество жизни и удовлетворенность собой. В этом контексте важно подчеркнуть, что ценности и мотивация — это не разовые усилия, а процесс, требующий терпения и систематической поддержки.

В связи с низкой посещаемостью студентов 2 курса была выявлена необходимость изыскивать новые средства и методы для внедрения в академические занятия по физической культуре. Подводя итоги 2024–2025 уч. года были выявлены низкие показатели посещаемости у девушек, обучающихся по направлению подготовки «Архитектура» образовательной программы «Архитектурное проектирование». Систематическое посещение занятий составило 59% от общего количества занимающихся.

Методы и материалы

Для подтверждения выдвинутой гипотезы были использованы следующие методы: изучение и анализ литературы по теме, педагогическое наблюдение, педагогический эксперимент, анкетирование и методы математической статистики. Для организации педагогического эксперимента были отобраны девушки 19–20 лет в количестве 47 человек, обучающиеся на 2 курсе, имеющие основную группу здоровья. На начало эксперимента было предложено против анкетирование на выявление уровня мотивации, а также для определения личной (учебной) мотивации к занятиям по физической культуре. В ходе анкетирования были использованы такие анкеты как: «анкета «Оценка уровня школьной мотивации» Н.Г.Лускановой и «анкета по изучению учебной мотивации (по методике М. Р. Гинзбурга)», данные материалы были адаптированы под обучающихся в высших учебных заведениях.

В период с сентября 2025 по апрель 2026 год в учебные занятия студентов были внедрены блоки оздоровительной аэробики. При организации вводной и основной части занятия были использованы аэробные упражнения. Отличительным моментом было то, что обучающиеся самостоятельно выбирали музыкальное сопровождение, а специалисты по физической культуре, в свою очередь, подготавливали музыкальные треки в соответствии с необходимым темпом, который зависит от направленности и содержания академического занятия.

1. Медленный темп — 40–60 bpm, снижение интенсивности нагрузки по окончании занятия;
2. Умеренный темп — 60–90 bpm, выполнение упражнений после аэробной части, упражнения в партере;
3. Средний темп — 90–120 bpm, выполнение упражнений при низкой ударной нагрузке, аэробная часть упражнений;
4. Темп выше среднего — 120–130 bpm, аэробная часть танцевального занятия;

5. Высокий темп — 130–160 bpm, аэробная часть, высокая ударная нагрузка;
6. Очень быстрый темп — 160–180 bpm, аэробная часть, высокая ударная нагрузка (высокий уровень подготовки).

Занятия проводились 2 раза в неделю, на базе НГАУДИ им. А.Д. Крячкова. Академические занятия по физической культуре проводились с оздоровительной направленностью в виде практического занятия. На каждом отдельно взятом занятии решались основные три педагогические задачи: воспитательные, оздоровительные и образовательные.

Что касается содержания, а также вида движений, которые были использованы на конкретных занятиях по физической культуре для решения этих задач, зависит от основной цели занятия и контингента занимающихся. Построение занятий ничем не отличалось от стандартного занятия по дисциплине: общая продолжительность практического занятия составляла 90 минут и включала в себя основные части: подготовительную, основную и заключительную части.

Занятие начиналось с подготовительной части. Важно отметить, что каждая часть занятия имеет свои конкретные цели. Что касается подготовительной части, то специалист по физической культуре должен соблюдать постепенное повышение частоты сердечных сокращений, увеличение температуры тела и следить за подготовкой опорно-двигательного аппарата к последующим нагрузкам. Особое внимание уделяется развитию подвижности в суставах. Также необходимо регулярно напоминать занимающимся о соблюдении техники безопасности при выполнении упражнений, чтобы избежать травм и обеспечить эффективность тренировки.

После завершения подготовительной части переходим к основной части занятия. Она включает выполнение нескольких комплексов упражнений:

1. Комплекс аэробных упражнений — основан на базовых движениях с постепенным увеличением амплитуды и вовлечением всё большего числа мышечных групп, что способствует развитию выносливости и укреплению сердечно-сосудистой системы.
2. Короткий комплекс движений, направленный на плавный переход от высокоинтенсивных движений к упражнениям силового характера с низким темпом и высоким уровнем напряжения, что помогает подготовить тело к более стойким нагрузкам и снизить риск перенапряжения.

3. Комплекс силовых упражнений, продолжительностью 10–15 минут, предназначен для укрепления мышц туловища, плечевого пояса и ног. В его рамках используются упражнения как с собственным весом тела, так и с дополнительными отягощениями, что способствует развитию мышечного корсета и повышению общей силы.

Такая последовательность обеспечивает не только полноценную подготовку организма к нагрузкам, но и способствует формированию правильных двигательных навыков и техник выполнения упражнений.

В данной части занятия основными задачами является увеличение частоты сердечных сокращений до уровня «целевой зоны», повышение функциональных возможностей разных систем организма (сердечно-сосудистой, дыхательной, мышечной), повышение расхода калорий при выполнении специальных упражнений.

В заключительной части занятия использовались упражнения, способствующие: постепенно снизить обменные процессы в организме, сократить частоту сердечных сокращений до уровня близкого к исходному.

При подготовке занятий рекомендуется учитывать адаптацию организма к нагрузкам и следовать следующему графику:

- Первые две недели выполняется стандартная нагрузка: отрабатывается техника движений и изучаются основные базовые шаги аэробики. В этот период важно закрепить правильное выполнение движений.
- Следующий этап включает повышение интенсивности за счёт увеличения продолжительности занятий примерно на 10%. В программу добавляется больше повторений отдельных «блоков»

упражнений, что способствует развитию выносливости и укреплению навыков.

- Дальнейшее наращивание нагрузки - осуществляется либо увеличением общей длительности урока ещё на 10%, либо усилением интенсивности упражнений. Такой подход позволяет постепенно адаптировать организм к более высоким требованиям без риска перенапряжения.

Для контроля и правильной корректировки нагрузки применяются различные методики, среди которых особенно выделяются «периодический» и «непрерывный» тренинг. Эти методы помогают управлять уровнем интенсивности, избегать переутомления и обеспечивать устойчивый прогресс.

Полученные результаты и их обсуждение

В ходе педагогического эксперимента мы получили следующие данные (результаты представлены в таблице 1).

25–30 баллов (очень высокий уровень) — выраженная учебная мотивация и активность, 20–24 балла (высокий уровень) — стабильная заинтересованность обучением, 15–19 баллов (средний уровень) — позитивное отношение к вузу, но основное внимание привлекают вне учебные аспекты, 10–14 баллов (низкий уровень) — слабая заинтересованность процессом обучения, менее 10 баллов (очень низкий уровень) — отрицательное восприятие вуза, признаки дезадаптации.

Полученный прирост результатов у исследуемой группы можно объяснить нестандартной работой на занятиях по физической культуре, а именно внедрение оздоровительной аэробики в учебный процесс студенток. Далее рассмотрим показатели мотивации по М.Р. Гинзбургу, которые отображены в таблице 2.

Таблица 1. Средние значения показателя мотивации за период педагогического эксперимента у девушек 2 курса (по Н.Г. Лускановой).

Table 1. Average value of motivation level during the period of pedagogical experiment among 2nd year girls (according to N.G. Luskanova)

Уровень мотивации	Начало эксперимента	Окончание эксперимента
Количество баллов	11±2,1	20,5±1,5

$t=4,2$, при $P < 0,05$

Таблица 2. Средние значения показателей мотивации за период педагогического эксперимента у девушек 2 курса (по М. Р. Гинзбургу).

Table 2. Table 2. Average values of motivation level during the period of the pedagogical experiment among 2nd year girls (according to M.R. Ginzburg).

Тип мотивации	Начало эксперимента	Окончание эксперимента
Учебный мотив, %	19,9±2,5 t=5,2, при P < 0,05	48,2±1,9
Социальный мотив, %	47,7±2,1 t=3,1, при P < 0,05	22,7±2,0
Позитивный мотив, %	11,9±1,9 t=1,3, при P > 0,05	13,9±1,7
Оценочный мотив, %	9,8±1,8 t=1,1, при P > 0,05	9,4±1,5
Игровой мотив, %	0	0
Внешний мотив, %	10,7±1,7 t=2,6, при P < 0,05	5,8±1,4

Из представленных данных можно проследить динамику. За период эксперимента результаты у исследуемой группы имеют прирост. Это также можно объяснить внедрением оздоровительной аэробики в учебный процесс студенток.

При анализе вышеперечисленных данных можно сделать вывод, что внедрение оздоровительной аэробики в академические занятия студенток будут благоприятно влиять на учебную мотивацию, а также на уровень мотивации. Это можно проследить исходя из таблиц 1 и 2, а также при анализе журнала учета посещаемости. Посещаемость обучающихся выросла на 17% и составила в итоге 76%.

Оздоровительная аэробика является популярным и доступным направлением, которое стимулирует интерес студентов к физической активности, также данное направление способствует формированию положительного отношения к систематическим занятиям, повышающих двигательную активность. Групповые занятия способствуют улучшению социальных связей, создают атмосферу поддержки, что помогает укрепить психологический комфорт, что напрямую зависит на мотивационную сферу. Тезис о необходимости включения в учебный процесс современного фитнес-направления «оздоровительная аэробика» для повышения мотивации к академическим занятиям по физической культуре подтвердился.

Список литературы

1. Бароненко В.А. Здоровье и физическая культура студента: учеб. пособие. 2-у изд., перераб. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2010. 336 с.
2. Зефирова Е.В., Платонова В.А. Оздоровительная аэробика: содержание и методика: учебное пособие. СПб.: Редакционно-издательский отдел Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2006. 26 с.

Список источников

1. О стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации до 2030 года: указ Президента РФ от 8 декабря 2025 г. №986 // Здравоохранение. 2025.

References

1. Baronenko, V.A. "Student Health and Cultural Appearance": a study guide. 2nd edition, revised. Moscow: Alfa-M: INFRA-M, 2010. 336 p.
2. Zefirova, E.V., Platonova, V.A. "Health Aerobics: Content and Methodology": a study guide. St. Petersburg: Editorial and Publishing Department of the St. Petersburg State University of Information Technologies, Mechanics and Optics. 2006. 26 p.

Материал передан в редакцию 21.04.2026.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2009>

Пути оптимизации учебного процесса по физическому воспитанию детей специальной медицинской группы

Клим Локтев

Преподаватель

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств им. А.Д. Крячкова

Аннотация

В статье проведён анализ, цель которого — выявить эффективность использования инновационных подходов в учебном процессе по физическому воспитанию учащихся специальной медицинской группы. Занятие включало упражнения, состоящие из элементов пилатеса, йоги и статической телесно-ориентированной терапии. Предложенная программа физических упражнений выполнялась студентами в основной части занятия и занимала по объёму до 80% времени. Набор предназначен для повышения функциональных возможностей тела, адаптационных возможностей сердечно-дыхательной системы, здоровья и нервной системы, улучшения подвижности суставов. Выявлена высокая степень эффективности в процессе обучения инновациям общего профилактического и терапевтического воздействия. Предлагается использовать в образовательном процессе современные методы профилактики и коррекции.

Ключевые слова: физическое воспитание, специальная, медицинская группа

Для цитирования: Локтев К.И. Пути оптимизации учебного процесса по физическому воспитанию детей специальной медицинской группы // Творчество и современность. 2026. № 2. С. 77–82.

DOI: <https://doi.org/10.37909/2542-1352-2026-2-2009>

Ways to Optimizing the Educational Process in Physical Education of Children of a Special Medical Group

Klim Loktev

Lecturer

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts

Abstract

This article analyzes the effectiveness of using innovative approaches in physical education classes for students in special medical groups. The sessions incorporated exercises combining elements of Pilates, yoga, and static body-oriented therapy. The proposed exercise program was performed during the main part of the session, accounting for up to 80% of the total class time. The routine is designed to enhance the body's functional capabilities, the adaptive capacity of the cardiorespiratory and nervous systems, and overall health, as well as to improve joint mobility. The study demonstrated a high level of effectiveness in implementing these innovative methods, which offer general preventive and therapeutic benefits. The authors recommend integrating modern prevention and corrective techniques into the educational process.

Keywords: physical education, special, medical group

For citation: Loktev K. (2025) Ways to Optimizing the Educational Process in Physical Education of Children of a Special Medical Group. *Creativity and modernity*. 32 (2). 77–82.

Введение

Одной из главных проблем системы образования в современном мире можно назвать здоровье детей любого возраста от самых младших до старшеклассников. Это связано в первую очередь с повышением численности детей с врожденными или приобретёнными проблемами со здоровьем, а также имеющими различные отклонения в физическом состоянии. Во многих случаях уже имеющиеся проблемы со здоровьем со временем только осложняются, приобретая патологический характер.

Например, согласно статистике некоторых исследований по заболеваемости среди детей и подростков в Республике Крым разница по заболеваемости между 2010 и 2011 годов составляет 6,9%. Это существенная разница в сравнении с одним годом исследований. И со временем данная разница показателей становятся только существеннее [Васьков Ю.В. 2012, с. 288]. В структуре нозологических форм патологии среди детей наиболее заметное место занимают заболевания органов дыхания. Эти заболевания составляют значительную долю — 40,7% от общего количества заболевших детей. Это свидетельствует о том, что проблемы, связанные с дыхательной системой, являются одной из главных причин проблем со здоровьем. Разнообразие патологий, охватывающих органы дыхания, включает как острые заболевания, такие как бронхит и пневмония, так и хронические, например, астму. Высокая распространенность данных заболеваний у детей требует особого внимания. Необходимо проводить профилактические мероприятия и активно заниматься чтобы снизить уровень заболеваемости и улучшить физическое состояние.

Особое внимание стоит обратить на увеличение в последние годы количества детей с проблемами опорно-двигательного аппарата, различными искривлениями и избыточной массой. Эти проблемы становятся все более заметными и тревожными в современном образовательном процессе [Васьков Ю. В. 2012, с. 288]. Нездоровый образ жизни, различные факторы окружающей среды, недостаточная физическая активность и неправильное питание — все это оказывает серьезное влияние на здоровье детей и подростков. Когда мы говорим о состоянии здоровья современных школьников, необходимо учитывать, что вышеперечисленные нарушения не просто индивидуальные проблемы, а целый комплекс заболеваний, затрагивающих все аспекты развития ребенка. Увеличение числа учащихся с избыточной массой тела ставит под угрозу не только их физическое здоровье, но и общее психоэмоциональное состояние.

К тому же, нарушения осанки и проблемы с опорно-двигательным аппаратом могут привести к

долгосрочным негативным последствиям, включая хронические боли и ограничение подвижности в будущем. Также стоит упомянуть о влиянии искривлений нервной и психической системы на учебный процесс и социализацию детей. Эти факторы могут создавать значительные трудности в обучении, снижая успеваемость и затрудняя взаимодействие со сверстниками. Все эти причины указывают на необходимость более внимательного отношения к детскому здоровью. В результате этого, увеличивается количество учащихся, которые по состоянию своего здоровья могут и должны быть отнесены к особым группам здоровья.

Организация учебного процесса по физическому воспитанию для детей, отнесенных к особым группам здоровья, требует комплексного подхода и решения ряда важнейших задач. Эти задачи связаны, в первую очередь, с необходимостью реализации ключевого направления школьного физического воспитания, которое направлено на оздоровление детей, профилактику заболеваний и коррекцию существующих проблем со здоровьем. Важно создать адаптированную программу физического воспитания, которая будет учитывать индивидуальные особенности и потребности каждого ученика. Это означает, что занятия должны быть разнообразными и включать как общеразвивающие упражнения, так и специализированные элементы, направленные на улучшение состояния здоровья и физической подготовленности. Необходимо уделять особое внимание профилактике уже имеющихся заболеваний у детей, связанных с малоподвижным образом жизни, неправильным питанием и стрессами. Кроме того, важно учитывать коррекцию нарушений, связанных с осанкой и опорно-двигательным аппаратом [Райгородский Д. И. 2001, с. 530].

На занятиях по физической культуре должны быть включены специальные упражнения, направленные на укрепление мышечного корсета, улучшение осанки и развитие гибкости. К тому же, следует активно применять методики, которые помогут справиться с психоэмоциональными трудностями, такими как стресс и тревожность, что особенно актуально для детей с искривлениями нервной и психической системы. Еще одной важной задачей является создание благоприятной атмосферы на занятиях, где каждый ребенок будет чувствовать себя комфортно и уверенно. В целом, организация учебного процесса по физическому воспитанию для детей с особенными потребностями требует всестороннего внимания, профессионализма и адаптивности со стороны преподавательского состава. В конечном итоге, успешная реализация этих задач может не только улучшить физическое здоровье учащихся,

но и способствовать их гармоничному развитию и полноценной интеграции в общественную жизнь.

В связи с этим следует отметить, что освоение детьми различных видов спорта является важной составляющей образовательной программы, что подчеркивает значимость физического воспитания в формировании всесторонне развитой личности. Спортивная деятельность не только способствует улучшению физического здоровья, но и играет ключевую роль в воспитании таких качеств, как дисциплина, командный дух и умение достигать поставленных целей. В образовательной программе это направление предусмотрено как основной материал, что отражает подходы к созданию целостной системы обучения и воспитания. При этом этот учебный материал строго регламентирован определенным объемом часов, что обеспечивает необходимый уровень подготовки детей в различных видах спорта [Бернштейн Н. А. 1966, с. 166].

Что касается реализации специфических методов профилактики и коррекции, то на это в образовательной программе отводится до 30–35 минут каждого урока. Важно отметить, что данный временной интервал является оптимальным для того, чтобы детально разобрать дополнительные аспекты, касающиеся здоровья и физического развития, а также внедрить в обучение специальные упражнения, направленные на предотвращение травм и коррекцию нарушений в физическом состоянии детей. Эти занятия способствуют не только улучшению общей физической формы, но и формируют у детей осознанное отношение к своему здоровью и физической активности.

Таким образом, основное время занятия должно быть использовано для практического применения методов коррекции здоровья, принимая во внимание специфику функционального состояния больного ребенка. Важность этого подхода заключается в том, что каждая категория детей требует индивидуального подхода, который необходимо адаптировать в зависимости от характера и степени нарушений их здоровья. Эффективные методы коррекции должны быть подстроены под физические возможности и ограничения каждого ребенка, что делает мероприятия не только более результативными, но и безопасными. Однако в образовательной программе практически отсутствуют методические рекомендации, которые могли бы помочь преподавателю в решении конкретных задач. Отсутствие четких указаний и структурированных материалов создает дополнительные сложности для педагогов, сталкивающихся с необходимостью реализации коррекционных методов в условиях ограниченного времени.

Кроме того, реализация принципа индивидуализации затруднена из-за большой численности групп и разнообразия функциональных отклонений у детей. В условиях, когда на одного преподавателя приходится множество учеников с разными физическими состояниями, становится сложно организовать процесс обучения таким образом, чтобы каждый ребенок получил внимание и поддержку, необходимые именно ему. Это приводит к тому, что некоторые дети могут оставаться без должного контроля и коррекции, что осложняет процесс их социализации и физического формирования.

Таким образом, возникает необходимость в разработке более детализированных и конкретизированных методических рекомендаций, которые бы учитывали индивидуальные особенности детей с отклонениями в здоровье. Это позволило бы повысить качество физического воспитания и обеспечить более эффективное коррекционное воздействие на детей, способствуя тем самым улучшению их физического состояния и общей жизнедеятельности [Бернштейн Н. А. 1966, с. 166]. Выработка таких рекомендаций потребует объединения усилий специалистов в области педагогики, медицины и психологии, что обеспечит комплексный подход к решению данной задачи.

В связи с этим, очевидно, необходимо отдавать предпочтение методам, обладающим общим профилактическим и лечебным эффектом. Таким образом, интеграция современных методов профилактики и коррекции в процесс физического воспитания становится не только необходимостью, но и важным фактором, способствующим улучшению учебного процесса детей специальной группы здоровья. Это требует от педагогов не только знаний и навыков, но и готовности к постоянному обучению и внедрению нововведений, что поможет создавать более инклюзивную и поддерживающую образовательную среду. Наконец, необходимо продолжать исследовать и адаптировать эти методы с учетом изменений в понимании здоровья и физической активности.

Целью работы по такой системе будет выяснить эффективность применения инновационных подходов в учебном процессе по физическому воспитанию учащихся специальной группы здоровья.

Занятия по физическому воспитанию при такой системе должны включать в себя физические упражнения, которые состояли из элементов системы Пилатеса, статической йоги и телесно-ориентированной терапии [Сергеева Л. С. 2000, с. 290]. Предложенная программа физических упражнений выполняется учащимися в основной части урока и занимает до 80,0% времени. Оценка эффективности инновационного подхода в организации образовательного процесса должна проводиться на основе

определения параметров физического развития учащихся, которые включают оценку размеров тела, его пропорций, мышечной силы и работоспособности.

Организация образовательного процесса по физическому воспитанию детей специальных групп здоровья предусматривает реализацию ряда специфических задач, направленных на общее укрепление здоровья, профилактику заболеваний, коррекцию уровня физического развития и функционального состояния основных физиологических систем ребенка. В связи с этим, учитывая сложность формирования группы с однородными отклонениями в состоянии здоровья, целесообразно использовать средства, не имеющие противопоказаний при различных соматических отклонениях. Уроки содержали упражнения, направленные на создание мышечного напряжения с последующим расслаблением работающих мышц.

Корректирующие упражнения, позволяющие компенсировать строение тела, играют ключевую роль в процессе физической реабилитации и воспитания. Эти упражнения направлены на развитие концентрации внимания, что является важным аспектом при работе с детьми, особенно с теми, кто нуждается в коррекции физического состояния. Работа с концентрацией внимания помогает детям осознать свое тело, научиться ощущать и контролировать его движения, а также взаимодействовать с окружающим пространством, особенно в условиях воздействия чувства тяжести. Например, выполнение упражнений с учетом силы тяжести способствует развитию стабильности и улучшает координацию. Дети учатся сохранять целостность структуры своих движений, что крайне важно для формирования правильной осанки и предотвращения дальнейших отклонений.

Кроме того, данные корректирующие упражнения активно работают над развитием возможностей ребенка сохранять равновесие. Это особенно важно для детей, у которых имеются проблемы с координацией или вестибулярным аппаратом. Упражнения, требующие поддержания баланса, помогают не только укрепить мышцы, но и повышают уровень уверенности детей в своих физических способностях. В результате регулярных занятий они становятся более уверенными в движении и способны адаптироваться к различным условиям, что влияет на их общую физическую активность и жизненное восприятие.

Активные и пассивные дыхательные упражнения также занимают важное место в коррекционной физической культуре. Они обеспечивают усиление диафрагмального дыхания и вовлекают в работу как дыхательные, так и вспомогательные дыхательные мышцы. Это приводит не только к улучшению

вентиляции легких, но и способствует нормализации обмена веществ, повышению общего тонуса организма и улучшению психоэмоционального состояния.

В процессе реализации предлагаемого учебного материала изучается динамика физического и функционального состояния детей, а также типологические особенности функционирования нервной системы.

Оценка физического состояния является важным аспектом объективной характеристики потенциальных возможностей детского организма. Как следует из результатов множества исследований, у обследуемых детей специальной медицинской группы часто наблюдаются проблемы опорно-двигательного аппарата. Это является серьезной проблемой, поскольку здоровый опорно-двигательный аппарат играет ключевую роль в физическом развитии и функциональных возможностях ребенка. Ситуация усугубляется тем, что на фоне увеличения массы тела у мальчиков отмечаются ограничения двигательных способностей, что, безусловно, сказывается на их уровне физической активности и общем состоянии здоровья [Бернштейн Н. А. 1966, с. 166].

С учетом вышеизложенного, становится очевидной потребность в создании и внедрении специальных программ физической подготовки, адаптированных для детей с ограниченными возможностями опорно-двигательного аппарата. Такие программы должны полностью учитывать индивидуальные особенности каждого ребенка, а также включать элементы физической терапии, направленные на улучшение гибкости, силы и координации. Это позволит не только улучшить состояние опорно-двигательного аппарата, но и повысить уровень самооценки и уверенности в себе у детей, что, в свою очередь, будет способствовать их социализации и общему развитию.

Таким образом, оценка динамической и статистической выносливости основных мышечных групп свидетельствует о резком снижении сокращения скелетных мышц, обеспечивающих необходимый уровень силы, как интегральной характеристики нервно-мышечной координации.

Использование гимнастики для мышц, включающей статические и статико-динамические упражнения, а также упражнения на расслабления через концентрацию на уроках физкультуры, стимулирует активность мышц всего тела. Также активизация мышц всего тела благоприятно отражается на их функциональных показателях и общем самочувствии.

Важным аспектом является также и изучение особенностей нервной системы учащихся специальной группы в процессе реализации тренировочной программы. Понимание функционирования нервной

системы детей с особыми потребностями позволяет более эффективно разрабатывать и адаптировать комплексы физических упражнений, учитывающих их индивидуальные особенности. Чувствительность и реакция нервной системы играют ключевую роль в том, как дети воспринимают физическую активность и реагируют на тренировки, и, следовательно, эта информация должна быть учтена при планировании занятий [Райгородский Д. И. 2001, с. 530].

При выполнении комплексов физических упражнений особое внимание должно уделяться произвольной концентрации внимания на ощущениях, связанных с процессами, происходящими в организме. Это включает в себя осознание дыхания, уровня нагрузки и реакции мышц. Обучение детей осознанно контролировать и фокусировать внимание на своих физических ощущениях не только улучшает качество тренировок, но и способствует развитию самосознания, что крайне важно для их общего развития и успешной социализации. Такая концентрация внимания обеспечивает рост работоспособности нервных клеток и силы нервной системы, что выражается в увеличении темпа работы, оздоровлению [Буркова О., Лисицкая Т. 2005, с. 207]

Таким образом, применение упражнений Пилатеса, статической йоги и телесно-ориентированной терапии в учебном процессе с детьми специальных групп здоровья способствует гармонизации физического развития, повышению общей адаптационной активности и формированию мотивации к оздоровлению [Буркова О., Лисицкая Т. 2005, с. 207].

Применение инновационных средств общей профилактики и лечения в учебном процессе по физическому воспитанию учащихся специальных групп здоровья оказывает выраженный стимулирующий эффект, который связан с коррекцией физического развития и функциональных возможностей детского организма.

Предложенная программа физических упражнений может способствовать развитию опорно-двигательного аппарата детей и оптимизации антропометрических параметров. Росту возможностей скелетных мышц.

Регулярное выполнение комплексов физических упражнений, включающих активные и пассивные дыхательные упражнения, корригирующие упражнения, обеспечивает переход кардиораспираторной системы на новый функциональный уровень, который характеризуется ростом адаптационных воз-

можностей. Также зафиксирован рост работоспособности нервных клеток и силы нервной системы. Дальнейшие исследования предполагают внедрение предложенной программы физических упражнений в учебный процесс физического воспитания учащихся разных возрастных групп.

Список литературы

1. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности, М., 1966, 166 с.
2. Буркова О., Лисицкая Т. "Пилатес" — фитнес высшего класса, Киев, 2005, 207 с.
3. Васьков Ю.В. Физическая культура. 5–9 классы. Специальные медицинские группы. 5–9 классы. Специальная медицинская группа. Киев, 2012, 288 с.
4. Мазуров В.И. Клиническая ревматология, Санкт-Петербург, 2001, 416 с.
5. Райгородский Д.И. Методика экспресс-диагностики свойств нервной системы по психомоторным показателям. Самара, 2001. С. 528–530.
6. Николаева М. Практика хатха-йоги, Москва, 2005, 96 с.
7. Сергеева Л.С. Телесно-ориентированная терапия. Санкт-Петербург, 2000. 290 с.

References

1. Bernstein N.A. Essays on the physiology of movement and physiology of activity, M., 1966, 166 p.
2. Burkova O., Lisitskaya T. "Pilates" — fitness of the highest class, Kiev, 2005, 207 p.
3. Vaskov Yu.V. Physical culture. 5–9 classes. Special medical groups. 5–9 classes. Special medical group. Kiev, 2012, 288 p.
4. Mazurov V.I. Clinical Rheumatology, St. Petersburg, 2001, 416 p.
5. Raigorodsky D.I. Method of express diagnostics of the properties of the nervous system by psychomotor indicators. Samara, 2001. P.528–530.
6. Nikolaeva M. Practice of Hatha Yoga, Moscow, 2005, 96 p.
7. Sergeeva L.S. Body-oriented therapy. St. Petersburg, 2000. 290 p.

Материал передан в редакцию 16.06.2026.